AACKCAHAPB

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 7 (34)

июль, 2019

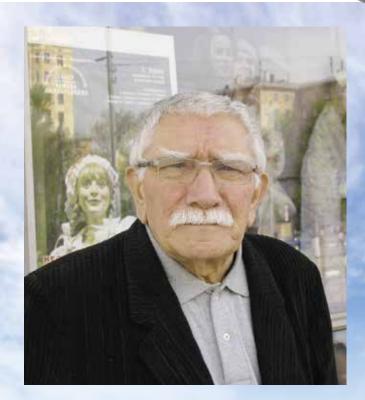
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен июльский номер литературно-исторического журнала «Александръ». На протяжении всего года мы стараемся не уходить от театральной темы в публикациях, и особенно приятным стало выступление в нашем журнале такого выдающегося мэтра, как Армен Джигарханян, поздравившего читателей с Годом театра и высказавшего своё мнение и свою позицию по поводу театральной жизни.

Во вступительном слове Армена Борисовича чётко просматривается мичуринская мысль – известный учёный на предложение американцев переехать в США ответил, что «яблоня должна расти там, где посажена», а на чужой земле погибнет. В этом заключается истина для всего живого на земле. Или ещё когда к отцу Сергея Есенина пришли мужики и сказали, что «...пропал его сын, в Америку уехал, ходит в шляпе по широким улицам», тот им ответил: «Не такой мой Серёжка, он пуповиной к родной земле прирос». Так оно и случилось – не смог Есенин без России, да и она без него не смогла.

Июль – середина лета, время отпусков, и по этой причине номер насыщен поэтическими произведениями и разноплановыми публикациями, позволяющими читателю насладиться современной русской литературой.

В Год театра прежде всего, безусловно, нужно говорить о театре, о поддержке театра, о насущных проблемах театра. Но главное, чтобы всё не ограничивалось только театром как организацией. Мне кажется, и в этот год, и в иной нужно говорить и думать о зрителе. Ведь искусство, которое мы дарим людям, рассчитано на плодотворное взаимодействие. Без зрителя – нет театра!

Со зрителем мы занимаемся одним делом, он переживает на спектакле не меньше актёра, если тот своей игрой сумел увлечь за собой.

В актёрской профессии нет ничего постоянного. Нет константы. Это ежедневный процесс. Мне сейчас за 80 лет. Я выхожу на сцену и каждый раз начинаю всё сначала. Театр – очень опасное занятие: нужно каждый день доказывать, кто ты: из художественной самодеятельности или всё-таки Джигарханян. И я – говорю это без кокетства – до сих пор не знаю, кто я.

Когда-то я попробовал проделать в Америке то, чем занимался всю жизнь в России. Было у меня такое желание. Был период, когда я часто ездил в Америку. Думал, уеду туда навсегда. Я хотел там работать, если не артистом, то режиссёром. Это очень удобно: поработал там, вернулся в Москву. Наивно надеялся, что со временем буду говорить по-английски почти без акцента. Но ничего не вышло. Не получилось даже спектакль поставить. Почему не получилось? Дело даже не в языке. У американцев абсолютно другое мышление, иные радости и горести. Мы и они – очень разные.

Возвращаясь к начатой мысли, хочу добавить, что в жизни нужно всегда удивляться и радоваться. Если хочешь хорошо жить, надо сильно себя полюбить. Это моя формула. Но – и это главное – прежде думай о Родине, потом о театре и в конце о себе.

В общем, я искренне надеюсь на понимание публики, приглашаю на премьеры, а их много, рассчитываю, что личное участие каждого зрителя в судьбе театра поможет нам в главной творческой цели искусства – поддержке культуры, традиций и человека.

Пусть сцена дарит вам теплоту взаимного общения!

Армен ДЖИГАРХАНЯН, народный артист СССР

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор - Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – **А. Н. СЁМИН** (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

- Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;
- Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), ІТ-дизайнер, оформитель, поэт;
- В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;
- Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»;
- В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;
- В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;
- В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;
- Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;
- В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;
- С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;
- И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;
- Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационноиздательского отдела Мичуринской епархии;
- Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;
- Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;
- В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;
- В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (34), июль 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор — А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка — Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода - 20.07.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 — директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

B HOMEPE:

ГОЛ ТЕАТРА

б Армен Джигарханян: «Планы большие, а дальше посмотрим!»

СВЯТАЯ РУСЬ

10 Олег Селедцов. Преподобный Дионисий Радонежский

RNEEOII

16 Владимир Скиф

КЛАССИКА

21 Алла Новикова-Строганова. Чёртовы куклы закабалённой России

ИСКУССТВО

- 29 Людмила Хлебникова. Единое полотно судьбы
- **33** Валентина Панкратьева. О картине «Память и время»

CTPAHA COBETOB

34 Владимир Газетов, Максим Ветров. Охрана Московского Кремля в годы Великой Отечественной войны

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

42 Константин Емельянов. Автопортрет

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

45 Вадим Кулинченко. «Фронтовые сто грамм»

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

49 Любовь Попова.Даманский – наша память и боль

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

56 Николай Чербаев. В переулках души

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

58 Елена Осминкина

ПРАВОСЛАВИЕ

62 Роман Леонов. Присутствие в Царстве Божием

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

67 Виталий Апевалов. Забытый в веках певец

ИСПОВЕЛЬ ПОЭТА

79 Владимир Подлузский. Сюжеты

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

84 Николай Железняк. Русская Мама́

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

92 Известный космонавт в Тамбовской области

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Писатели в Звёздном

АРМЕН ДЖИГАРХАНЯН: «ПЛАНЫ БОЛЬШИЕ, А ДАЛЬШЕ ПОСМОТРИМ!»

Мэтр в самом начале нового сезона попросил своих актёров начать жить с чистого листа, чтобы в их театре больше не было места лжи.

Так Армен Джигарханян открывал сезон 2018–2019 годов, переворачивая одну из самых непростых страниц в жизни и триумфально возвращаясь в свой театр. На сцене тогда репетировали «Мольера», и худрук скромно сидел среди пустого зрительного зала и внимательно наблюдал за происходящим.

– Мы все должны делать одно дело, – напутствовал он своих воспитанников, – поэтому здесь не должно быть места для лжи. Ведь каждый спектакль – это как ребёнок, плод большой любви мужчины и женщины!

Спектакль «Мольер» дорог Джигарханяну ещё и тем, что именно с него когда-то начался его московский этап жизни. Он играл в нём в конце шестидесятых, когда едва переступил порог «Ленкома». Может быть, поэтому он сейчас так пристально смотрит на сцену и

молчит. Шутка ли, возвращаться к тому, что было с ним почти пятьдесят лет назад!

Спектакль давался тяжело, неоднократно Армен Борисович приступал к этой постановке и отступал, что-то свыше не давало завершить замысел. Более шести лет спектакль рождался в полном соответствии с трудной судьбой выдающейся пьесы Михаила Булгакова.

Джигарханян, как всегда, весь в планах и мечтах, и одними репетициями дело не огра-

ничивается. Уже больше года помогает Армену Борисовичу в руководстве театром и. о. директора Елена Гильванова.

Прошлый год был рекордным по количеству премьер, несмотря на смену директора, «театр под руководством Армена Джигарханяна жив и процветает, продолжая радовать зрителя».

По словам заведующего литературной частью театра Николая Железняка, в уходящем 2018 году выпущено рекордное количество премьер на двух сценах – 11 спектаклей разных жанров. Тем самым побит рекорд среди московских театров.

В частности, режиссёр Сергей Виноградов, завершая трилогию по пьесам ирландского драматурга Макдонаха, поставил спектакль «Череп из Коннемары», с которым театр получил призы на Фестивале Макдонаха в Перми и фестивале «Виват, Театр!» в Тамбове. Спектакль «Сторож» режиссёра А. Крупника по Гарольду Пинтеру завоевал награды на фестивале «Вайгель» в Саранске. Пользуется заслуженным успехом у зрителя удивительно тонкий и атмосферный спектакль – также недавняя премьера – «Пигмалион» режиссёра Юрия Клепикова.

«Прогремела и премьера "Мольера" по Михаилу Булгакову, и блистательно поставленная народным артистом России А. Кузиным антифашистская драма "Ночь Гельвера". Новогодние сказки "Весёлое сердце" и "Малыш и Карлсон" радуют не только детей, но и их родителей».

В планах театра на 2019 год – капитальное возобновление режиссёром Вадимом Медведевым спектакля «Ромео и Джульетта». Также режиссёр Сергей Виноградов выпускает новую постановку – «Брак по-итальянски».

В новом году театр планирует выпустить до 12 премьер.

Прямой, статный, импозантный – по Армену Борисовичу не скажешь, что ему за 80. Поздоровавшись, интересуемся, как у него дела и что торопит его на работу.

– У меня всё хорошо, всё в порядке, – отвечает он. – А приехал – потому что ребята будут играть «Брак по-итальянски»! Планы большие, дальше посмотрим.

На здоровье мэтр не жалуется, прекрасно выглядит. О пережитых трудностях

не вспоминает. Вообще всякие сантименты – это не про него. Он даже в театральные приметы не верит.

– Не верю и не соблюдаю никаких примет. В театре считается, что нельзя стричься перед премьерой. А я, наоборот, и стригусь, и бреюсь. Приметы – это ерунда. Надо идти и работать, – убеждён Джигарханян. – Артисты,

которые сейчас репетируют спектакль, делают это очень хорошо. Я ими доволен. Это очень сложно – на ваших глазах становиться другим человеком. Перевоплощаться.

И вот новый прогон – второй на основной сцене в этом году. Свет в зале выключен, освещена лишь сцена. Джигарханян сидит в третьем ряду и внимает каждому слову.

– Давайте медленно, не торопясь вспомним ваши слова и приступим, – обращается к актёрам режиссёр Сергей Виноградов, и начинается таинство. На подмостках корифеи Алексей Анненков и Татьяна Мухина – смотришь и буквально от каждой реплики замираешь.

Впрочем, жизнь кипит не только на сцене. Пока Джигарханян наблюдает за репетицией, мы с заведующим труппой театра Вячеславом Дьяченко гуляем по зданию и удивляемся, как работающие здесь люди успевают делать сто дел разом.

– А давайте заглянем туда, где хранятся костюмы? – предлагает Вячеслав Дьяченко, и уже через пару минут мы разглядываем акку-

ратно развешанные платья, рубашки и смешные галстуки.

– Вот эти белые перчатки – Станислава Эвентова; он надевает их в спектакле «Свадьба Кречинского», – показывает нам костюмер Кристина Анцупова. – А вот в этом костюме со снегирём играет Иван Гордиенко, когда идёт «12 месяцев».

По словам Кристины, к каждому спектаклю она начинает готовиться как минимум за несколько часов. Проверяется всё – вплоть до самой крошечной пуговки или застёжки. После этого одежду гладят, помещают в кофр, подписывают и вешают возле гримёрки.

– У каждой вещи такая энергетика, что я могу на ощупь различить две абсолютно одинаковые рубашки! – уверяет Кристина. – Я могу не глядя сказать, какая из них принадлежит, предположим, этому артисту, а какая – Армену Борисовичу.

Знает всё об актёрах и художник-гримёр Вероника Бурцева, которая отвечает за парики и театральный мейкап. Спроси её о любом, она тут же ответит, кто и что предпочитает. Например, Анастасия Смоктуновская больше любит краситься сама, а актриса Ксения Худоба обожает экспериментировать – может попросить сделать из неё Пьеро или сотворить новый нос. В ход идёт всё: если не помогает пенополистирол, приходится всеми возможными способами разыскивать альгинат.

- A Армен Борисович? Он требовательный в плане макияжа? задаём вопрос.
- Нет, что вы. Приходя к нам в гримёрную, он уже совершенно точно знает, что ему нужно, и мы тоже!

Это, что называется, закулисье, но скоро театр и внешне заиграет яркими красками: на фасаде появятся новые вывески, как бы намекающие на то, что с прошлым – всё. Заменят и старые плакаты. Как бы они ни были дороги сердцу, говорит помощник директора Александра Кочемазова, надо идти вперёд и выпускать новые.

В первой премьере текущего года, «Ромео и Джульетте», Армен Борисович озвучил

текст хора, с которого начинается спектакль. По словам заведующего литературной частью театра Николая Железняка, народный артист СССР Армен Джигарханян лично принимал активное участие в репетиционном процессе.

Как отметил Железняк, зритель недавно – премьера состоялась 14 февраля – увидел восстановленную постановку, которая и ранее пользовалась неизменным зрительским успехом, а сегодня будет представлена в обновлённом актёрском составе. Ромео и Джульетту сыграют молодые актёры, выпускники Московского театрального колледжа Олега Табакова, Роман Керн и Кристина Исайкина.

– У нас была идея не то чтобы осовременить визуальный образ этого спектакля, а сделать некий синтез, чтобы не было понятно, какое это время. Это может быть прошлое, настоящее или будущее. Хотелось сделать вечную историю про судьбоносность, непредсказуемость, – сказал режиссёр спектакля Вадим Медведев.

Есть и ещё одна задумка у творческого коллектива театра – создание международного московского театрального фестиваля «Премия Джигарханяна» в стенах, которые неразрывно связаны с его именем. Ведь народный артист СССР Армен Борисович Джигарханян – выдающийся деятель искусства, отдавший все свои творческие силы на развитие российского кино и театра. И по примеру существующей награды – премии Александра Калягина – коллектив театра решил увековечить вклад в искусство великого Актёра. Целью фестиваля будет содействие появлению на профессиональной сцене талантливых молодых режиссёров, драматургов и других представителей творческих профессий, предоставление им возможности для самовыражения и реализации творческого потенциала.

Первый же фестиваль планируется приурочить ко дню рождения Армена Борисовича и торжественно открыть 3 октября 2019 года.

По сути, это будет такой подарок. Подарок мастеру от его благодарных учеников!

ПРЕПОДОБНЫЙ ДИОНИСИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Олег СЕЛЕДЦОВ

К 450-летию со дня рождения и 410-летию поставления архимандритом Свято-Троице-Сергиевой лавры

Сегодня я хочу рассказать о замечательном русском святом, к сожалению, незаслуженно забытом у нас. Это духовный наследник отца нашего, преподобного Сергия Радонежского, чудотворца. Они жили в разные эпохи. Один через двести лет после другого, но оба сыграли выдающуюся роль в деле спасения России, в деле собирания русских земель. Мой рассказ об одном из настоятелей лавры, преподобном Дионисии Радонежском.

Когда вы приедете в лавру, то увидите, что сердцем монастыря является древний златоглавый Троицкий собор. Он невысок и, пожалуй, тесен для огромного нескончаемого потока богомольцев. Рядом с ним стоят высокий и просторный собор Успения Пресвятой Богородицы и высоченная, в стиле барокко свеча-колокольня. А уж сколько паломников

может вместить трапезный храм! И всё же Троицкий собор – главная святыня лавры, а может, и всей России. Здесь в серебряной раке покоятся мощи игумена земли русской – преподобного Сергия. У южной стены собора был в своё время достроен придел над местом погребения второго настоятеля обители преподобного Никона. И почти одновременно к этому приделу была пристроена так называемая Серапионова палатка, где почивают мощи святых, бывших в разное время настоятелями лавры: святителей Серапиона, Иоасафа и преподобного Дионисия.

Кто же такой этот Дионисий? Чем заслужил он честь быть упокоенным подле великого Сергия?

Родился он во Ржеве. От рождения был боголюбив, почитал родителей и по их настоянию

женился. Но брак этот был недолог. Жена скончалась, и после её смерти Дионисий смог осуществить свою давнюю мечту – стать монахом. Он принял постриг и поступил в число братии монастыря в Старице, где вскоре стал настоятелем.

В разгар знаменитой русской Смуты его возвели в сан архимандрита, и патриарх Гермоген лично вызвал нового архимандрита в Москву. Дионисий был рассудителен и красноречив. С ним советовался не только патриарх, но и царь Василий Шуйский.

Едва Троице-Сергиева лавра пережила великую шестнадцатимесячную осаду польско-литовских войск, Дионисий стал здесь настоятелем. Именно в Троицком монастыре проявилась выдающаяся роль этого Божьего угодника в судьбах России.

Судите сами, с именем Дионисия связано окончание Смуты. Мало кто, к сожалению, помнит об этом. Москва в начале его настоятельства в лавре терпела разорение от завоевателей-поляков и от всякого рода разбойников, в изобилии расплодившихся на несчастной нашей земле. По дорогам тут и там скитались раненые, голодные и разорённые люди. Плач великий стоял на Руси. Множество увечных и убогих валялось в окрестных рощах монастыря и умирало. Кто же имел хоть каплю сил, стремился найти приют в великой обители, которую не смогли захватить вооружённые до

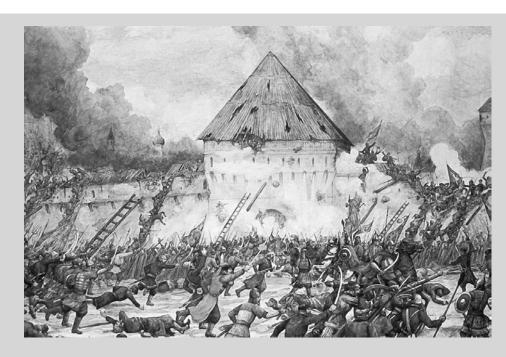
зубов иноземцы и их приспешники из числа своих доморощенных злодеев.

Дионисий же, помня заветы преподобного Сергия, обратил монастырь в огромный странноприимный дом, а также больницу. «Дом святой Троицы не запустел, – говорил он со слезами, – если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум».

Началась кипучая работа: монахи и трудники строили дома и избы, лечили больных, а умирающим давали последнее молитвенное утешение. И это в Смуту. Когда даже в Москве никто не помышлял о строительстве больниц и возведении нового жилья. Кстати, сразу после смерти Дионисия, по его завещанию, в лавре были возведены больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия Соловецких – первая российская общедоступная больница. Первая!

Монахи и трудники ездили по окрестностям, подбирали раненых и умирающих. Женщины неустанно стирали и шили бельё живым и саваны покойникам.

Архимандрит Дионисий и его верный помощник келарь Авраамий Палицын первыми начали великое дело спасения Отечества от смуты. Да-да, именно они, а не Минин с Пожарским. Дионисий с Авраамием уговорили двести человек стрельцов и пятьдесят монастырских слуг идти на избавление Москвы. Этот маленький отряд, конечно, ничего не значил в

Осада Троице-Сергиевой лавры поляками во время Смуты (1609 г.)

Благословение Минина и Пожарского

сравнении с силами поляков, но он явился началом того великого ополчения, которое собралось впоследствии со всех концов России по призванию Дионисия.

Обитель сумела наладить хорошие отношения с казаками князя Трубецкого. В это же время в келье Дионисия сидели опытные писцы. Они составляли увещевательные грамоты для городов и сёл, призывая всех, весь люд русский, все народы, для которых Россия стала родным домом, подняться для очищения Родины от литовских и польских захватчиков.

Одна из таких грамот и вдохновила на подвиг нижегородского мещанина Козьму Минина-Сухорука, который вместе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским собрал народное ополчение. То самое.

С этого времени Дмитрий Пожарский находился в постоянной переписке с Дионисием, советовался с ним. Получив сведения, что литовский гетман Ян Ходкевич двинулся на помощь полякам к Москве, осаждённой казаками, Пожарский выступил из Ярославля со всем ополчением. 14 августа русское войско было с честью встречено у стен Троицкого монастыря.

После общего молебна у мощей преподобного Сергия архимандрит Дионисий благословил ратных людей иконой Живоначальной Троицы. Ничего вам это не напоминает? 1380 год. Накануне генерального сражения, в котором поистине решалась судьба России, другой русский князь, другой Дмитрий – Донской – едет в Троицкий монастырь к преподобному Сергию за благословением.

Так устроена святая Русь, таковы законы русской истории: в самые критические часы, когда кажется, что судьба Отече-

ства уже решена, что никто не в состоянии уже вытащить нас из бездны, всегда находится великий молитвенник и печальник, который берёт на себя ответственность стать духовным отцом нашей нации. Таков Сергий, благословляющий Димитрия Донского на битву с непобедимой Ордой. Таков Иосиф Волоцкий, в одиночку победивший ересь, грозившую уничтожить всё русское православное самосознание, русский национальный код. (В эту ересь, как ни прискорбно об этом говорить, впали тогда даже близкие родственники великого князя и высшее русское духовенство.) Таков и Дионисий, рассылающий воззвания к народу и дающий войскам благословение.

Казалось, вся Россия стояла в стенах древнего монастыря, внимая звукам просительного молебна. Нижегородцы, смоляне, дорогобужцы, ярославцы, коломенцы, рязанцы, суздальцы... И казаки здесь, и поморы, и сибиряки. Стоит Русь в ожидании участи своей. Замерла. Молит Спаса всемилостивого изгнать врага и уврачевать смуту. Поёт монастырский хор, диаконы возглашают ектинии. Молится Русь. Рвутся в порыве злого ветра русские стяги. Недобрый ветер. Противный. От Москвы дует. Злая примета.

Печальны воины. Поникли бедовые головушки. Неужели не будет прощена Россия? Неужели отвернулись от нас Бог Господь Иисус Христос, да Пречистая Матерь Его Богородица, да отец наш батюшка Сергий, чудотворец Радонеж-

ский? И не одолеть нам проклятого ворога? И гибель пришла Руси-матушке?

Печальны воины, а молебен своим чередом идёт. Настоятель Троицкий архимандрит Дионисий крест наперсный в купель опускает, воду святит. Спокоен архимандрит. Службу ведёт чинно, уверенно.

– С небеси пошли благодать, Жизнодавче, и воду сию освяти... – неспешно поёт хор древним знаменным распевом.

Дионисий берёт кропило и начинает окроплять князя, воевод, стрельцов, ополченцев разных сословий, казаков и люд служилый. И коней верных окропляет, и надёжное, но грозное оружие.

И мир приходит в стены монастыря. Утихла буря, умолк ветер. Заблестели глаза русских воинов, святой верой и доброй надеждой возгорелись. И почудилось тут ратникам, что сам великий Сергий стоит незримо, а и зримо даже, вот только что его видели посреди нашего войска. Лучится улыбкой, благословляет.

Отслужили молебен. Воздали хвалу Богу, Пречистой Его Матери и Сергию святому. Тронулись походом. И тут снова задул ветерок. Не злой – ласковый. Не с Москвы, а от собора, от самой Троицы и Сергия. Тёплый ветер, попутный.

Идут полки. Светло на сердцах. Радуются души. Дионисий же со словами: «Бог да будет

с вами, и великий чудотворец Сергий да поможет вам постоять за святую православную веру!» – благословлял каждого проходившего мимо воина.

С великим воодушевлением ополчение двинулось на столицу. Но и теперь не оставил русского войска без духовной помощи Троицкий настоятель. Благословил быть при князе Пожарском верного своего помощника Авраамия Палицына. Помните, как в своё время благословил быть при князе Донском преподобный Сергий монахов своих, Пересвета и Ослябю? Помните, какую великую роль сыграли два эти инока в битве Куликовской? Так и сейчас. Келарь лаврский промыслом Божими навеки золотыми буквами вписан в книгу истории российской. Судите сами.

В самый разгар битвы под стенами Китай-города, когда сошлись в одном кровавом хороводе лёгкие сабельки, тяжёлые топоры, острые бердыши да пули ружейные, когда стало где размахнуться, распотешиться бедовому и пьяному русскому рукопашному бою, когда солнце в небесах, устрашившись сечи лютой, за тучу чёрную свой огненно-золотой лик укрывало, когда коршуны, спятившие от густого запаха крови, рвали друг на друге перья в клочья, когда перья эти, упав на землю, мешались, точно капли в Москве-реке, с порубленными перьями польских летучих гусаров, когда лишь ветер успевал иногда утереть мокрые от крови и пота лица смертельно уставших ратников... Тогда донесли вдруг князю Дмитрию страшную весть:

- Измена, княже! Чёрная измена! Казаки отказались идти на штурм, выручать братьев православных.
- Как отказались? Что такое? Измена? Измена!

Вот и всё. Напрасны все труды и все старания. Не будет победы. Не станет Русь свободна. Не прекратится смута. Погибнет русская земля. Церкви Божии в костёлы обратятся. Иконами святыми голубая шляхта будет печи топить. Измена.

Отказались вольные казаченьки в бой идти. Как есть отказались. За просто так. За двойное жалованье – пожалуйста, а задаром

не желают свободную казачью кровушку проливать, земли москальские потом угощать.

Бросился тогда к казакам Авраамий, посланник Дионисия, упал перед атаманами на колени.

– Братья! Люди православные! Ради Христа! Ради Богородицы! Ради отца нашего Сергия Радонежского! Вы вставайте да за святую Русы! Вы гоните ворога зла да от стен Кремля. А за то не оставит вас Сергий наш батюшка. Пусть пуста теперь казна монастырская, но даю вам слово, на святом кресте клянусь, на Евангелии, что отдам я вам за ваш ратный труд все сокровища нашей ризницы: все богатые ризы троицкие, дорогие сосуды служебные да иконные облачения, что из серебра да с каменьями. Все сокровища да святыни, все, что не сумели захватить за шестнадцать месяцев ни Литва осадой, ни полячишки. Только встаньте вы силой ратною за святую Русь да за Христа Царя!

Устыдились казаки, призадумались.

– Чего это мы? Али не православными родились мы, братья? Али не крест Христов вместо солнца нам путь кажет в пасмурный день да тёмной ночью? Али не целовали мы святых икон Богородичных, клянясь в верности Богу нашему да Руси – уделу Божьей Матери?

Настало согласие. Казаки вступили в бой, отказавшись принять обещанные Авраамием сокровища. И общими усилиями казаков и ополчения Москва была освобождена от иноземцев.

А уже на третий день в Кремле, в сердце русского православия – соборном храме Успения Богородицы – троицкий настоятель архимандрит Дионисий, как самый уважаемый священник нашей церкви, служил благодарственный молебен.

Шли дни за днями, недели за неделями, год за годом. Дьявол – враг рода человеческого – искал случая, чтобы ополчиться на святого троицкого подвижника. Искал и нашёл. Это было тогда, когда новый царь, избранный всем миром, Михаил Фёдорович, решил исправить богослужебные книги. Дело это было непростое, деликатное. Ревнители старины русской, древнего благочестия за каждую букву в святом писании насмерть стояли. Исправлять книги мог пастырь авторитетнейший. Таким испра-

вителем и стал Дионисий. С усердием приступил преподобный к этому богоугодному делу, взяв за основу славянские древние рукописи и греческие требники.

Полтора года работал Дионисий с помощниками над справой. Вот тут-то и навёл дьявол клевету на Божьего слугу. По клевете этой, по злому доносу взяли Дионисия. С позором, с бесчестием, принародно, пешим, а в иной день на самой негодной лошадёнке, без седла, в цепях, в одном рубище возили по Москве. Народ смеялся над вчерашним своим избавителем, кидал в него грязью и песком. Он всё это терпел с весёлым видом, благодаря позоривших его злых охальников.

Привезут его иногда до обедни, иногда после обедни и поставят скованного тяжёлой цепью на митрополичьем дворе. Стоит он, сердечный, под палящим солнцем или под проливным дождём с утра до вечера. И не давали ему при этом ни куска хлеба, ни чашки воды. А давали вместо этого на трапезе лишь злые пинки да горькие плевки. Он же улыбался и смиренно благодарил.

Состоялся церковный собор, на котором бедного страдальца отлучили от церкви Божией да запретили священствовать. Осудили Дионисия на заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, но по причине труднодоступности обители содержали до поры в Новоспасском монастыре столицы. Здесь сорок дней томили

страдальца на полатях в дыму, били, морили голодом, заставляли класть ежедневно тысячу поклонов. Он всё сносил безропотно. Ох и радовался же в те дни враг Христов – дьявол, – что столько горя принёс Божьему человеку.

Но Господь поругаем не бывает. На счастье в это время в Москву прибыл Иерусалимский патриарх. Тщательно разобрал он это непростое дело и полностью подтвердил правоту Дионисия в справе книг церковных. И другие восточные патриархи стали на защиту бывшего троицкого настоятеля. После особого суда Дионисий был полностью оправдан.

В Старицком Успенском монастыре, где некогда великий подвижник принял монашеский постриг, в Троицком соборе устроены два придела во имя преподобного Сергия Радонежского и во имя Дионисия Радонежского. Ученик и духовный учитель – два защитника и созидателя Руси, два столпа православия. Они не пересекались в жизни земной, но навеки соединены в Небесном Царствии под сенью Святой Троицы.

Таков мой рассказ. На этом конец и Богу хвала! Аминь.

ПЛАСТИНКА

1

Пластинка моя, как судьба, долговечная. Пластинка моя – вечеринка моя. Вдруг ты появилась – девчонка беспечная, Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огнь вылетающий Сжигает дотла, призывает любить. Я, жизнью избитый и сердцем не тающий, Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей, Как в юности жизнь, что нельзя покарать... Мне в жизни греметь.

Жизнь беспечная та ещё, Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится, Где летнего запаха пряный настой. Там песни и боль, там желаний сумятица, Там солнца пластинка и сон золотой.

2

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка, То Григ, то Вивальди. Утёсова хрип. Но в тёмной ночи разрывалась пластинка, И дыбилось время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе, Крутилась земля, просыпалась семья И пела: «Давно не бывал я в Донбассе», Хрипела: «Тянуло в родные края...»

И первые рифмы сквозили так рано, В ночи учащённо дышала земля... Пахнуло горящей резиной с Майдана, Жабрей, как татарин, стремился в поля.

Что стало с Донбассом, скажи мне, пластинка? На съезд верлибристов я ездил в Донецк, А нынче другая предстала картинка: Там бомбы и танки. Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье, Тебе, мой усталый и верный Донбасс? И где ты, из детства живое дыханье, И где ты, пропавший во времени класс?

3

Пластинки не стало, и поля не стало, Качаются в небе стихи и цветы... И льются дожди... Кто-то скажет устало:
– Ты пишешь ещё и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка, Могучий Утёсов взойдёт, как утёс... И ласковый колос взойдёт из суглинка, И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой, Какие в себя ещё в детстве вобрал... Просторы земли были верной подмогой, Чтоб свет нашей Родины не умирал...

У края судьбы появилась тычинка И стала цвести. Это ты или я?! Но чу! Некий звук... Зазвучала «Калинка»... Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский, И, вздрогнув, ожили родные края. И крикнула ты: – Прикатилась пластинка! Пластинка твоя – журавлинка твоя...

* * *

Белошвейка-зима над полями застыла, Белым инеем жухлые травы зажгла, И к погосту пришла, тёмный храм засветила, И в туманных полях скорбный крест прибрала.

У природы нет зла и глухой укоризны, Тишина и печаль, как водицы бокал. Здесь Рубцов проходил по изменчивой жизни И в болотах последнюю клюкву искал.

Белошвейка-зима, мы покличем Рубцова, Чтобы он – тихим днём – в русском поле ожил. Вдруг туманы ушли. Стыла клюква пунцово. И на небе Рубцов или месяц кружил... Я знаю, я чувствую, вижу: Эпоха сжимается вновь. Я время набухшее выжал – И брызнула алая кровь.

Я где-то во времени долгом Свой путь, свою долю искал... Я пел, как Некрасов на Волге, Как Чехов – смотрелся в Байкал.

Но время меня торопило, Пытало железом меня, На знойном ветру прокалило, Вдохнув в меня силу огня.

Во мне первородно, глубоко Любовь трепетала моя... И страждущим, веющим оком Искал я таких же, как я.

...Светило лицо молодое, Горя вдохновенным огнём... И солнце вставало гнедое, И я становился конём,

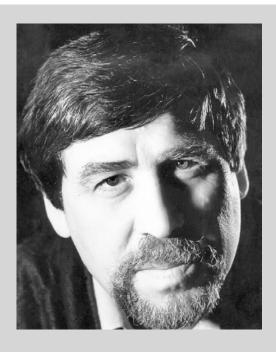
Тем самым отчаянным, красным, Которого мальчик купал...
Ты реяла девой опасной Среди купидонов и скал.

Взрывались в Нью-Йорке высотки, В ночи колебалась земля... Коня рисовал Петров-Водкин, И тот уносился в поля.

ВЕРГИЛИЙ

Что́ возле ада нам скажет сегодня Вергилий, Ставший для Данте прославленным поводырём? Мы с ним соратники, адовы слуги, враги ли? Данте в аду, а кого мы ещё подберём?

Ждут нас Горгона, и Цербер, и фурий преграда, В коих таится последнего вздоха цена. Данте и девять кругов злополучного ада, Круг замыкался, и падала в бездну стена.

Владимир СКИФ

Родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг: «Зимняя мозаика» (1970), «Журавлиная азбука» (1979), «Грибной дождь» (М., 1983) и мн. др. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо -2008»; победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010); лауреат международных премий: им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015); лауреат всероссийских литературных премий: «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова (2013), им. Николая Клюева (2014); лауреат премии издательского дома «Российский писатель» (2014, 2016); лауреат премии журнала «Наш современник» (2015); лауреат конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016); лауреат конкурса им. Николая Денисова (2017). Трижды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Академик Российской академии поэзии. Советник губернатора Иркутской области по культуре. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Живёт в Иркутске.

Помнил Вергилий все камни и все закоулки, Где проходил неземной, неизведанный путь, Но всякий раз запинался в безвременье гулком, Мыслил обратно в пустынную брешь повернуть.

Стану Вергилием жизни, а кто станет Дантом? Как страстотерпца, подобного Данте, найду? Где же мне взять эту бездну ума и таланта, Чтобы Вергилием быть в современном аду? Мы стоически держим земное пространство, Замирая порой над погибелью дней. Мы – российская мысль, мы её постоянство, И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русской судьбою пребудем, Неотступно идём по священной земле. И в бою, и в скитаньях её не забудем И не сможем предать в наступающей мгле...

* * *

Я в бессознательном искал – себя. Я полоумья гений.

Ломал, зачёркивал себя,

процеживал сквозь дно.

И находил себя в дыму, в чаду стихотворений, Они сгорали на ветру, не оживало – ни одно...

Я в бессознательном живу.

Здесь нет ни наслаждений, Ни светлой осени, ни слов, ни злобы, ни тоски. Лишь космы строк торчат

и остовы стихотворений, Которым прочил я любовь безумству вопреки.

Жить в бессознательном теперь – увы! моя услада, Гоню живое из себя, где проживала ты. И полоумный крик во мне –

предельная награда За все безумства и за дым сгоревшей чистоты...

поэты россии

Анатолию Аврутину

Мы – скитальцы, мы возле небес, мы такие... Нас по тёмным трущобам, по свету несёт. Мы – усталая жизнь, мы – загадка России, Но мы всё-таки те, кто Россию спасёт.

О бесстрашии помним, о времени помним, Мы себя из себя каждый день достаём, Святорусскую отчину музыкой полним, Ту, которую в звонких стихах создаём.

Тамаре Бусаргиной

Премудрости жизни не выучишь разом, Не выстоишь воином в поле святом... Когда вдруг заилятся сердце и разум, Охота придти в твой обласканный дом.

Я чтил твои встречи, слова, разговоры, К тебе направлялся мой вектор стихов. В России валились дома и заборы, И тлела деревня среди угольков.

Грома затихали, а войны гремели, Былое в веках уставало от дум... А помнишь, как с Глебом вы слушать умели, И, кажется, рядом сидел Аввакум.

Князь Игорь вбегал Аввакуму на смену, Забыв, что он половца бил на скаку... Глазами Кончак пробуравливал стену, Как только я «Слово» читал «о полку».

Я знанья свои в вашем доме упрочил Когда святорусскому слову внимал, Я в вашей семье обретал средоточье, И веру, и правду, и честь принимал.

...И мне никогда не забыть в этом доме, Как свет и любовь полыхали в крови, Где жил Аввакум в чёрно-бархатном томе... И мне не избыть благодарной любви!

ЕЛАБУГА

В бумагу кровью вляпано: «Трагически погибла...» Елабуга... Елабуга – Маринина могила. Михаил Успенский

1

Ты сбита влёт, ты влёт убита, Гнездо над Родиною свито, Но нет Отчизны, нет гнезда, И ты до Страшного суда

Дошла в любви непостижимой К России, к дочери любимой И к сыну – посреди невзгод... ...Но грянул 41-й год...

2

И словно выдохлась Марина, В душе означился исход... Врагов и близких не корила, Взошла на шаткий эшафот...

Простилась с миром и с кумиром (Сын был кумиром для неё). Маринин крик стоит над миром: «Родное дитятко моё…»

3

Я был в Елабуге, Марина, Я видел чёрный, смертный гвоздь. Твой сын погиб... Он пулю принял, Над ним горит рябины гроздь...

Ты пала раньше – в сорок первом – В бою неравном, как в бреду. ...Я по Елабуге, по нервам, Как будто по гвоздям, иду.

Ветер байкальский меня не спросился, Ветер свихнулся, ударил в лицо И по тревожной земле покатился, Будто бы жизни моей колесо.

Вот она, круглая жизнь! Приникая К мимо летящему полю, где рожь, Я ей кричу: – Ах ты, жизнь растакая! Как ты меня по ухабам несёшь!

По златокудрым и чувственным бабам, По крутоярам и дырам земли, По деревенькам и рощицам рябым, Где мои лучшие годы прошли!

Круглая жизнь, где твоя остановка? Пламенем к небу взметнулись года... Осень. Погост. Зазвенела подковка, Будто упавшая с неба звезда...

Мир тяжёлый вокруг, он и новый и древний, От орудий глубокие в нём колеи. А я снова во сне навещаю деревню, Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль, и угрюмится осень, По откосам дорог конский щавель стоит. Терпкость прошлого дня тёплый воздух приносит И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы Пустоту одичавших и жухлых полей. Снится им или нет золотая пшеница, Молодых колосков сладкий запах и клей.

Но лежит пустота целиной поднебесной, И молчит пустота над деревней моей, Обернулась земля нескончаемой бездной, И не стало в России лугов и полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи. Слышу – стонут во тьме, убегая за мною, Крутояры мои, глухомани мои...

Я вижу неподвижные деревья, Они смогли во сне захолонуть. Весь в грёзах лес за спящею деревней,

Слетают с неба хлопьями вороны, Немеет дней осенних череда. Пустеют лица и пусты перроны, С пустых небес свисают холода.

Туда ведёт мой заповедный путь.

Уже цветы упали в день вчерашний, Пожухли травы, обмелела даль. И сумерки бегут по чёрным пашням, Как поздняя осенняя печаль.

БАЙКАЛ

И развернулся, расточил Байкал Свои немыслимые воды. В нём столько глуби, донных скал И столько ветреной свободы.

В нём кочевали облака, Из века в век свой дом искали И застревали на века, Чтоб белой пеной стать в Байкале.

Бессмертные роились сны, Шли волны будто бы на дыбу, И когти молнии-блесны Кромсали тучу, словно рыбу.

И несмотря на битвы гроз, В Байкале нежились бакланы, И волн целебный купорос Залечивал у тучи раны. Спросонок выйду в молодую осень, В ней золота и алости сполна. Поёт синица или хлеба просит, Подсолнуха ей брошу семена.

* * *

Ещё калитка в лето приоткрыта, Малиной опадающей манит. Дорога к солнцу в небесах прорыта, Под ней Байкала синего магнит.

Ещё ничто не предвещает стужу, На солнце сушит лапки иван-чай. И почернел, как будто занедужил, Торчащий у заплота молочай.

Ещё в Байкале радуга искрится, Когда в затон моторка пробежит. В пустом гнезде скукоженная птица День уходящий будто сторожит.

Хотя и камень, и земля нагрета, Я дров несу и крепкий чай варю... В лесу прошла рябина мимо лета И на прощанье запеклась в зарю.

* * *

Молчит сосна, молчит осина, У леса обнажённый вид. И за околицей рябина Багряной ягодой кровит.

Но всё ещё восходит ярко Сноп поднебесного огня, И ярко-красная боярка Иглой впивается в меня.

Спешу за осенью из лета, Лечу вперёд или назад. Как выстрелы из арбалета – За мною ласточки летят.

ЧЁРТОВЫ КУКЛЫ ЗАКАБАЛЁННОЙ РОССИИ

(ЛЕСКОВ – ОБЛИЧИТЕЛЬ «ЧИНОВНИЧЬЕЙ ШУШЕРЫ»)

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей» (Пс. 1: 1).

ЧАСТЬ 2

Пылкий человек с пламенной душой, с трудом сдерживающий праведный гнев и негодование, Лесков задыхался в удушливой, затхлой атмосфере «умеренных и аккуратных» канцелярских ничтожеств, угодливых лизоблюдов, продажных подлецов, по-лакейски

заискивающих перед вышестоящими и готовых при всяком удобном случае пинать нижестоящих.

Понятия «чиновник» и «подлец» в русской классической литературе составляют один синонимический ряд. «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой», – писал в «Колыбельной песне» Н. А. Некрасов. В поэме «Кому на

Руси жить хорошо» (1866–1876) он сложил о чиновниках такие строки:

В груди у них нет душеньки, В глазах у них нет совести. На шее – нет креста!

О безбожных, бессовестных, бездушных бюрократах, об их жизни, «полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству (ХІ, 24), не раз говорил и писал Лесков. Марионетки, заводные живые механизмы получили у писателя многозначащее именование «чёртовы куклы».

О замысле романа с этим названием Лесков сообщал 3 августа 1875 года в письме А. П. Милюкову, говоря о подхалимах и прихлебателях из Министерства народного просвещения, славших министру графу Д. А. Толстому приторно-льстивые восхваления: «Ещё ли не деятели? А того нет, чтобы сказать графу о стоне, который стоит по всей стране за неразрешение переэкзаменовок за одну двойку... Кто же будет с ними? – Конечно, только они сами, пока их чёрт возьмёт куда следует. Они мне и здесь и воду, и воздух гадят, и на беду их тут много собралось.

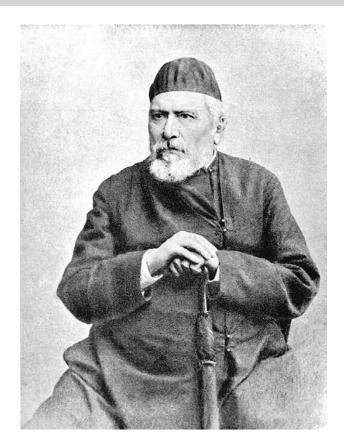
В заключение скажу, что вся эта пошлость и подлость назлили меня до желания написать нечто вроде "Смеха и горя" – под заглавием "Чёртовы куклы", и за это я уже принялся» (VIII, 627–628).

Комитет, в котором работал писатель, вызывал у него отвращение: «"Комитет мерзил" Лескову ещё с 1875 года, а учёного председателя его Лесков, опасаясь своей вспыльчивости, почитал за счастье "не видеть" вовсе» (2, 177).

Согласно лесковской эпиграмме, государственный контролёр Т. И. Филиппов – «мерзкий сводня, / Льстец презренный и холоп» (2, 187).

Упоминая в писъме о министре Делянове, писатель добавлял: «к которому я питаю только презрение, вполне им заслуженное» (2, 195).

Этот министр народного просвещения налагал путы на дело просвещения народа и прославился недоброй славой, когда издал нормативный акт, прозванный в России «циркуляром о кухаркиных детях», в котором

Николай Семёнович Лесков

предписывалось не принимать в гимназию «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.». Лесков немедленно откликнулся статьёй «Гимназический крах» (впоследствии – «Темнеющий берег»). Он писал издателю А. С. Суворину: «Ивана Делянова с его последним распоряжением, кажется, позволяется сажать на кол тою частию его тела, которая у него более прочих пострадала» (XI, 351).

Той же участи можно было бы пожелать современным руководителям российского просвещения – затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглупляющим учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силён и так

велика ненависть к отечественной литературе и её «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворённая отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто её не стыдится. Это приметы нашего времени, неоспоримые факты.

Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого среднего класса вынуждены учиться «чему-нибудь и как-нибудь». В лучшем случае их ждёт удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем – они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.

Очень «опрятный в душе человек», Лесков никогда не поступался своими принципами. В одном из писем он заявлял: «Прошу вас на меня никогда не смотреть как на пешку, которую можно двинуть без разбора во всякий след. Это всегда будет ошибочно и мне несносно» (2, 195).

Наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» (1862) обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело – никого. Нет, ты дело делай, а не бреши. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй» (I, 52).

«Возненавидел я сборище злонамеренных и с нечестивыми не сяду» (Пс. 25: 5), – словами псалма можно было бы передать отношение

писателя к государственной службе. И всё же он, неуживчивый в гнусной среде бездарных и бездушных министерских чинуш, вынужден был тянуть эту тяжкую лямку.

Терпение Лескова вызвало удивление у его сына – автора биографии писателя: «Почему-то сам он, как это ни странно, точно не задумывался над тем – совместимо ли с занимаемым им служебным положением год от года становившееся все менее "благонамеренным", если не "потрясовательным", направление всей писательской его деятельности? Почему-то не собрался пересмотреть вопрос – нужна ли ему вообще на что-нибудь эта нудная служба с её жалким окладом, отнимающая так много рабочего времени от писательства, со всеми её досаждениями! Что могла она сулить в будущем, если до сих пор приносила только одни уязвления, недвижимо держа его на самой низшей оплаченности в восемьдесят рублей в месяц, не повышая в чинах даже "за выслугу лет"! Шел планомерный измор. Как можно было его не замечать и терпеть!» (2, 176-177).

В письме к А. С. Суворину у Лескова есть знаменательные слова: «я не мщу никому и гнушаюсь мщения, а лишь ищу правды в жизни» (X, 297-298). Такова была его человеческая, гражданская и авторская позиция. «Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми социально-политическими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «который дал нам глаголы вечной жизни». В рассказе «Под Рождество обидели» (1890) писатель предложил поразмышлять: «Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшний Новорождённый <...> ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай – с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона или с Тем, Который дал тебе "глаголы вечной жизни"...»¹

В лесковский текст органично вживляется евангельская цитата. Апостол Пётр, отвечая Христу, говорит, что Господь для людей – единственное духовное прибежище: «Симон Пётр

¹ Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 3. – С. 205.

отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого» (Ин. 6: 68–69).

Справедливо названный «величайшим христианином среди русских писателей»¹, Лесков оставался с Христом, слушаясь прежде всего голоса совести и отказываясь «с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленского штандарта» (ХІ, 234). Писатель и на государственной службе выбрал службу Христу по Его заповеди: «Кто Мне служит, Мне да последует» (Ин. 12: 26).

Незадолго до отставки Лесков по распоряжению министра был назначен членом комиссии по рассмотрению сочинений, представленных на соискание премии имени Петра Великого. За эти труды писателя удостоили специальной золотой медали. Но он не принял министерской награды и попросил отправить её в Орёл для помощи беднейшему ученику гимназии, в которой сам когда-то учился. Уже после увольнения – 31 марта 1883 года – Лесков писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «золотую медаль, мне следующую, просил прямо из министерства отослать в Орловскую гимназию на помощь беднейшему ученику, отправляющемуся в университет» (2, 198). Спустя неделю – 7 апреля – Лесков известил о том же директора Орловской гимназии.

С каждым годом возрастала критическая настроенность писателя по отношению к неправедно устроенному обществу. Лесковское творчество становилось не просто оппозиционным, но по-настоящему «потрясовательным» (выразительный словообраз не сходит со страниц повести «Заячий ремиз» – «лебединой песни» писателя).

В эти годы созданы хроника «Захудалый род» (1874), повесть «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874); начат роман «Чёртовы куклы» (1875); написаны рассказы «Пигмей» (1876), «Железная воля» (1876), очерки «Великосветский раскол» (1876); очерки и рассказы 1877 года «Карикатурный

идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни», «Владычный суд», «Бесстыдник», «Некрещёный поп», «Явление духа». Затем в 1878 году появились очерки «Русское тайнобрачие» и «Мелочи архиерейской жизни», рассказ «Ракушанский меламед»; в 1879 году – «Однодум», «Шерамур», «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии «Чертогон»).

Писатель устраивал настоящий чертогон бесам в человеческом обличье. Одно за другим следовали хлёсткие, жгучие, занозистые беллетристические и публицистические произведения: «Безбожные школы в России», «Об обращениях и совращениях», «Случаи из русской демономании», «Епархиальный суд», «Дворянский бунт в Добрынском приходе», «Святительские тени», «Иродова работа», «Бродяги духовного чина», «Райский змей», «Церковные интриганы», «Официальное буффонство», «Синодальные персоны», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Заказная литература», «Благонамеренная бестактность», «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства», «Жидовская кувырколлегия (Повесть об одном кромчанине и о трёх жидовинах)».

Одновременно из-под пера Лескова выходили истинные шедевры художественной прозы: «На краю света» (1879), «Кадетский монастырь» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Белый орёл» (1880), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Христос в гостях у мужика» (1881), «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Привидение в Инженерном замке» (1882).

Кто знает, сколько ещё превосходных произведений мог бы создать писатель-христианин, если бы рутинная казённая служба не отнимала у него столько сил, времени и не отвлекала бы от литературного творчества. И если бы не события в связи с государственной службой Лескова, имена всех этих «сиятельных», «высокопоставленных» и «высокопосаженных» особ: сановников, руководителей министерств, департаментов и комитетов – никто бы не вспомнил, они сгинули и стёрлись бы навсегда: «нечестивые <...> как прах, возмета-

¹ J. von Guenter. Leskov. Russlands Christlichster Dichter. – Jahrgang 1, 1926. – S. 87.

емый ветром» (Пс. 1: 4), – но теперь известны недоброй памятью.

Художественно-публицистическое творчество в период государственной службы неуёмного писателя не могло не навлечь на него злобу, гнев, враждебность и мстительность власть имущих. Чего стоят одни только названия лесковских сочинений (автор любил, чтобы заглавие было «едко и метко», чтобы «кличка была по шерсти»), говорящие сами за себя!

Разрыв государственно-служебных отношений назревал около десяти лет, но был неизбежен. Наконец он произошёл самым драматическим и нетривиальным образом – всё, что связано с Лесковым, с его личностью и творчеством, не могло быть не отмечено самобытностью и оригинальностью.

Властям, указавшим на несовместимость литературной деятельности Лескова с его государственной службой, не удалось обуздать великого русского художника слова. Тогда в ход был пущен неприкрытый административный произвол. Министр предложил несговорчивому служащему подать прошение об отставке. В переводе на современный бюрократический язык – написать заявление об увольнении по собственному желанию. Только этот вид отставки давал право на получение пенсии. Писатель категорически отказался подать такое прошение.

Под непосредственным впечатлением тяжёлого разговора с министром Лесков писал своему киевскому другу Ф. А. Терновскому: «Дело рассказывать долго нечего: оно произошло 9-го февраля – с глазу на глаз у Делянова, который всё просил "не сердиться", что "он сам ничего", что "все давления со вне". Сателлиты этого лакея говорили по городу <...> будто "давление" идет даже от самого государя, но это, конечно, круглая ложь. <...> Прошение не подал и на просъбу упомянуть о прошении – не согласился. <...> Не огорчен я нисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал много горькой правды. На вопрос: "Зачем вам такое увольнение" - я ответил: "Для некролога" и ушёл. О "Комаре" (статья Лескова «Протопоп Комарь и две Комарихи». – А. Н.-С.) не было и помина, а приводились "Мелочи архиерейской жизни", Дневник Исмайлова (лесковские очерки «Синодальные персоны», «Картины прошлого». – А. Н.-С.) и "Чехарда" («Поповская чехарда и приходская прихоть». – А. Н.-С.) <...> Сочувствие добрых и умных людей меня утешало. Вообще таковые находят, что я "защитил достоинство, не согласясь упомянуть о прошении". Не знаю, как вы об этом посудите. Я просто поступил по неодолимому чувству гадливости, которая мутила мою душу во время его подлого и пошлого разговора, – и теперь не сожалею нимало. Мне было бы нестерпимо, если бы я поступил иначе» (2, 187–189).

Писатель скорректировал принцип, высказанный Г. Р. Державиным в XVIII веке: «И истину царям с улыбкой говорить». Лесков уверился на примерах своего многотрудного жизненного и писательского пути: «"Истины" пора говорить без улыбок, и это можно, а ещё более - это должно» (XI, 576). За год до смерти – 22 февраля 1894 года – он писал С. Н. Терпигореву: «при каком-нибудь уважении к себе неглупый человек» не станет «хихикать» с властителем, а «поставит его просто на пристойное от себя расстояние» (XI, 576). В истории увольнения Лесков показал образец исполнения этого принципа. Так, он непреклонно отверг всякие компромиссы и «без улыбки» высказал в лицо министру «много горькой правды», поставив его «на пристойное от себя расстояние».

Говоря о Лескове пушкинскими стихами, «Не в первый раз он тут явил / Души прямое благородство».

Туго натянутая струна лопнула. Быстро завертелись колёсики обычно неповоротливой бюрократической машины, на этот раз мгновенно приведённой в движение рулевыми – «чёртовыми куклами»: «9 февраля подписывается "определение" министра народного просвещения за N° 1878, коим совершается "отчисление" Лескова от министерства, а 21 февраля приказом министра за N° 2 оно закрепляется. Всё просто: и без прошения, и без объяснения причин, и без рубля пенсии за двадцать лет беспорочной службы отечеству» (2, 190).

Этот возмутительный факт не остался без внимания прессы: «известие это "произвело

некоторую сенсацию" <...>. Что же касается увольнения г. Лескова, то оно просто является каким-то вопросом и во многих возбуждает недоумение» (2, 191), – писали газеты. Поскольку дело получило широкий общественный резонанс, Лесков решил печатно разъяснить недоумения открытым письмом¹: «Малозначительное событие – оставление мною службы в Учёном комитете Министерства народного просвещения неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частию проникли в печать и, как у вас сказано, возбуждают недоумение, которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства "без прошения" по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекала мне никакого упрёка и ни одного замечания при трёх министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи. – Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только "несовместимость" моих литературных занятий с службою. Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а "без прошения", тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочёл ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все "недоумения" моих ближних и дальних друзей и недругов» (2, 191–192).

Драматический разрыв государственно-служебных отношений – увольнение без прошения и без пенсии – Лесков воспринял как освобождение от утомительно тяжкой, унизительной, нетворческой, рутинной работы, с которой было покончено навсегда. Целиком и полностью писатель посвящает себя литературе, своему высокому призванию – художественной проповеди.

Спустя десять лет после увольнения в позднем рассказе «**Административная гра**-

ция (Zahme Dressur² на помощь полякам в жандармской аранжировке)» (1893) Лесков описал «наши смрадные дни», когда «никуда не уйти от гримас и болячек родной политики» (IX, 388). Администраторы «грациозно» избавляются от неугодных служащих под теми или иными псевдоблаговидными предлогами.

Подобные отношения на чиновничьей службе были всегда и сохранились в их пакостной неизменности до настоящего времени. О чём и свидетельствует автор этих строк, также недавно отставленный с государственной службы в органе региональной власти – так называемом Орловском областном Совете народных депутатов – уже в XXI веке по всем приёмам «административной грации» под видом «сокращения штата». Как и следовало ожидать, штат вскоре вновь был раздут до размеров больших, чем до сокращения. Набрали ложнообразованных, но «своих» – угодных и услужливых.

Фарисеям и «законникам разноглагольного закона» Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

«Не можете служить Богу и мамоне» **(Лк. 16: 13), – говорит Христос.** Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живёт на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облечённым в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову»³.

«Была бы душа в сборе да работали бы руки», – писал Лесков своему другу, киевскому профессору и историку Церкви Ф. А. Тер-

¹ Новости и Биржевая газета. – 1883. – 10 марта. – № 65.

² Мягкая, ручная дрессировка (нем.).

³ Старец Силуан. Жизнь и поучения. – М.; Новоказачье; Минск, 1991. – С. 107–108.

новскому. Он был писателю «мил и близок по симпатиям и даже по несчастию»: «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы как люди "несомненно вредного направления". История эта подлая и возмутительная по своему гнусному и глупому составу, была тяжела для меня (и остаётся такою), а Филиппа Алексеевича она стёрла с земли» (2, 273–274). Терновский был лишён кафедры в Киевской духовной академии, ему также угрожало увольнение из Киевского университета. Но смерть профессора в 1884 году опередила это «подлое и возмутительное» событие.

Известие о смерти Терновского, судьба которого была во многом схожа с лесковской: «Мы с ним одновременно понесли одинаковые гонения несправедливых людей, и я это перенёс, или, кажется, будто перенёс, а он, – с его удивительно философским отношением к жизни, – опочил... Пожалуй, не выдержал...» (2, 274), – подтвердило мысль писателя об отношении властей к честным людям в России. По этому поводу Лесков не раз цитировал строки пушкинского стихотворения: «Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке!» (2, 254).

Писатель продолжал переносить несправедливые нападки фарисеев, но до конца дней своих готов был служить Родине, насколько хватало сил.

Так, в «картинках с натуры» из жизни церковного «чиноначалия» «Мелочи архиерейской жизни» ставились задачи отнюдь не «мелкие»: вымести «сор из храма», призвать священнослужителей всецело соответствовать их высокому духовно-нравственному предназначению. Но для самого автора «Мелочи...» обернулись крупными проблемами и в его жизни сыграли свою фатальную роль.

Писатель и его книга подверглись настоящим гонениям. «Мелочи архиерейской жизни» явились одной из главных причин увольнения Лескова из Учёного комитета Министерства народного просвещения в 1883 году. Год спустя книга была изъята из библиотек «по высочайшему повелению». В 1889 году, когда писатель узнал об аресте напечатанного без предварительной цензуры 6-го тома собрания

его сочинений, куда входили «Мелочи архиерейской жизни»¹, он испытал первый приступ болезни сердца, оказавшейся впоследствии смертельной. По свидетельству сына Лескова, «экземпляры оторванной части шестого тома были отвезены в Главное управление по делам печати и там были сожжены» (2, 381).

Как мог вынести всё это несправедливо гонимый писатель непостыдной совести? Неизменное утешение черпают изгнанники за имя Христово в антиномиях Нагорной проповеди: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»; «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5: 6; 10–12).

Евангельское обетование «блаженств», уготованных Господом всем, кто словом и делом возвещает истину, духовно укрепляло Лескова. А «пострадать за правду – это в порядке вещей» (Х, 470), – сознавал писатель. «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны», – учит святой апостол Пётр. И если кто-то «пострадал как Христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4: 14; 16).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы

Запрещённый цензурой 6-й том собрания сочинений Лескова составили «Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд», «Русское тайнобрачие», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синодальные философы», «Бродяги духовного чина», «Сеничкин яд», «Приключение у Спаса в Наливках» (СПб., 1889). На этой книге из личной библиотеки писателя имеется особый лесковский штемпель: «редкий экземпляр».

ЕДИНОЕ ПОЛОТНО СУДЬБЫ

Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим.
Ф. Тютчев

Творчество Валентины Панкратьевой запомнилось мне с первой персональной выставки в 1998 году. Запомнилось красотой русского традиционного уклада жизни, который стал героем её работ, тем, как обострённо почувствовала она ежесекундный уход, растворение остатков этого мира в темпе сегодняшней жизни. Ныне она участник более 70 выставочных проектов, известный автор. Зрители принимают её работы с особой признательностью, говоря, что в их атмосфере отдыхает и освящается душа.

В художественном мире имя Валентины Панкратьевой связывают с одним жанром, отмечают, что сюжеты её программны, что все вещи подобраны специально. В её натюрмортах и правда не случайно сочетание предметов русского быта, часто объединённых народным или православным праздником. То, что предметы, изображаемые ею, национальны: самовар, кружево, рябина, сушка, старое фото

Спас Хлебный, Бум., смеш. тех. 2006

В ожидании Ивана-Купалы. Бум., смеш. тех. 2003

солдата, фляжка, корзина, грибы и т. д. – не объясняет магию пленительного притяжения, духовного родства с тем, что оживает в её картинах. Впечатление светлой гармонии создаёт и красочная гамма, её мягкость и яркость одновременно, и какая-то ласковая освещённость, как в чудно инструментованных музыкальных сочинениях. Чувство красоты и возвышенности возникает от вещей вовсе даже не эстетических.

Рабочий инструмент, изделия ремесла и рукоделия, домашняя утварь, не соединяемые жизнью в одном месте, собираются автором демонстративно в тесный круг. Выделенные ею из обыденности и перенесённые в бытование, они начинают общаться со зрителями не экзотической, а символической сутью, «праотеческой святостью» целокупного мира, которым жила Россия сотни и сотни лет. Во всём живописно-красочном собрании начинает говорить не функция, не занимательность будней, а судьба, онтология. Мудростью души автора сочетание самых обыденных вещей становится манифестом ис-

тины, красоты и добра. И значительность эта превращает натюрморт в картину, а предметы – в героев предстояния. Мы созерцаем их, они – нас, как бы вопрошая и одновременно говоря: нет времени, мы в одном вечном духовном пространстве, где всё связано со всем.

И зритель воспринимает в композициях-поэмах не просто уходящий мир домашнего очага, а национальное историческое естество, которое продолжает жить в нас и окормлять нас. А в удивительном избирающем видении мастера Валентины Панкратьевой чувствуется не только её чистый исповедальный мир, но и наши собственные память и чаяния, звучащие пронзительной струной, потому что «нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим», которые всегда – одно единое полотно судьбы!

Людмила ХЛЕБНИКОВА, искусствовед, Екатеринбург, 2019 год

Натюрморт с прялкой. Бум., смеш. тех. 1997

На лавочке. Яблоки на Спас. Бум., смеш. тех. 2012

Спас Медовый. Бум., смеш. тех. 2005

Праздник всех плодов. Бум., смеш. тех. 2007

Рождественский Сундучок. Бум., смеш. тех. 2008

Железные вещи. Бум., смеш. тех. 2001

Память и время. Бум., смеш. тех. 2005

Скамеечка. Бум., смеш. тех. 2004

Здравствуйте, Я живой... Бум., смеш. тех.

О КАРТИНЕ «ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ»

Одна из лучших, на мой взгляд, картин, наиболее любимая мною, посвящена войне. Меня никто не принуждал браться за эту тему. Картина родилась в результате какого-то душевного движения, которое трудно объяснить словами.

Так случилось, как случается с нами иногда нечто необъяснимое. Я, женщина, никогда не знавшая войны, вдруг пишу одну из лучших своих работ именно о войне. Что это? Провидение? Тоска по умершему отцу? Желание высказать нечто сокровенное?

На заднем плане картины изображены разные предметы, принадлежавшие солдату, – медали, ордена, фотографии, орденские книжки, фляжка и т. д.

А на переднем – несколько разных сломанных старых часов и медные колокольчики. Первоначально я назвала свою картину именно так: «О сломанных часах и медных колокольчиках». Сломанные часы – это символы уходящего или ушедшего времени, всё разрушающего и неумолимо ведущего каждого из нас к логическому концу. Всё бренно в этом мире. Уходят люди, уходят бывшие солдаты, оставляя память о себе через вещи, предметы, некогда им принадлежавшие, им – живым.

А изображённые колокольчики – они живые, я слышу их звон, он бередит наши души, призывая нас, как тот колокольный звон из «Бухенвальдского набата», помнить, не забывать о наших близких, знакомых и совсем незнакомых – всех тех, кто воевал, выжил или погиб.

Однажды на выставке, где висела эта картина, ко мне подошёл очень старенький, тщедушный дедушка, познакомился со мной, поблагодарил за картину и как-то смущённо, неловко, виновато попросил изменить название картины:

– Назови её «Память и время», так будет понятнее. Я ведь, голубушка, тоже воевал. Всю войну прошёл, весь этот ад.

Этот маленький, худенький, совсем-совсем старенький дедушка, на затёртом сером пиджачке которого висела какая-то медалька, держал меня во время всего этого разговора за руку, как ребёнок. А его рука была лёгонькая, с прозрачной тонкой морщинистой кожей, немножко дрожала. И эта рука и его смущённый взгляд запомнились мне, наверное, навсегда.

Я, конечно, изменила название. С тех пор картина так и называется, как предложил этот незнакомый мне старичок.

Дорогие мои дед Иван, отец Николай, незнакомый маленький старичок, имя которого я не запомнила, всем вам и многим другим я посвятила эту свою картину. Всем тем, кто сберёг для нас с вами нашу Родину, какой бы она иногда жестокой нам ни казалась. Она, как мать, одна. Другой не будет...

Валентина ПАНКРАТЬЕВА, художник-график, член Союза художников России

Память и время

ОХРАНА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны «Кремль, - по образному выражению официального представителя ФСО Сергея Девятова, – стал военной цитаделью». Общее руководство войсковыми частями, комендатурами основных его служебных зданий и отделами осуществляли комендант Московского Кремля генерал-лейтенант Н. К. Спиридонов, его заместители генерал-майоры П. Е. Косынкин и Н. С. Шпигов, военный комиссар Ф. И. Конкин. Режим усиленной охраны и обороны стал действовать уже с первых часов войны. Сотрудники охраны и гражданский персонал перешли на казарменное положение. Выступление по радио первого заместителя председателя СНК СССР, народного комиссара иностранных дел СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотова военнослужащие Полка специального назначения (ПСН), который нёс охрану Кремля, прослушали в ротах у репродукторов.

Созданный 30 июня 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО), в руках которого была сосредоточена вся полнота власти в стране, разместился на территории Московского Кремля в здании Рабоче-крестьянского правительства СССР (корпус № 1). Поблизости находился и Совет Народных Комиссаров Союза ССР, а также кабинеты Председателя СНК СССР и некоторых его заместителей. Комендант Московского Кремля генерал-лейтенант Сергей Дмитриевич Хлебников убеждён в том, что Московский Кремль, где дислоцировалась и ставка верховного главнокомандующего, «стал настоящим штабом Победы». Военнослужащие Полка специального назначения могли наблюдать за интенсивным режимом труда высших государственных деятелей.

Одной из ответственных задач, которые пришлось решать воинам-кремлёвцам в первые дни войны, стало обеспечение эвакуации в Челябинск и Свердловск находившихся на

территории Московского Кремля ценностей Алмазного фонда и Оружейной палаты. При этом документ о вывозе кремлёвских ценностей, впервые недавно обнародованный начальником Центра по связям с прессой и общественностью ФСО России Сергеем Девятовым, был подписан раньше, чем приказ об эвакуации тела Ленина. Также по линии ГКО была осуществлена эвакуация секретных документов и архивов в город Куйбышев (ныне – Самара), где они тщательно оберегались более двух лет.

Участник Великой Отечественной и Финской войн, почётный ветеран-кремлёвец старший лейтенант Василий Макарович Грицай вспоминает события тех дней: «В один из июньских дней я был включён в команду по эвакуации на восток ценностей Грановитой палаты Кремля. На команду была возложена задача обеспечить охрану экспонатов при их перевозке из Кремля до вагонов на Казанской товарной станции, при погрузке в вагоны, при следовании эшелона по железной дороге до места назначения, при выгрузке экспонатов из вагонов в склад хранения в городе Свердловске.

Во время следования специального состава от Москвы до Свердловска ему была открыта "зелёная улица". Остановки производились только для замены паровозов, которые в паре везли состав на всём пути следования. В движении поезд охранялся часовыми караула, которые стояли по два человека на тормозных площадках вагонов.

Смена часовых производилась во время остановки состава для замены паровозов. Каждый из нас испытывал чувство гордости и ответственности за участие в перевозке ценного груза нашей Родины».

Особое внимание в это время уделялось маскировке Кремля и прилегающих к нему территорий. Разработка эскизов маскировки Кремля велась группой архитекторов под руководством академика Бориса Иофана. Маскировка Кремля, направленная на кардинальное изменение его внешнего вида, по словам командира Президентского полка службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации генерал-майора Олега Павловича Галкина,

осуществлялась в двух направлениях – плоскостном и объёмном. Здания были перекрашены в цвета городских кварталов. На крыши были нанесены серые полосы, имитирующие дорожное асфальтовое покрытие. Серой краской покрыли колокольню Ивана Великого, сделав её невидимой для фашистских асов. «Объёмное» направление маскировки состояло в сооружении многочисленных макетов. Мавзолей Ленина был укрыт макетом 3-этажного дома. Трибуны Мавзолея были замаскированы подвешенными полотнищами, раскрашенными под крыши обычных городских сооружений. Над Москвой-рекой взметнулся ещё один мост. Красная площадь и Тайницкий сад покрылись «многоэтажными» зданиями. Все намеченные меры были осуществлены в срок. И уже к «августу 1941-го, – отмечает научный сотрудник Центра по связям с прессой и общественностью ФСО РФ Ольга Кайкова, – Кремль обрёл другой облик».

Вспоминает старшина ПСН с 1941 по 1947 год, участник Парада Победы Жорж Токарев: «Кремль в то время уже был замаскирован под городскую застройку. Кремлёвские звёзды были зачехлены, сами башни закрасили в чёрный цвет. Позолоченные маковки церквей покрыли мешковиной и серой краской. По периметру Кремлёвской стены выстроили макеты городских зданий. Такие же сооружения были поставлены и на Манежной и Красной площадях. Фасады и крыши зданий перекрасили под общий городской фон московских домов. В первую военную зиму русло Москвы-реки было заставлено баржами, на которых стояли декоративные дома, манекены и даже чучела лошадей. Такая маскировка затрудняла немецким лётчикам распознание с воздуха кремлёвских объектов. Судоходство по Москве-реке возобновили лишь весной 1943 года».

Усложнение обстановки на фронтах привело к увеличению служебной нагрузки личного состава. Расход людей на службу с началом войны увеличился. Военнослужащие заступали в наряды через двое суток и несли службу в течение двух суток без смены. По понятным причинам к функциям охранно-караульной службы добавилась не свойственная подразделениям

государственной охраны функция обороны Московского Кремля. Комплектование подразделений Полка специального назначения рядовым составом осуществлялось через Главное управление пограничных войск НКВД СССР. Средний начальствующий состав формировался путём подготовки в полковой школе. В числе дополнительных мер по обороне объекта можно рассматривать подготовку истребительных групп по борьбе с фашистскими танками из расчёта 2-3 человека на отделение, предполагавшую возможное соприкосновение с войсками противника. Изучение теории вопроса осуществлялось непосредственно в Кремле, а боевое практическое закрепление знаний и выработка необходимых навыков происходили на полигоне.

Военнослужащие полка, являя собой образец выдержки, хладнокровия, дисциплины и высоких морально-боевых качеств, не раз писали заявления с просъбой отправить их на фронт в самое опасное место. Они понимали, что фронтовые трудности несоизмеримы с их нынешним положением, но шли на этот шаг сознательно, ответственно, по зову сердца. Это был прекрасный патриотический порыв, вызванный тревогой и сыновней заботой о судьбе и безопасности любимой Родины. По инициативе коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта Н. К. Спиридонова в первой половине октября 1941 года состоялась встреча всех подавших заявления воинов-кремлёвцев с Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым, который, выразив благодарность и признательность красноармейцам, разъяснил значимость и ответственность стоящих перед ними задач. Подводя итоги этой полезной для всех встречи, всесоюзный староста сказал: «Правительство и я полностью разделяем ваш патриотический порыв, но вы здесь выполняете не менее важную задачу по охране Московского Кремля и правительства».

Приближение противника к Москве осенью 1941 года побудило личный состав полка сосредоточиться на подготовке к возможному отражению наземного нападения немецких войск на Московский Кремль, к боям в окружении и на территории охраняемого объекта.

За батальонами, ротами и отдельными подразделениями Кремлёвского гарнизона были закреплены конкретные участки обороны. Командирам подразделений, начальникам караулов было указано на персональную ответственность за состояние обороны вверенного им участка. Воины ПСН были обязаны, не щадя собственной жизни, всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами не допустить прорыва противника в Кремль, уничтожить его на подступах к объекту.

Командованием были даже разработаны меры по уничтожению возможных групп вражеских парашютистов. На базе взвода ПВО и пулемётных взводов 9-й, 10-й и 11-й рот была сформирована служба противовоздушной обороны для стрельбы по низко летящим самолётам противника. Главный наблюдательный пункт расположился в колокольне Ивана Великого. Замаскированные огневые точки ПВО были размещены на крышах Оружейной палаты, Арсенала, Большого Кремлёвского дворца и других кремлёвских зданий, а также на крыше гостиницы «Москва». Силами химического взвода полка на территории Кремля была организована служба противохимической обороны. У Спасских ворот, между зданием правительства и Управлением Комендатуры Московского Кремля, на Каляевской и Коммунистической улицах, в районе Боровицких ворот на постоянном дежурстве находились посты химического наблюдения. На территории Тайницкого сада и Большого сквера были отрыты и оборудованы убежища для укрытия личного состава полка при воздушных налётах немецких бомбардировщиков. Летом и в начале осени 1941 года командный пункт полка размещался в помещении звонницы колокольни Ивана Великого, а узел связи – внутри Царь-колокола.

С приближением гитлеровцев к Москве со всей остротой встал вопрос о защите Мавзолея от воздушных бомбардировок и обеспечении сохранности тела Ленина. Специальной комиссией было сделано предложение об эвакуации тела вождя в безопасные районы страны. Предложение о временном перемещении тела Ленина в Сибирь было согласовано с руководителем научной лаборатории, занимавшейся его баль-

замированием, профессором В. И. Збарским. В обстановке строжайшей секретности 3 июля 1941 года спецпоезд, в составе которого находился специальный железнодорожный вагон с телом Ленина, покинул Москву и направился в Тюмень. Здесь же находился и «Пост № 1». Часовые в установленном порядке производили смену караула под мерный стук колес. Три года и девять месяцев тело Ленина находилось в далёком сибирском городе под бдительным взором часовых Кремля. При этом их товарищи – воины Полка специального назначения – несли почётный караул в Москве у Мавзолея. Тело Ленина было возвращено в Мавзолей в конце марта 1945 года.

Фашистские полчища рвались к столице. Личный состав полка ни днём, ни ночью не снимал верхнюю одежду. Жесточайшим бомбардировкам подвергался центр Москвы. Но и тогда воины-кремлёвцы не теряли мужества и самообладания. Рассекреченные архивные документы позволяют во всей полноте представить драматизм вражеских бомбардировок и масштабы разрушений в сердце советской столицы. Кремль подвергался бомбардировкам восемь раз. С 22 июля 1941 по 29 марта 1942 года на Московский Кремль было сброшено 15 фугасных, две осветительные, 151 зажигательная и одна наливная бомба (600-литровая бочка с нефтью). «Были жертвы среди личного состава госохраны, серьёзные разрушения зданий с ущербом более трёх миллионов рублей», – сообщает научный сотрудник Центра по связям с прессой и общественностью ФСО Валентин Жиляев. Наиболее ощутимые человеческие потери и разрушения принесли бомбардировки Кремля 12 августа и 29 октября 1941 года.

Первый налёт на Москву и Кремль фашистская авиация совершила через месяц после начала войны. Немецкая фугасная бомба весом в 250 кг пробила крышу в Большом Кремлёвском дворце и потолочное перекрытие в Георгиевском зале, но не взорвалась. Зажигательные бомбы, буквально засыпавшие территорию Тайницкого сада, районы тепловой станции и Комендантской башни Кремля, Боровицких и Никольских ворот, большого вреда не причинили. Личный состав ПСН не

пострадал. Слаженными, умелыми и хладнокровными действиями личному составу полка не раз удавалось минимизировать последствия гитлеровских бомбардировок. Значительный урон принесла тысячекилограммовая фугасная бомба, попавшая в восточную часть здания Арсенала 12 августа 1941 года. От прямого попадания фугасной бомбы погибли все бойцы пулемётного взвода под командованием лейтенанта Г. Г. Ходырева.

Выжить удалось только одному. Благодаря личной отваге и удивительному бесстрашию воинов ПСН удалось сохранить жизни многих товарищей по оружию. Из приказа коменданта Кремля: «При взрыве фугасной бомбы в ночь с 11 на 12 августа 1941 г. в помещении Отдельной транспортной роты нес службу заместитель политрука тов. А. В. Конский. Будучи ранен, тов. А. В. Конский проявил исключительное мужество, находчивость и самообладание. Он в разрушенном помещении, в темноте и пыли раскопал из-под развалин 6 раненых товарищей (старших сержантов В. В. Грязнова, А. В. Пудова, командира взвода тов. А. Н. Соничева, кремлевцев И. Н. Левашова, В. М. Чватова, сотрудника Н. В. Пивоварова), оказал им своевременную помощь, разломал стену, соединяющую помещение роты с 1-й заставой, вывел всех раненых и передал их в медсанчасть».

Командир Президентского полка генерал-майор Олег Галкин сообщает о больших потерях, которые понёс полк во время воздушного налёта 29 октября 1941 года, приводя сухие строчки донесений того периода: «...в 19.22, через 2–3 минуты с начала объявления воздушной тревоги, в момент выхода подразделения из Арсенала в бомбоубежище с вражеского самолета на Кремль на территорию Арсенала сброшена бомба фугасного действия. Взрывом бомбы: убито – 41 человек, не найдено – 4 человека, тяжело ранено – 54 человека, легко раненных – 47 человек. Кроме того, разрушен малый гараж, разбиты 2 автомашины «ЗИС-5», 1 пикап и 1 мотоцикл. Разрушены общежития транспортной роты, ВПК, музкоманды и часть мастерских, расположенных в нижнем этаже Арсенала».

Непосредственный участник событий ветеран-кремлёвец Григорий Нестеренко

вспоминал позднее: «Вздрогнули метровые стены арсенальских зданий. Возник пожар. Пламя распространялось все шире. Немедленно к Арсеналу прибыли оперативная группа и пожарная команда. Пожарные тушили огонь, красноармейцы разбирали развалины арсенальского гаража, засыпали яму, образовавшуюся от взрыва бомбы, ровняли землю, укладывали брусчатку. Вскоре следы вражеского налета были ликвидированы». Последняя бомбёжка гитлеровских люфтваффе была зафиксирована 29 марта 1942 года.

Невосполнимые потери военнослужащих ПСН от бомбардировок вражеской авиации и при выполнении специальных заданий составили более 90 человек. Ранения и контузии получили около 150. Бойцы ПСН, павшие в результате вражеских бомбардировок, были с почестями погребены на кладбище Донского монастыря. У мемориальной доски, установленной в память о защитниках Кремля, всегда живые цветы...

Сразу после выхода 19 октября 1941 года Постановления ГКО СССР «О введении в городе Москве осадного положения» на личный состав ПСН были возложены дополнительные обязанности по несению караульной службы в Кремле. Несение службы по охране Кремля требовало от военнослужащих ПСН особого внимания и бдительности. В особо режимную зону ответственности воинов-кремлёвцев входили и близлежащие к Кремлю территории – Красная площадь, Александровский сад, набережная Москвы-реки, а также возможные подходы к Кремлёвской стене. В течение 1942 года было задержано 656 лиц, в документах и пропусках которых были обнаружены нарушения.

Воины-кремлёвцы стали участниками событий, не только вошедших в героическую летопись Полка специального назначения, но и ставших достоянием истории нашей страны, – торжественного заседания 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская» и знаменитого парада на Красной площади 7 ноября. Два взвода автоматчиков во главе с лейтенантом М. Г. Красовским поступили в распоряжение начальника охраны и заняли посты у проходов на платформу со стороны

тоннелей на торжественном заседании 6 ноября 1941 года, посвящённом 24-й годовщине Октябрьской революции. Вот как описывается на сайте Президентского полка впечатление, полученное самим участником событий, спустившимся вместе со своим взводом по эскалатору в нижний вестибюль: «Каково же было мое удивление, когда я увидел настоящий зрительный зал. По всему вестибюлю были рядами расставлены стулья, а в торце зала была построена импровизированная сцена. На ней стоял длинный стол президиума, накрытый красным сукном, и находилась трибуна. Во всех тоннелях контактные линии были отключены, кроме одной, идущей от Белорусского вокзала к Маяковской. Так как была объявлена воздушная тревога, участники торжественного заседания шли на него по тоннелям». Одновременно несколько рот ПСН участвовали в перекрытии улиц и площади у входа в метро на станции «Маяковская».

А на следующий день с пяти часов утра Полк специального назначения обеспечивал проведение парада на Красной площади, проходившего всего в нескольких десятках километров от линии фронта. Комендатурой Московского Кремля, резервы которой были крайне ограничены, был установлен дополнительный пост связи под Царь-колоколом, где до окончания праздничного мероприятия на Красной площади находился командир ПСН полковник Т. Ф. Евменчиков. При этом связь и с комендантом Кремля, и с подразделениями полка осуществлялась исключительно по прямым телефонам. С раннего утра бойцы ПСН встали на караул у Мавзолея В. И. Ленина и в местах пропуска приглашённых гостей на трибуны у Кремлёвской стены на Красной площади. Мавзолей предстал перед москвичами в своём первозданном виде. С него и соседних трибун были сброшены гигантские полотнища – покрывала, искусно маскировавшие усыпальницу под кровлю здания. Парадом командовал командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев. Принимал парад выехавший на лихом скакуне из Спасских ворот одновременно с боем курантов Маршал Советского Союза С. М. Будённый.

Стройными рядами, чеканя шаг, по брусчатке Красной площади прошли 28 487 человек, 160 танков, 140 артиллерийских орудий. После этого исторического парада к маскировке Мавзолея уже никогда не прибегали.

Торжественное и символическое для всей страны событие 7 ноября 1941 года на Красной площади сопровождалось выступлением оркестра Полка специального назначения в составе сводного оркестра Московского гарнизона, выросшего под руководством Николая Владимировича Мирова, а потом Ивана Михайловича Перегудова в великолепный профессиональный творческий коллектив. Военная музыка стала необходимым элементом воинских ритуалов, происходивших в Кремле и на Красной площади. Именно военная музыка придаёт любому воинскому ритуалу особую красочность и значительность, возвышает дух воинов, пробуждает чувство гордости за свой народ, за свою страну. Военная музыка – торжественная и бравурная – обладает магическим, чудотворным воздействием, вызывает законный восторг и восхищение зрителей и участников военных церемониалов. Этим объясняется повсеместная забота о военных оркестрах, увеличение числа военных музыкантов, высочайшие требования к их профессиональному уровню.

Музыкант Кремлёвского оркестра должен был не только достигать вершин исполнительского мастерства, иметь безупречную строевую подготовку, но и обладать навыками отменного кавалериста. Трубач-корнетист Кремлёвского оркестра, участник знаменитых парадов на Красной площади 7 ноября 1941 года и Парада Победы 1945 года Михаил Андреев вспоминает о постоянной многочасовой подготовке музыкантов: «Мастерство достигалось упорным трудом. Только длительные напряженные строевые занятия, а также вольтижировка и джигитовка, позволявшие уверенно чувствовать себя в седле, и, конечно, ежедневные индивидуальные и оркестровые репетиции были залогом блистательных выступлений Кремлёвского оркестра. Оркестранты любили своих лошадей. Всегда баловали их лакомствами. В свободное время посещали конюшни на Беговой улице близ знаменитого уже тогда ипподрома». С

тех пор военная музыка в исполнении подчинённого непосредственно коменданту Кремля оркестра ПСН, других военных духовых оркестров, горнистов, барабанщиков – неотъемлемый атрибут военных и общественных церемоний – парадов, смотров и т. д.

Успешное контрнаступление РККА под Москвой в декабре 1941 года развеяло миф о непобедимости гитлеровской армии. Царившее несколько недель запредельное напряжение личного состава ПСН несколько спало. И в начале января 1942 года было принято решение отпускать одну треть среднего и старшего начальствующего состава за пределы Кремля до полуночи, обеспечивая, разумеется, при необходимости их быстрый сбор. В этом же году к Первомаю были завершены восстановительные работы зданий и сооружений Московского Кремля, пострадавших в результате налётов гитлеровской авиации.

Осенью 1942 года появилась возможность частично удовлетворить многочисленные просьбы военнослужащих ПСН о направлении их на фронт. В действующую Красную армию было откомандировано несколько подразделений воинов, подготовленных по специальной программе обучения снайперов. Операции проводились в обстановке строгой секретности. Документы, награды, личные вещи перед отправкой на фронт были сданы на хранение. На руках у каждого имелись только продовольственные аттестаты. Действовавшие в составе четырёх снайперских групп под руководством офицеров Крылова, Лебедева, Позднякова на разных участках фронта кремлёвские стрелки общей численностью 87 человек метким огнём уничтожили до 1 200 солдат и офицеров противника. Лучший индивидуальный счёт показал младший сержант 10-й роты К. Н. Гусев, уничтоживший 35 фашистов. 50 грузовиков автомобильного батальона ПСН в период подготовки битвы на Курской дуге осуществляли переброску военнослужащих и доставку боеприпасов для «Катюш» в район боевых действий.

С первых дней войны развернулась внешнеполитическая деятельность Москвы, направленная на формирование широкой антигитлеровской коалиции. Появлению первых дву- и

многосторонних документов, определявших параметры союзнических действий против гитлеровского фашизма, предшествовала кропотливая дипломатическая работа, включавшая подготовку и проведение многих официальных встреч высших руководителей государств-союзников. Привлечение личного состава ПСН к участию в многочисленных протокольных мероприятиях, связанных с приёмом в Кремле различных иностранных делегаций, побуждало командование полка развернуть повседневную работу по доведению строевой подготовки воинов-кремлёвцев до высочайшего уровня. Значительное внимание уделялось обеспечению образцового внешнего вида военнослужащих. Сотрудники Управления Комендатуры Московского Кремля НКВД СССР безукоризненно обеспечивали встречу, размещение, охрану, досуг членов делегаций.

Уже на пятый день войны между Лондоном и Москвой начался интенсивный обмен делегациями. А 12 июля в Москве было подписано советско-британское соглашение о совместных действиях против Германии, ставшее прологом антигитлеровской коалиции. В конце сентября – начале октября состоялась Московская конференция трёх держав – СССР, Великобритании и США, – впервые определившая союзнические обязательства сторон по отношению друг к другу. В декабре 1941 года почётный караул ПСН встречал на Белорусском вокзале в Москве министра иностранных дел Великобритании (будущего 64-го премьер-министра Великобритании) Энтони Идена. В августе 1942 года с первым визитом в Москву по личному приглашению Сталина прибыл и сам Уинстон Черчилль. Встречи глав двух держав происходили ежедневно.

Почётный караул встречал Черчилля и во время его второго приезда в Москву 9 октября 1944 года. «Сталин, – пишет известный британский журналист, писатель и историк Александр Верт, – всячески старался показать Черчиллю и Идену своё величайшее дружелюбие». За почти двухнедельное пребывание в Москве Сталин и Черчилль посетили Большой театр, Сталин присутствовал на ланче в Британском посольстве (чего ранее никогда не делал), а в

день завершения визита проводил Черчилля в аэропорт. Явно довольный приёмом Черчилль направил Сталину благодарственное письмо от имени «друга и товарища по войне».

Не раз почётный караул выставлялся и по случаю визита в Москву тогдашнего лидера антифашистской организации «Сражающаяся Франция», будущего президента страны генерала Шарля де Голля, кроме столицы посетившего также Баку и Сталинград. В последний день визита, 10 декабря 1944 года, И. В. Сталин и Шарль де Голль подписали в Кремле Договор «О союзе и военной помощи» сроком на 20 лет. От пристального и придирчивого взгляда иностранных дипломатов не укрылись образцовый вид и безукоризненная выправка военнослужащих Полка специального назначения. Начальник канцелярии президента Чехословакии Эдварда Бенеша вспоминал, как во время приёма в Екатерининском зале Большого Кремлёвского дворца 11 декабря 1943 года Бенеш, «приветствуемый и сопровождаемый офицерами, по лестнице со шпалерами солдат... по галерее зала заседаний Советов... и через другой зал... был введен в меньший зал, где собирались гости, генералы и сотрудники Наркоминдела». Президент ЧСР первым из лидеров малых стран, невзирая на явное недовольство Лондона, подписал союзнический договор с Советским Союзом. По словам самого Бенеша, по многим ключевым вопросам была достигнута полная договорённость.

В годы войны было осуществлено семнадцать визитов глав иностранных делегаций. Детально проработанные программы визитов зарубежных государственных деятелей и сопровождавших их лиц предусматривали и проведение банкетов, которые устраивались в Екатерининском зале первого корпуса Кремля. В соответствии с дипломатическим протоколом банкеты проводились в форме обедов, на которых присутствовали до 100 человек. Непосредственно от имени Сталина в период с конца июля 1941 по 13 августа 1945 года в честь союзников был дан 21 приём. Сохранились меню обедов тех лет. К их составлению относились особенно тщательно. В деле демонстрации силы государственной власти,

несгибаемой мощи и твёрдой воли народа мелочей не было...

Огромное воодушевляющее воздействие на жителей и гостей Москвы оказал вид открытых в дневное время с июня 1944 года Боровицких и Спасских ворот, предназначенных для проезда автотранспорта. Вид открытых после трёхлетнего перерыва кремлёвских ворот вселял надежду на скорое окончание войны, на скорую победу.

Взвод автоматчиков ПСН сопровождал в феврале 1945 года специальный эшелон, доставлявший ценности Государственной Оружейной палаты с Урала в Москву. Начальником эшелона был назначен директор Государственной Оружейной палаты Николай Захаров, не разлучавшийся с художественными ценностями Кремля все долгие годы эвакуации. Под его руководством в небольшом помещении (около 154 кв. метров) в Свердловске не только были созданы условия для хранения бесценных сокровищ, но и проводились реставрационные работы. В частности, в результате кропотливого труда было восстановлено коронационное платье императрицы Елизаветы Петровны. Также удалось привести в порядок часть трофеев Полтавской битвы... В апреле 1945 года в залы Оружейной палаты вошли первые экскурсанты. Ими были военнослужащие ПСН, принимавшие участие в охране, эвакуации и возвращении сокровищ.

Приподнятому настроению людей способствовали и 359 артиллерийских салютов в честь исторических побед Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны, организованных

и проведённых на территории Кремля с 5 августа 1943 года по 9 мая 1945 года сводным салютующим артиллерийским дивизионом. Пять рубиновых звёзд на башнях Московского Кремля, вновь засветившихся 30 апреля 1945 года, и ожившие после долгого молчания куранты наполнили безудержной радостью сердца миллионов... А уже 1 мая 1945 года личный состав Полка специального назначения и музыканты Кремлёвского оркестра УКМК НКГБ СССР обеспечивали проведение последнего за годы Великой Отечественной войны парада и демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади.

Пасмурным утром 24 июня 1945 года на Красной площади начался долгожданный Парад Победы над фашистской Германией. В общем строю торжественного шествия армии-победительницы чеканили шаг и воины-кремлёвцы, с честью выполнившие свой воинский долг перед Родиной. По компетентному мнению советника директора ФСО России, начальника Центра по связям с прессой и общественностью Сергея Девятова, «за время войны не произошло ни одного ЧП, в котором пострадали бы первые лица или высокие иностранные гости. Система охраны самого Кремля была такой, что никаких угроз для руководства страны не было».

Владимир ГАЗЕТОВ,

кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук; **Максим ВЕТРОВ,**

кандидат политических наук, профессор Академии военных наук

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

(Александрия, штат Вирджиния, США)

Родился в г. Алматы (Казахстан), в 1966 году. Окончил факультет журналистики казахского университета в 1989 году.

Стихи печатались в журналах «Кольцо А», «День и ночь», «Луч», «45-я параллель», «Новый континент» и других изданиях России, Германии и США.

Abmonopmpem

АВТОПОРТРЕТ

Я – прочитанная книга И тяжёлый переплёт. Сжатый рот. В кармане фига: И слегка торчит живот. Родился в шестидесятых, Двадцать лет после войны: Патриоты, демократы И Отечества сыны Для меня как марсиане – Я живу сам по себе. Для меня вопрос не встанет, С кем быть в классовой борьбе. Я не шёл на баррикады, Белый дом не защищал. Я не знаю слова «надо», Знаю слово «задолбал». Подросли и вышли дети, Жизнь для них не есть борьба.

И за них я не в ответе, Как и, впрочем, за себя. Иногда бывает грустно – Дым Отчизны мне не мил, Я не прожил жизнь как русский, Хоть по-русски говорил.

Как быстро всё меняется вокруг! Я с неба больно падаю в овраг. Меня уже не ждёт мой худший друг, Но где-то ищет закадычный враг. Синица в небе, а журавль в руке: Такой расклад понятней и верней. И мне дороже сотня в кошельке, Чем сто так называемых друзей. Из пушки лихо бью по воробьям, Сухим пытаюсь выйти из воды. Кривые рожи корчу зеркалам И запасаюсь страхом для беды...

АВГУСТ

Ненавижу солнечные лучи!
Август, как медленный поезд, встал.
И чем он солнечней, тем горячей,
А я уже безнадёжно устал.
Рубашек за день сменишь пяток,
На донышке воля, в мыслях – развал.
И воздух как крутой кипяток.
Август, чёрт бы его побрал...
По мне, так лучше дожди с утра,
Дышится радостно, как в раю!
Скорей бы пропала эта жара,
Уж очень от лета я устаю...

ПРОГУЛКА С СОБАКОЙ

Полдня его гуляю я, Полдня меня гуляет он. Такая странная семья, Такой привычный моцион. Гуляем в дождь, гуляем в снег, В жару и холод. Круглый год Ведёт собаку человек, А может быть, наоборот. Мы с ним по улице пройдём И поваляемся в траве, Присядем быстро под кустом, Зароем кость, а то и две, Как тот бесценный сувенир (Чтоб не достался никому). Он по-другому видит мир, И я завидую ему. Пускай на уровне колен, Пускай всегда на поводке, Но без вранья, вражды, измен, И где дурак на дураке... Собачий мир куда добрей. И я подумал просто так: Вот я живу среди людей, А лучше б жил среди собак.

...

У поэта грусть осенняя И неровное дыхание – Ему нужно восхищение, Ему важно понимание. У поэта тело белое. Руки мягкие и нежные, Волосы – пшеница спелая, А душа, как степь, безбрежная! Любит он платки шелковые Повязать на шею хрупкую И позировать раскованно С сигаретой или трубкою. Чтобы волосы волнистые На чело ему спускалися Или шапкою пушистою Над бровями возвышалися. Он душевным состоянием К цвету, к запахам чувствителен, Держит всех на расстоянии: К людям очень подозрителен. В тёмной комнате скрывается Целый день от света яркого, Только к ночи появляется, Как ребёнок, за подарками. Интернетовскими тропками Ходит-бродит заповедными -Не пугайте душу робкую Вы жестокими комментами! Если кто ему покажется Добрым или с пониманием, Он за ними вслед увяжется С тихим ласковым урчанием. Будет сам ластиться кисою – И трубою хвост приподнятый, Он не хочет быть освистанным, Он не может быть непонятым. За окном - дорога ранняя, Если хочешь, то получится, Он не скажет «до свидания» Грусть-тоске, его попутчице. У поэта грусть весенняя И неровное дыхание -Ему нужно восхищение, Ему важно понимание...

СНОВИДЕНЬЕ

Чудище безвредное, Чудище нестрашное После долгих-долгих лет Вдруг приснилось мне. Серое, панельное, Четырёхэтажное, С занавеской тюлевой На большом окне.

Там, за хлипкой форточкой, Сад стоит заброшенный. Кошаки бездомные На окно глядят. Во дворе на корточках – Пацаны с наркошами, И слышны до полночи Крики или мат.

А за стенкой ветхою, На площадке лестничной, То ли песня слышится, То ли пьяный хор. Там сосед с соседкою От простуды лечатся: Припасли для праздничка Водку и топор.

По утрам на лестницу Выхожу с опаскою: Утащили лампочку Ночью алкаши. Дни бегут безвестные, Жизнь течёт напрасная, И по кругу носимся, Словно мураши...

Жизнь копейкой медною Разменяла счастье нам. Затерялся в памяти Прошлогодний снег. Чудище безвредное И совсем не страшное, Ты зачем зовёшь меня После стольких лет?

Выгорела трава, Жар от зари до зари. Выгорели слова, Мысли сгорели внутри. Стал я пустой травой, Отданной всем ветрам. Облако надо мной, Следует по пятам. Облако чёрных дней, Облако мрачных дум. Над головой моей Ветер свирепый подул. Я свой теряю вес, Я свой теряю вид: Солнце из-под небес Сверху меня палит. Будто бы свет погас, А на плече – рука... Сверху над каждым из нас Злые висят облака. Хочется убежать, Но шевельнуться лень. Надо бы подождать -Сами уйдут за день. Ветер услышит нас, Ливень их разорвёт, Может быть, через час, Может быть, через год, Может быть, через год, А может, и через два. Облако уплывёт. Снова взойдёт трава. Станет опять легко. Как после душного дня. Те облака – далеко, Им не найти меня...

«ФРОНТОВЫЕ СТО ГРАММ»

Прошли победные майские праздники, масса праздничных мероприятий, и большинство из них заканчивались «фронтовыми ста граммами».

Выступая перед школьниками на уроках патриотизма, я часто слышу от них вопросы: «Откуда пошла эта традиция – "фронтовые сто грамм"»?

Лично я встретил начало войны пятилетним пацаном, поэтому ответить на этот вопрос могу только по воспоминаниям своих товарищей, прошедших те годы с винтовкой в руках. А вот на вопрос «Зачем подводникам дают вино?» я отвечаю коротко: «С медицинскими целями для здоровья!» Подводникам было положено

(сейчас не знаю) 50 граммов сухого вина только в море, во избежание запоров.

А вот с «фронтовыми 100 граммами» вопрос особый. Здесь, на мой взгляд, много факторов в их пользу. Например, от простуды: сырые блиндажи, лежание в снегу и прочие неудобства, выражаясь по-современному, снятие стресса и многое другое. Это подтвердили и мои старшие товарищи, с которыми я имел беседы на эту тему.

По словам Леонида Соболева, который исследовал этот вопрос (подобный) ещё в своём знаменитом романе «Капитальный ремонт»: «...На деле же чарка к 1914 году перешла в категорию экономическую и политическую».

Прошло без малого 100 лет, и сегодня, на мой взгляд, «фронтовые 100 грамм» выполняют ту же функцию, что и «чарка», только в интересах не государства, а отдельных производителей зелья!..

22 августа 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) СССР принял постановление о выдаче бойцам и командирам действующей армии ежедневной порции водки. Советские войска в то время в основном отступали, и выполнить это постановление было сложно. И всё-таки оно было воспринято положительно и в армии, и на флоте.

Вот как об этом вспоминает Владимир Васильевич Смирнов (1905–1987), работник управления судостроения и ремонта ВМФ. В августе 1941 года ему пришлось устранять неисправность на ЭМ «Смышлёный» проекта 7 в Севастополе:

– Когда мы удачно устранили неисправность турбозубчатого агрегата, нас пригласили на ужин в кают-компанию. Как раз в этот день (23 августа 1941 г.) приказом Наркома (адмирала Н. Г. Кузнецова. – В.К.) была введена чарка. В кают-компании на столах графины со спиртом, матросам выдали по чарке. Весёлые разговоры, приподнятое настроение у всех, как будто войны нет.

На следующий день опять выход на испытания. Обед снова с чаркой...

Борис Викторович Борецкий родился в Ленинграде в 1927 году. Начал работать 15-летним пареньком на судоремонтном заводе в осаждённом Ленинграде. В сентябре 1942 года ушёл добровольцем на флот. Служил юнгой, потом матросом. Участвовал в освобождении Таллина в сентябре 1944 года. Закончил войну старшиной 2-й статьи. Вспоминает:

– Когда меня зачислили юнгой на плавбазу подводных лодок, мыслей о ста граммах водки ни у кого не было. Мы всё больше думали о хлебе, блокада ещё не была прорвана. А вот когда погнали немцев, тогда и о «фронтовых 100 граммах» вспомнили.

Для многих этого не хватало, и в ход шли «партизанские» методы. Помню, как-то раз на

островах нас угостили «бензоконьяком». Авиаторы получали бензин Б-70, который на 70% состоял из спирта. Вот этот спирт «выпаривали» и разбавляли клюквенным экстрактом, был такой экологически чистый продукт из соков ягод и фруктов, получался напиток, который шутники именовали «бензоконьяком». Пробовал я его. Ничего, только всё-таки чувствовался запах бензина.

Виктор Петрович Харитонов родился в 1925 году в Тамбовской области. В январе 1943 года был зачислен курсантом в пехотное училище. На фронт попал в мае 1944 года лейтенантом, командиром пехотного взвода. Боевое крещение принял на Сандомирском плацдарме 28 июля – 29 августа 1944 года в составе 97-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии Украинского фронта. Был ранен. Демобилизовался в звании полковника с должности командира войсковой части. Вспоминает:

- Как мне помнится, водку давали только тогда, когда мы стояли на месте. Как пошли в наступление, ничего не получали. Но здесь, видимо, технические причины – тылы не поспевали за наступающими войсками, иногда и горячей пищи не было. До водки ли здесь. Перед большими наступлениями за день до атаки водку уже не давали – бойцы в наступление должны были идти с ясной головой.

Потом пили не все. Так, вначале я не мог пить, да и многие бойцы моего взвода, в основном деревенские ребята, отказывались. Зато мой помкомвзвода был большой любитель. Обычно на отказы он говорил так: «Командир, ну и пусть не пьют. Нам больше будет!» Водку приносили обычно в котелке. Оставалось полкотелка, которые и употреблял Никиша. Правда, он потом плохо кончил....

Когда наступали в Румынии, вообще ничего не давали. Причины? Их не объясняли, приходилось просто догадываться почему.

В одном освобождённом городе, уже даже название забыл, вижу, люди бегут куда-то с различной тарой. Оказывается, к спиртовому заводу. Заглянул туда и я со своим взводом. Но когда увидел, что там творится – стреля-

ют в цистерны, под струи спирта подставляют тару, пьют; многие тут же валятся замертво, – я сказал своим бойцам: «Стоп! Нам тут делать нечего!» и повёл их дальше. Хорошо ещё, что не случилось ни взрыва, ни пожара.

Всякое бывало с этими 100 граммами.

С окончанием войны их отменили. Нас тогда, в мае 1945 года, перебросили из Чехии под Берлин. Что делать после беспрерывных боёв? Приказали заниматься учёбой.

У нас в роте старшина был очень хозяйственный. Тогда им полагалась одна повозка с лошадью для ротного имущества, но предприимчивые имели по 2–3 повозки, бесхозных лошадей хватало. Он, предвидя отмену водочной раздачи, загодя позаботился о запасах. Так что поначалу мы даже и не заметили отмены «фронтовых сто грамм».

После утренних занятий перед обедом он приглашал помкомвзводов с котелками к себе и выдавал норму. Так что после обеда о занятиях уже разговор не шёл. Погода стояла изумительная, и все, от рядового до командира, располагались в зеленях.

Однажды командир полка решил проверить занятия и поехал по расположениям рот: никого. Только храп раздавался из пшеницы, поднявшейся уже на 30–40 сантиметров. Он не стал никого будить, а начал проверять тылы и трясти повозки. Наш старшина успел припрятать одну повозку от проверки.

И когда наши помкомвзвода по установившемуся инстинкту обратились к нему, он воскликнул, подняв руки к небу: «Сыны мои, або вы не знаете, какой шмон устроил Батя? Но я всё-таки его перехитрил, укрыл один фургон, но, правда, с вином». И мы ещё неделю перед приёмом пищи пили вино.

Так что на войне были и законные «сто грамм», и «партизанские» по потребности.

А нынешнюю «традицию», честно признаться, я не одобряю. Зачем это? Здоровья эти сто грамм старым людям не прибавляют, молодых развращают. Эта «традиция» больше от лукавого, так сказать, дешёвый авторитет. Есть более умные и патриотичные традиции. Например, петь фронтовые песни...

Виктор Афанасьевич Шкутник

Виктор Афанасьевич Шкутник родился в 1920 году и был на войне с первых дней. Встретил её на Ленинградском фронте. Несколько раз был ранен. Когда в 1941 году был вызван в Москву на переаттестацию, там и остался, защищал столицу в должности командира взвода морской пехоты. Потом был Северный флот, полуостров Рыбачий... Окончил службу капитаном 1-го ранга, командиром войсковой части.

Сейчас его уже нет, но помнил он всё хорошо и рассказывал:

– Офицеры ещё до официального постановления ГКО о ежедневной порции водки получали талоны на «сто грамм» и закуску, состоявшую из селёдки с чёрным хлебом. Да, в августе это было узаконено, и «фронтовые 100 грамм» стали получать все. Не знаю про тыловиков, всю войну прошёл на «передке», поэтому приходилось употреблять эти «100 грамм» и за столом, и из чайника старшины, а иногда просто из котелка.

Знаю, что на Рыбачьем эти «сто грамм» получали и штрафники. Они лежали среди камней перед самыми позициями немцев. Им доставляли пищу и эти сто грамм только ночью так называемые носильщики. Была такая самая смертная должность, тоже для штрафников. И эти носильщики пуще, чем себя, берегли эту «слезу». Представляешь, Вадим, осеннюю

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

и зимнюю тундру? Да ещё под угрозой смерти? Одна радость – выпить, согреться и на минуту забыться...

Не знаю, где как, а там, где я бывал, и под Москвой, и на Севере, всегда давали и всем эти «фронтовые сто грамм».

И я понял, что приказ о выдаче бойцам «фронтовых ста грамм», как стали называть ежедневную порцию водки, введённую постановлением ГКО, выполнялся всегда, но в зависимости от обстановки. К слову, эту порцию называли по-разному в разных местах, а фронтобыл от Чёрного до Баренцева моря. Получали эти «граммы» в основном воины, участвовавшие в боевых действиях, на то они и «фронтовые». Но при этом много было и «партизанских» способов воспользоваться этим правом.

Беседу с участниками войны 1941–1945 годов, фронтовиками, провёл Вадим КУЛИНЧЕНКО, капитан 1-го ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий.

ПОБЕДА И СТАЛИН

К 65-й годовщине со дня Великой Победы

Нет вестей от друзей. Не несут телеграмм -Память вписана В Божеский свиток! Фронтовые сто грамм Не дели пополам -Нынче порций солдатских Избыток! Нынче много речей, И к приказу – приказ, И знамёна. Горящие ало, -Как бывало не раз, Власти вспомнили нас. Отдавая долги Запоздало! Но с кремлёвских высот На печальный порог Песнь летит Не в победном хорале – Видит всё-таки Бог. Не за этот итог Мы в жестоких боях Умирали! Не за этот рассвет, Не за сволочный быт, Не за звуки Обманчивой меди -Воздух пулей пробит, Сталин подло забыт, Будто он Не причастен к Победе! Но эпоху судить Нам дано по делам -Мы, как Сталин, В забвенье не канем, Фронтовые сто грамм Разольём пополам И Вождя непременно Помянем!

15.01.2010

Флотский поэт **Николай ГУЛЬНЕВ**, из сборника стихов «Не обольщайтесь, Ваше благородие!»

50 ЛЕТ СОБЫТИЯМ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И КИТАЕМ

Остров Даманский – это название прочно и навсегда врезалось в мою память в марте 1969 года. Тогда мне было всего 8 лет. Помню, как жители нашей небольшой деревни Приют, что в Никифоровском районе, с тревогой слушали по радио краткие сообщения в новостях о провокациях на советско-китайской границе в районе острова Даманский. Люди старшего поколения, пережившие Великую Отечественную войну, испытавшие голод, холод, тяжёлый труд, потерявшие кто мужей, а кто сыновей, с какой-то затаённой болью вслушивались в каждое слово диктора. Говорили: «Только бы не было войны». И эти слова повторяли снова и снова. А мы, малые дети, испуганно прижавшись тогда к своим родителям, понимали всю важность происходящих событий на далёком острове Даманский.

С тех пор прошло много лет. Впоследствии ни на уроках истории, ни в газетах или книгах нам ничего не рассказывали об этих событиях. Однако из рассказов старших мы знали, что китайским провокаторам был дан достойный отпор и что при этом было использовано новое грозное оружие.

2 марта 2019 года исполнилось 50 лет событиям самого крупного в истории России и Китая вооружённого конфликта, который мог перерасти в полномасштабную войну. Полвека – много это или мало для нашей истории и нашей памяти? Думаю, что немного. И люди старшего поколения и современная молодёжь должны знать и помнить о подвиге наших пограничников, вступивших в неравный бой с нарушителями вверенной им границы Родины. Это были совсем молодые парни 19–20 лет, и весна 1969 года стала для них последней. Но они не дрогнули в минуты опасности, а с честью выполнили свой долг. А наш долг сегодня – помнить о погибших на острове Даманский пограничниках.

И спустя 50 лет мы вновь возвращаемся к тем временам.

Об этом эпохальном событии XX века, поставившем мир на грань войны, о неподражаемом эталоне высочайшего патриотизма, мужества, героизма, беспримерной храбрости, беззаветной любви и преданности своей Родине, профессионального военного мастерства в государственных официальных средствах информации мало упоминается. Как будто этого и не было никогда. Как будто мы, защищая свою Родину на своей территории, делали что-то постыдное, о чём и упоминать-то неловко.

Нельзя говорить о том, что конфликт на Даманском возник именно 2 марта 1969 года. Многочисленные провокации китайцев по самовольному захвату советских островов на реке Уссури начались с 1965 года. Наши пограничники всегда чётко придерживались установленной линии поведения: «гости» выдворялись, оружие не применялось. По воспоминаниям Героя Советского Союза, командира легендарной спецгруппы «Альфа», а в то время начальника заставы Виталия Бубенина, количество участников пограничных инцидентов было различным: от пятнадцати до полутора тысяч человек.

Поначалу пограничники выстраивались вдоль границы цепью, вспыхивал спор: кому принадлежит остров? Брань, ругань... Китайцев буквально физически вытесняли домой. Затем эти «концерты» переросли в рукопашные схватки. Причем китайцы запасались палками, которыми отбивались от наших бойцов. Для ведения кулачных боёв китайцы даже специалистов из Шаолиня приглашали. Количество инцидентов неуклонно росло. Если в конце 50-х годов их было около 100, то уже в начале 60-х в год доходило до 5000. Несмотря на постоянные доклады о стычках на границе, руководство в Москве было неумолимо: «На провокации не поддаваться, огонь не открывать!» Так что потасовки на границе стали обычным делом, а служба превратилась в бесконечные разборки с нарушителями.

2 МАРТА 1969 ГОДА. ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В ночь с 1 на 2 марта 1969 года около 300 китайских военнослужащих в зимнем камуфляже, вооружённых автоматами АК и карабинами СКС, переправились на остров Даманский и залегли на его западном берегу. В 10:40 на 2-ю заставу «Нижне-Михайловка» 57-го Иманского пограничного отряда поступил доклад от поста наблюдения, что в направлении Даманского движется группа вооружённых людей численностью до 30 человек. К месту событий на автомобилях ГАЗ-69 и ГАЗ-63 и бронтранспортёре БТР-60ПБ выехала тревожная группа из 32 советских пограничников под командованием начальника заставы старшего лейтенанта Ивана Стрельникова.

Прибыв к месту нарушения границы, пограничники разбились на две группы. Первая, из 7 человек под командованием Стрельникова, направилась к китайским военнослужащим, стоявшим на льду реки юго-западнее острова. Вторая группа из 13 пограничников, которую возглавил сержант Владимир Рабович, должна была прикрывать группу Стрельникова, двигаясь по южному берегу острова.

Начало вооружённой провокации удалось запечатлеть военному фотографу рядовому Николаю Петрову, который вёл фото- и киносъёмку событий, фиксируя факт нарушения границы и порядок выдворения нарушителей. Приблизившись к китайцам, И. Стрельников выразил протест по поводу нарушения границы и потребовал от китайских военнослужащих покинуть территорию СССР. Один из китайцев что-то громко крикнул своим солдатам, после чего стоящие впереди расступились, а задние открыли автоматный огонь по нашим пограничникам. Последний кадр сделан Петровым за несколько мгновений до гибели: ближайший китайский солдат поднял руку – скорее всего, это сигнал к открытию огня. Китайские солдаты унесли с собой кинокамеру, но не заметили фотоаппарат, который Петров, сделав последний снимок, засунул за отворот полушубка...

Стрельников, Буйневич и сопровождавшие их пограничники погибли сразу. Засада на Даманском открыла огонь по группе Рабовича. Несколько пограничников были убиты, оставшиеся в живых залегли и открыли огонь по бросившимся в атаку китайцам. Они сражались до последнего патрона...

Последний снимок Н. Петрова, 2 марта 1969 г.

Единственным, кто чудом остался в живых из группы сержанта Рабовича, был рядовой Геннадий Серебров. Придя в сознание в госпитале, он рассказал о последних мгновениях жизни своих друзей:

– Наша цепочка растянулась по берегу острова. Впереди бежал Паша Акулов, за ним Коля Колодкин, потом остальные. Передо мной бежал Егупов, а потом Шушарин. Мы гнались за китайцами, которые уходили вдоль вала в сторону кустарника. Там была засада. Едва выскочили на вал, как внизу увидели трёх китайских солдат в маскхалатах. Они лежали в трёх метрах от вала. В это время раздались выстрелы по группе Стрельникова. Мы открыли огонь в ответ. Несколько китайцев, находившихся в засаде, было убито. Стреляли длинными очередями...

2 МАРТА 1969 ГОДА. 11:25

Прибывшая к месту боя группа пограничников младшего сержанта Бабанского понесла тяжёлые потери, отбиваясь от наседавших китайцев. Кончались боеприпасы. «Через 20 минут боя, – вспоминал Юрий Бабанский, – из 12 ребят в живых осталось восемь, ещё через 15 – пять. Конечно, ещё можно было отойти,

вернуться на заставу, дождаться подкрепления из отряда. Но нас охватила такая лютая злоба на этих сволочей, что в те минуты хотелось только одного – положить их как можно больше. За ребят, за себя, за эту вот пядь никому не нужной, но всё равно нашей земли... Вдруг мы услышали совершенно дикий мат и раскатистое "ура!" – это с другой стороны острова нам на выручку неслись ребята с соседней заставы старшего лейтенанта Бубенина. Китайцы, побросав убитых, рванули на свой берег, а я ещё долго не мог поверить, что смерть прошла мимо...»

Старший лейтенант Виталий Бубенин командовал заставой «Кулебякины Сопки», находившейся в полутора десятках километров севернее Даманского. Получив телефонное сообщение о происходящем на острове, он с двадцатью двумя пограничниками поспешил на БТР-60 на помощь соседям...

2 марта 1969 года, остров Даманский. Доклад начальника 1-й погранзаставы лейтенанта Бубенина по линии связи оперативному дежурному 57-го погранотряда майору В. Баженову:

– Докладываю обстановку: на острове идёт бой... на острове Даманском уже около часа идёт бой. Стрельников? Видимо, его застава и он погибли... Да, я своим личным составом 21 человек веду бой... Да, много... сильный огонь

миномётов, артиллерии... автоматный и пулемётный огонь. Всё горит, мой БТР подбит, есть убитые и раненые... Не слышу вас... не слышу...

Трубку берёт водитель БТРа ефрейтор А. Шамов.

- Товарищ майор, старший лейтенант Бубенин теряет сознание... да, ранен тяжело, весь в крови, обгорелый... Нет, вроде жив... приходит в сознание.
- Да, я Бубенин, слушаю вас... Выводить людей? Нет, не могу. Открытое место, всех положат, всех потеряю. Подошёл мой резерв, снова иду в бой. Нет, не могу, майор... не могу отходить, иду в бой, всё... Прощайте...

В этот момент подоспела подмога – с 1-й заставы прибыла группа сержанта Сикушенко, и Бубенин, пересев с семью пограничниками в БТР Стрельникова, продолжил атаку...

Из воспоминаний Виталия Бубенина: «Весь дальнейший бой я вёл на подсознании, находясь в каком-то ином мире. Выбравшись на берег и сев в БТР, мы с бойцами зашли к противнику в тыл. Перед машиной ошарашенные китайцы вставали из-под снега один за другим. Только тогда мы поняли, сколько их пришло по наши души... Два с лишним часа боя мы так и кружили вокруг их позиций, давя и расстреливая. Когда после очередного круга мы выбрались на другой берег, выяснилось, что на ногах из всей заставы осталось четверо. Мы отправили убитых и раненых на заставу, молча обнялись, немного постояли и пошли обратно, в сторону острова. Каждый понимал, что из этого боя он уже не вернётся».

В последней атаке Бубенину удалось уничтожить на острове командный пункт китайского батальона. Это решило исход боя. Китайские солдаты начали отход на свою территорию, унося с собой раненых и убитых...

Владимир Гречухин, фотограф окружной газеты «Пограничник на Тихом океане», оказался на острове через полтора часа после окончания боя. Пахло порохом, кровью, смертью...

2 марта 1969 года в бою у острова Даманский погибло до 250 китайских солдат и 31 советский пограничник, 14 получили ранения. Комсорг заставы «Нижне-Михайловка» ефрейтор Акулов пропал без вести...

2 МАРТА 1969 ГОДА. 12:00

У острова приземлился вертолёт с командованием Иманского погранотряда. Начальник политотдела подполковник А. Д. Константинов организовал поиск раненых и погибших непосредственно на Даманском.

Из воспоминаний подполковника Константинова:

– Вокруг всё горело: кусты, деревья, две машины. Мы полетели над нашей территорией, наблюдая за Даманским. У какого-то дерева увидели наших солдат, приземлились. Я стал высылать группы солдат на поиски раненых, дорога была каждая минута. Бабанский сообщил, что нашли Стрельникова и его группу. Мы по-пластунски поползли туда. Они так рядком и лежали. Первым делом я проверил документы. У Буйневича – на месте. У Стрельникова – исчезли. У рядового Петрова, направленного на заставу политотделом для кино- и фотодокументирования, исчезла кинокамера. Но под полушубком мы нашли фотоаппарат, которым он снял три своих последних кадра, обошедших весь мир.

Наломали веток, уложили трупы и, встав в полный рост, пошли к своим. Солдаты тащили тела, а мы с офицерами чуть поотстали – с пулемётами и автоматами прикрывали отход. Так и вышли. Китайцы огня не открывали...

Вспоминает младший сержант Александр Скорняк:

– Вышли на лёд, где ребята полегли, подогнали машины ГАЗ-69 и начали по двое, по трое грузить тела. Некоторые ещё теплые были, видать, только недавно от ран скончались. Начинаешь поднимать парня, а у него кровь изо рта фонтаном бьёт. До сих пор запах крови на морозе помню, запах смерти. Китайцы даже над мёртвыми издевались – штыками кололи. Особенно досталось офицерам Буйневичу и Стрельникову. Снег был красным от крови. Китайцы при отступлении своих убитых унесли. Но одного их солдата между нашими мы нашли. Одет был тепло, рядом автомат АК-47 валялся и полевой телефон...

– Наших мучили и живых, и после смерти. Резали, разбивали головы... – рассказывал Владимир Гречухин. – Китайцы утащили тяжелораненого комсорга заставы «Нижне-Михайловка» ефрейтора Павла Акулова. Я был при передаче его тела родным – остатки волос у него седые. Труп Павла был обезображен до неузнаваемости. И только мать сумела опознать сына по родинке на указательном пальце...

Китайские солдаты добивали раненых советских пограничников выстрелами в упор и холодным оружием. Об этом позорном для Народно-освободительной армии Китая факте свидетельствуют документы советской медицинской комиссии.

Из докладной начальника медицинской службы 57-го погранотряда майора медицинской службы В. И. Квитко: «Медицинская комиссия, в которую кроме меня входили военные врачи старшие лейтенанты медицинской службы Б. Фотавенко и Н. Костюченко, тщательно обследовала всех погибших на острове Даманском пограничников и установила, что 19 раненых остались бы живы, потому что в ходе боя получили не смертельные ранения. Но их потом по-фашистски добивали ножами, штыками и прикладами. Об этом неопровержимо свидетельствуют резаные, колотые штыковые и огнестрельные раны. Стреляли в упор с одного-двух метров. С такого расстояния были добиты Стрельников и Буйневич».

5 и 6 марта на заставах хоронили пограничников. На снимках Гречухина – ряды гробов. Строгие лица погибших. У многих головы скрыты под белыми марлевыми повязками...

Рассказывает младший сержант Александр Скорняк:

– Наших ребят похоронили на третий день. Прилетели генералы из округа. Приехали родители погибших. Политотдел сагитировал, чтобы всех похоронили в Нижне-Михайловке, на погранзаставе. Сразу посмертно наградили всех павших: офицерам присвоили звание Героя Советского Союза, сержантов и солдат наградили орденами. Но близким от этого легче не стало. И никто не мог предположить, что вскоре рядом опять положат погибших пограничников и солдат...

Уссури – ослепительно белая, туго выгнутая подкова, покрытая льдом и снегами. На нашей стороне сопки в неопавших дубах, катятся, волна за волной, до дальнего мыса. А на той стороне – низина, рыжие травы, кусты... Там – Китай! С пограничной вышки в окуляры дальномерной трубы видны сухие кроны деревьев, фанза под красной черепицей, дым... Между этими берегами лежит советская земля – остров Даманский, тот небольшой остров протяжённостью в два километра, где снег сейчас распорот минами, усыпан стреляными гильзами, полит кровью.

2 марта, здесь, на острове Даманском, немногочисленный отряд советских пограничников принял неравный бой со специально подготовленным для диверсий китайским батальоном, подло, под покровом ночи нарушившим советскую границу. Банда нарушителей была поддержана с китайского берега противотанковой батареей, тяжёлыми миномётами, гранатомётами...

Тогда 29 советских солдат и два офицера пали смертью храбрых в бою за Родину.

После событий 2 марта на Даманский постоянно выходили усиленные наряды (не менее 10 пограничников, вооружённые групповым оружием). В тылу была развёрнута мотострелковая дивизия Советской армии с артиллерией и установками системы залпового огня БМ-21 «Град». С китайской стороны готовился к боевым действиям 24-й пехотный полк численностью 5000 человек.

Инциденты продолжались 8, 9, 15, 16, 19, 22 марта. Но около 15:00 14 марта 1969 года в Иманском пограничном отряде получили приказ от вышестоящей инстанции: убрать советские пограничные наряды с острова (логика этого приказа неясна, как неизвестно и лицо, данный приказ отдавшее). Пограничники отошли с Даманского, сразу же на китайской стороне началось оживление. Китайские военнослужащие мелкими группами по 10–15 человек начали перебежками выдвигаться на остров, другие стали занимать боевые позиции напротив острова, на китайском берегу Уссури.

В ответ на эти действия советские пограничники на восьми БТРах под командованием

история отечества

Похороны пограничников Даманского

подполковника Е. Яншина развернулись в боевой порядок и начали выдвигаться в сторону острова Даманский. Китайцы моментально отошли с острова на свой берег. Около 20:00 14 марта от той же инстанции поступил другой приказ: остров занять.

После 00:00 15 марта на остров вышел отряд подполковника Яншина в составе 60 пограничников на четырёх БТРах. Отряд расположился на острове четырьмя группами, на расстоянии порядка 100 метров друг от друга, отрыли окопы для стрельбы лёжа. Командовали группами офицеры Л. Маньковский, Н. Попов, В. Соловьёв, А. Клыга. Бронетранспортёры постоянно перемещались по острову, меняя огневые позиции.

Около 9:00 15 марта на китайской стороне заработала громкоговорящая установка. Советских пограничников призывали покинуть «китайскую» территорию, отказаться от «ревизионизма». На советском берегу тоже включили громкоговоритель. Трансляция велась на

китайском языке и довольно простыми словами: «Одумайтесь, пока не поздно, перед вами – сыновья тех, кто освобождал Китай от японских захватчиков».

Через некоторое время с обеих сторон наступила тишина, а ближе к 10:00 китайская артиллерия и миномёты (от 60 до 90 стволов) начали обстрел острова. Одновременно три роты китайской пехоты пошли в атаку. Начался ожесточённый бой, который длился около часа. К 11:00 у оборонявшихся стали заканчиваться боеприпасы, и тогда Яншин на БТРе доставил их с советского берега.

Полковник Леонов доложил вышестоящему начальству о превосходящих силах противника и необходимости использовать ар-

тиллерию, но безрезультатно. Около 12:00 был подбит первый БТР, минут через двадцать – второй. Тем не менее отряд Яншина стойко удерживал позиции даже в условиях угрозы окружения. Отойдя назад, китайцы стали группироваться на своём берегу напротив южной оконечности острова. От 400 до 500 солдат явно намеревались ударить в тыл советским пограничникам. Положение усугублялось тем, что была утрачена связь между Яншиным и Леоновым: антенны на БТРах были срезаны пулемётным огнём.

Для того чтобы сорвать замысел противника, гранатомётный расчёт И. Кобеца открыл меткий огонь со своего берега. Этого в сложившихся условиях было недостаточно, и тогда полковник Леонов принял решение совершить рейд на трёх танках. Танковая рота была обещана Леонову ещё 13 марта, но 9 машин подошли только в разгар боя.

Леонов занял место в головной машине, и три T-62 двинулись в направлении южной око-

нечности Даманского. Примерно на том месте, где погиб Стрельников, командирский танк был подбит китайцами выстрелом из гранатомёта (РПГ). Леонов и некоторые члены экипажа получили ранения. Покинув танк, направились к своему берегу. Здесь в полковника Леонова попала пуля – прямо в сердце. Пограничники продолжали вести бой разрозненными группами и не позволили китайцам выйти на западный берег острова. Обстановка накалялась, остров мог быть утерян. В это время было принято решение об использовании артиллерии и вводе в бой мотострелков.

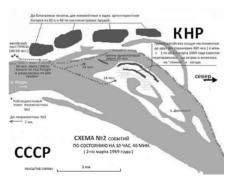
В 17:00 командующий армией Дальневосточного округа генерал-лейтенант О. А. Лосик нарушил распоряжение Политбюро ЦК КПСС и был вынужден ввести в бой секретные реактивные системы залпового огня «Град».

Дивизион установок «Град» нанёс огневой удар по местам скопления живой силы и техники китайцев и их огневым позициям. Одновременно полк ствольной артиллерии открыл огонь по выявленным целям. Налёт оказался исключительно точным: снаряды уничтожили китайские резервы, миномёты, штабеля снарядов. Артиллерия била 10 минут. Это решило исход сражения.

В 17:10 в атаку пошли мотострелки и пограничники под командованием подполковника Смирнова и подполковника Константинова. БТРы вошли в протоку, после чего бойцы спешились и развернулись в сторону вала вдоль западного берега. Противник начал поспешный отход с острова. Даманский был освобождён. Китайская сторона на данном участке границы больше не решалась на серьёзные провокации и боевые действия.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА

В боевых действиях на острове Даманский погибло 58 человек, 97 ранено. За героизм и мужество, проявленные при защите рубежей Родины у острова Даманский, 6 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Это пограничники Демократ Владимирович Леонов, Иван Иванович Стрельников и пулемётчик 135-й дивизии сержант Владимир Викторович Орехов (награждены посмертно), старший лей-

тенант Виталий Дмитриевич Бубенин, сержант Юрий Васильевич Бабанский и солдат срочной службы рядовой Геннадий Серебров. 150 человек были отмечены боевыми наградами. Из них четверо – гражданские люди: Лидия Фёдоровна Стрельникова награждена орденом Красной Звезды; Анатолий Георгиевич, Геннадий Васильевич и Дмитрий Артемьевич Авдеевы награждены медалями «За боевые заслуги».

Военное сражение выиграл Советский Союз, однако судьба острова была предрешена. По сути, он отошёл к Китаю уже в том же 1969 году. Советские пограничники получили приказ не патрулировать его, а китайские военные продолжали это делать регулярно. Но кремлёвское руководство ещё 22 года не объявляло об этом своему народу. Финальная точка была поставлена только в 1991 году, когда Россия и Китай провели совместную демаркацию границы. По нормам международного права она определена по фарватеру Уссури. Даманский отошёл Китаю и стал называться Чженьбао.

Прошли годы. О героях Даманского народ сложил песни, поэмы, стихи... Его защитники стали символом мужества, героизма и чести офицеров, солдат и сержантов, исполнивших свой долг до конца. В г. Дальнереченске воздвигнут монумент на братской могиле пограничников, погибших на острове Даманский. Каждый год в памятную дату, 2 марта, сюда приходят люди и возлагают цветы, приезжают со всей страны участники тех событий, строем проходят пограничники и отдают честь героям Даманского. Для всех нас, ныне живущих, Даманский – символ мужества и верности воинскому долгу.

Любовь ПОПОВА, ветеран педагогического труда, Никифоровский район

стихотворной строкой

Николай ЧЕРБАЕВ

В ПЕРЕУЛКАХ ДУШИ ПАМЯТЬ БРОДИТ

На лугах уходящего лета Зори плачут холодной росой. В переулках души моей где-то Бродит память девчонкой босой.

Пробирается узкой тропинкой В те приметные с детства места. Дорожит память каждой травинкой, Каждый листик ей дорог с куста.

Навсегда в моей памяти поле С красным солнцем вечерней зари, Звёзд сиянье в небесном просторе, Запах трав, где растут купыри.

Не забыты лесные тропинки И печаль тех лесных деревень,

Brepeyrkax gyuu

Ах, как красива осень! Как красива! С её листвой багряной, золотой. Хоть и бывает грустно и тоскливо, Когда нудит дождь мелкий и косой.

На то она и осень, чтоб щемило От воспоминаний в сердце и в душе. Под грусть её лишь вспомнишь всё, что было, Всё то, что не вернуть уже.

А в ясный день, когда с берёзы в роще, Сорвавшись, тихо жёлтый лист летит, Нет тяжести в душе, и всё гораздо проще, Когда листвы янтарь под солнышком блестит.

Ах, как красива осень! Как красива! В ней нежность, радость, грусть в ней и печаль. То солнечной бывает, то дождливой, И расставаться с осенью мне жаль.

Где теперь лишь висят паутинки И лежит всюду мёртвая тень.

Летних дней вижу яркие краски, Шумный берег в купальный сезон, Заводь речки, заросшую ряской, Слышу лета я жаркого звон.

В переулках души память бродит, Ищет то, что так было давно, И тропинкою узкой уводит В то далёкое детство моё.

МОЯ ДУША В ДАЛЁКОМ ПРОШЛОМ

Жизнь тороплива: что ни день – Закат спускается всё ниже, Ложится дальше моя тень, Но всё, что дальше, к сердцу ближе. Всё ближе к сердцу те года, Когда с рассветом дни длиннее, Когда заветная звезда Из года в год льёт свет, тускнея.

Всё ближе к сердцу шум ветров На склоне дней порой осенней, Давно погасших дым костров Теперь я чувствую острее. Всё ближе к сердцу шелест трав Порой вечерней, в час заката, И тень таинственных дубрав, Куда теперь мне нет возврата.

Всё ближе к сердцу грусть крестов Родных могил под сенью сосен. Я сердцем всё принять готов, Всё то, о чём душа попросит.

И в час вечерний в тишине Моя душа в далёком прошлом Готовит снова встречу мне, Где след с годами запорошен.

но день уходит без возврата...

Люблю смотреть я в час заката На тени дремлющих берёз. Но день уходит без возврата! Уходит день! Мне жаль до слёз!

На травах, пахнущих росою, В сплетеньях сгорбленных теней, Между стволов перед собою Я вижу свет ушедших дней.

Сгорит заря пожаром алым, Скатится солнце за поля, И ночь накроет покрывалом Остатки гаснущего дня.

И всё, что было, не вернётся: Ни на секунду, ни на час... В одном отрада, что начнётся, Начнётся новый день для нас!

СТОИТ БЕРЁЗА ВОЗЛЕ ПРУДА

Стоит берёза возле пруда, С грустинкой, кротко смотрит вдаль. О Боже мой, скажи, откуда В душе древесной есть печаль?

Неужто в ней душа живая? Неужто чувство ей дано? В поклонах ветви опуская, Ветрам служить ей суждено?!

Скажи, берёза, в час печали Раскрой мне душу не тая. Какие ветры раскачали, Кто опечалил так тебя?

Берёза шепчет мне листвою, Касаясь ветвями руки: «Здесь много лет уж надо мною Летят, курлыча, журавли.

Они летят порой осенней, Прощаясь с родиною, вдаль. Прощальный крик их в час вечерний Моей душе несёт печаль.

И оттого мне грустно стало, Что вновь вечернею зарёй, Курлыча, стая пролетала, Кружилась долго надо мной.

Печаль моя не будет вечной, Как только вновь весна придёт, Воспряну я душой древесной, Встречая птиц родных прилёт.

Я тёплой ласковой весною Зелёным платьем обряжусь, Я голубой платок покрою И к думам радостным вернусь».

Стоит берёза возле пруда, С грустинкой кротко смотрит вдаль, И мне послышалась оттуда Песнь журавлиная – печаль.

поэтический блокнот

Елена ОСМИНКИНА

Республика Крым, г. Симферополь

Поэт, публицист, критик. По образованию филолог, окончила Симферопольский государственный университет. Родилась и живёт в Симферополе. 12 лет прожила в Санкт-Петербурге, где начала свою писательскую деятельность. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Гумилёва и Пушкинской литературной премии (Крым), международных литературных конкурсов имени А. Куприна, И. Крылова. Победитель международных поэтических фестивалей, среди которых - «Чеховская осень», «Пристань менестрелей», «На берегу Муз», «Парад лауреатов». Библиография автора насчитывает четыре сотни публикаций в изданиях разных регионов РФ, Украины, Беларуси. Среди них - «Невский альманах», «Российский писатель», «День литературы», «Новый Енисейский литератор», «Дон новый», «Золотой Пегас», «Гостиный дворъ», «Воскресение», «Слово» и др. Награждена знаком отличия и Грамотой Президиума Государственного Совета Республики Крым «за значительный личный вклад в развитие культуры и искусства в Республике Крым и профессиональное мастерство» (2017).

На краю небесного простора Ангел удивлялся синей бездне: Не лилось оттуда райских песен -Доносились стоны и укоры. От земли, где создавал когда-то Бог приют из розового сада, Раздавалась яро канонада, Догорали в храмах свечи свято Вслед скорбевшим, отлетевшим душам. А из бездны, где война пылала, Горькое «за что?» в закате алом Ангел немо и печально слушал. Влажных крыльев мощное движенье: «Нет! Не Богу сетовать пристало! На земле, где роз осталось мало, Вы себе и беды... и спасенье».

Храмы пахнут небесами И щемящим откровеньем, По которому над нами – Воля Божья провиденья.

Стены здесь смиреньем дышат, И прозрачная прохлада С куполов слетает высших, Будто листья листопада.

И глаза святые ликов Словно смотрят в сердце прямо. Грешных душ не слышно криков, Не сочатся кровью раны –

Лишь покой крыла расправил, Время в вечность превратилось, Суету подложных правил Беспощадно обмелило.

Я смотрю, как безмятежно Мотыльком порхает пламя, Возвращая мне надежду Неподвластной силой тайны.

МОЛИТВА

Быть откровенною с собой, Чтоб сердцем искренне и чисто Вдруг на молитве у Пречистой Подняться над своей судьбой, Открывшись истинам простым, Где пуповина мира – сердце, Где лишь на шаг от жизни, смерти И рядом с именем святым.

Как исповедь свою начать, Сквозь кокон мыслей пробиваясь? И только чувствам отдаваясь, Я с губ немых сорву печать...

Молитва дарит, словно скит, Покой душе, надежду, веру И в глубину небесной сферы Незримо, тихо отлетит.

> Ведь звёзды были крупнее, Ведь пахли иначе травы... А. Ахматова

И звёзды крупнее были, И пахла трава иначе, Но след припорошен пылью, И жар молодой растрачен.

Казались длиннее ночи И шали рассветов ярче – Теперь же бледней, короче. И мысли горчат, чем старше:

Цветком или только тенью Мой путь на земле означен? Был звёздный узор крупнее, И пахла трава иначе.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДВОР

Здесь и бедность, и унынье, И пейзажный тихий рай: Скособоченный сарай В царстве вереска, полыни. Островки ромашки белой Бесхозяйственный «ландшафт», Весь успевший обветшать, Освежают краской смелой.

Обросли травой дорожки, Что ведут в скворечник-дом, Бывший радостным гнездом, А теперь предмет делёжки Между дочкой и отцом. Только щедрая рябина Так же ярко хороша, И поёт её душа В каждом ягодном рубине.

ЛИМИТА

Хотелось в свежей юности
Ей покорить столицу
Налётом южной смуглости,
Повадкой лёгкой птицы.
С хатёнкой кривобокою
Из скрипов, плачей, вздохов
И с бабкой одинокою,
Соседом-выпивохой
Рассталась в страхе (гонятся?) –
Мелькали быстро ноги.
Ах, полететь бы горлицей
Над речкой и дорогой...

Но город привередливый Смеялся неприкрыто: В красивых и кокетливых Нет вовсе дефицита. Ночами горько плачется, Деревни снятся лица, Но юная «захватчица» Судьбе не покорится. В свое житьё столичное Вгрызается зубами В веснушках милых «хищница» В погоне за правами – Найти своё призвание, Поймать перо жар-птицы И от любви Ивановой В принцессу превратиться.

СУДЬБА РОССИИ

Святой называли и дикой, Боялись, любили и жгли. Казалась чужой и великой – Играя с судьбой на пари, Пытались постичь её тайны. Её сокровенную суть. Господь подарил не случайно И силу, и жертвенный путь Духовных, земных испытаний, В которых смогла бы она Служить и смиреньем, и данью, Залогом любви и добра. Святыни порой попирали, Святых низвергали, смеясь. Потом возносили до рая, Склонившись к земле и крестясь. Такая судьба у России: Прощать, сострадать, и любить, И прадедов веру и силу Беречь, как заветную нить.

Речь русская, родной язык – Живая сила единений: Из многих взглядов, личных мнений Слагается народный лик.

В нём вижу ясные черты: И мудрость, веру и соборность, И проявление, бесспорно, Душевной русской широты.

Родной язык как океан, Самосознания глубины, В которых предков дух былинный В себе отышет каждый сам.

Родной язык как сто молитв, И в русский мир единой речью Он, будто оберегом вечным Нас сохранив, объединит.

РОЖДЕНИЕ

Триптих

1

В глубинах Вселенной Бог лепит миры Со звёздной начинкой из света и тьмы. И мысленной волей рождённая плоть Пульсирует, дышит, мерцает, живёт. Кометы пронзают небесную явь, Сияющим следом просторы связав. И звёзды, в рождении новом дрожа, Сияют, как будто вселенский пожар.

2

Всевышний и духи планеты спешат: Все недра Земли и природный ландшафт, Каскады речные в кипенье воды Прологом, по мысли небесных владык, Становятся главного чуда: вовек Здесь будет рождаться и жить Человек!..

3

Но век золотой был недолог. Ему На смену – навет, фарисейства улов, И войны, и тюрьмы, и пасти костров. Про святость забыв, мир скандировал: «Тьму!»

По звёздам в терновом венце и босой, Как свет, как спасенье от крови и слёз, Безверия, мрака и страхов, Христос На землю сошёл, завещая простой

И мудрый урок из духовных начал. «Себя возлюби, и другого, и мир, Заветы скрижалей душою прими», – Святынею голос негромкий звучал...

Но только страстное прекрасно В тебе, мгновенный человек!

В. Брюсов

Как жить без страсти, без полёта, Без вдохновения души, Имея лишь одну заботу: Покоем сердца дорожить? Мы с бесконечностью на равных Не можем быть: всего на миг Здесь обретаем жизнь и вправе Сжигать мосты, идти на риск. В одном дыхании - столетья И протяжённости парсек. И нетерпением, как плетью, Себя стегает человек В желании осмыслить вечность, Мгновение своей судьбы, Неумолимо скоротечной, И на условиях любых Творить добро, искать и верить, Воспламеняться и любить В тот краткий миг, что нам отмерен, В счастливом осознанье: «быть».

* * *

Я знаю, милый, всё вокруг – мираж: Богатство, слава, суета земная... И только небеса – судья и страж – Напомнят о наградах тихих рая.

* * *

Нам всем нести судьбы заветный крест, С протестом или с кротостью венчаясь. Пусть силы не безмерны – вера есть, Что встретят у небесного начала.

Мой милый, знаю: дан всему конец. Неистощима только Божья милость, И каждому – из вечности венец, Коль на земле дарить любовь случилось.

деревенский дом

Потемнело облако над полем, Выстланным печальным ковылём. В бедности, в сетях у старой боли Одряхлевший деревенский дом.

Возведён был в радости когда-то, А теперь от старости скрипит, Почернел. Вихрастые ребята Не украсят сиротливый быт.

Выросли, в столице дальней ныне – Доживает век усталый дом, Вербою пропахший и полынью. Дед сидит за маленьким окном.

Ртом щербатым усмехнулась доля: Все вокруг – «в буржуи напролом»... Выплакалось облако над полем С поседевшим диким ковылём.

СОХРАНИТЕ!

Лик небесный в полночь тёмен. Льются звёзды-слёзы вниз... Мир (так мал и так огромен!) Дан с условием: храни! Не растратьте это счастье От планетного венца И земли разумной частью Будьте, люди, до конца. Сохраните в многоцветье Луговых цветов венки, Горы в палевых рассветах И речные ивняки, Россыпь – снежную и листьев, Златотканных октябрём; И прозрачных капель быстрых Марш – с апрелем-звонарём. Гроздья сизые в тумане Утаит сирени куст, И в озёра, и в лиманы С облаков сорвётся грусть... Всё, чем этот мир прекрасен, Сохраним от бед и драм, Чтоб не чувствовать напрасной Жизнь, подаренную нам.

ПРИСУТСТВИЕ В ЦАРСТВЕ БОЖИЕМ

О РЕМОНТНЫХ РАБОТАХ В СКОРБЯЩЕНСКОМ ХРАМЕ

Сегодня мичуринцы имеют возможность быть участниками и свидетелями возрождения былого благолепия небольшого, но так любимого горожанами Скорбященского храма. Вот уже несколько лет идёт кропотливая работа по реконструкции этого старинного символа любви к Богу наших предков. И когда по городу распространилась весть о том, что в храме установлен новый иконостас и ведётся роспись, многие хотят узнать подробности об этих работах. Сегодня мы поговорим об этом с настоятелем храма протоиереем Алексеем Гиричем и руководителем художественной части Палехской иконописной мастерской «Преображение» Андреем Анатольевичем Ополовниковым.

Первый вопрос адресуем отцу Алексею.

- Батюшка, расскажите, пожалуйста, когда появилась возможность проводить полномасштабный ремонт в храме, наверняка встал вопрос о том, кто будет заниматься теми или иными видами работ. Как вы искали художников для будущих росписей?
- О. Алексей: Прежде чем приступать к такому сложному вопросу, как роспись храма, нужно было определиться со стилем будущего письма. Архитектуре нашей церкви, конечно, больше подходит живописный стиль, однако, на мой взгляд, он более свойствен католической иконописной традиции, а не православной. Живописная икона в большей степени отражает душевное, чувственное, а не духовное, услаждает чувства, а не понуждает к молитве дух. Если же мы обратимся к строгим древ-

ним стилям, как, например, византийский, то, откровенно говоря, он совершенно не вяжется с архитектурой нашего храма, да и слишком сложен для восприятия современным человеком. Поэтому мы решили избрать палехский иконописный стиль. Признаюсь, я сам очень люблю это художественное направление. Палехские мастера соблюдают иконописную каноническую традицию, в то же время создавая в значительной степени более «живые», объёмные, красочные и декоративные образы. Палешане сохранили иконописные традиции с дореволюционных времён. Палех давно славился своими иконописцами. Однако после 1917 года иконы в советской России стали ненужными, а Церковь стала гонимой. На выручку палешанам пришёл Максим Горький, поддержавший художника Ивана Голикова, который помог перенаправить художниковиконописцев в народный промысел, и в частности в лаковую миниатюру. В результате было создано народное училище, существующее по сей день, в котором студентов обучали палехскому мастерству в основном по иконописным образцам. Это позволило сохранить палехскую школу. А после падения богоборческой власти в училище, сохранившем преемственность иконописного мастерства, стали вновь готовить замечательных иконописцев.

Когда определились со стилем, начали искать мастеров. Мы ездили в Палех, к нам приезжал ряд мастеров. Находились хорошие мастерские, со значительным штатом, опытом, но по разным причинам они нам не подходили. Были даже такие умельцы, называвшие себя палешанами, которые в палехском стиле вообще не работали, а предлагали только византийский или живописный стили. Искали и в интернете. На просторах Сети мы и нашли Палехскую иконописную мастерскую «Преображение». Посмотрели их работы, и сразу живо представилось, как с такими росписями будет смотреться наш храм. В это время мастера трудились в Воронеже, где мы с ними и познакомились, посмотрели, как говорится, «вживую» их работы и договорились о сотрудничестве.

– Обращусь теперь к Андрею Анатольевичу Ополовникову. Расскажите, пожалуйста, о вашей мастерской – когда создана, какой школы живописи придерживаются художники в своей работе.

Андрей Ополовников: – Создана наша мастерская в 2007 году. Директор компании – Дмитрий Викторович Усачёв. Многие мастера работают с настенной живописью ещё с конца 90-х. Все наши иконописцы окончили одно учебное заведение – Палехское художественное училище им. М. Горького. Нам это позволяет, как говорится, общаться на одном языке, ясно понимать друг друга. А это большое дело для слаженной совместной работы. Для общей симфонии. Ведь подход к организации иконописных работ может быть разным, а значит, и результат будет не одинаков. Палехский стиль, которого придерживаются наши мастера, славится сложностью композиции, многофигур-

ными сюжетами. Это отличает нашу работу от других.

- Мы немного наблюдали за вашей работой. Интересно же, как создаются образа святых. И многие наверняка заметили, что каждый ваш художник трудится, скажем так, только над своим блоком. Я имею в виду, что один пишет фоны, другой ризы, третий лики и так далее.
- А. О.: Да, ваши наблюдения верны. У нас есть разделение труда. Как в оркестре: один играет на одном инструменте, другой на другом, а в целом мы слышим звучание музыки. В нашем случае это делается для ускорения производства. Но это далеко не новшество, так было с древних античных времён. Каждый мастер на своём набивает руку, у него это замечательно получается, и работа спорится.
- Получается, что ваша мастерская существует уже более десяти лет. Где за это время вам доводилось работать? Какие храмы украшены вашими мастерами?
- А. О.: География наших работ обширна. Нам довелось писать в Магадане, Воронеже, в Нижегородской, Ижевской областях. Вот теперь в Мичуринске.
- Отец Алексей, когда потенциальные подрядчики, так их назовём, были найдены, как принимались решения о концепции будущих росписей? Какие сюжеты хотелось бы вам отразить в росписях? Или есть какие-то жёсткие канонические установки?
- О. А.: Конечно, есть канонические традиции. Однако это не жёсткие правила. Если бы был один какой-то образец, которому нужно было неукоснительно следовать, то все храмы были бы похожи один на другой. Но творение Божие сложно, многогранно и разнообразно, что и создаёт удивительную и бесконечную для постижения красоту Божьего мира. И человеку Бог дал возможность стать сотворцом, украшать и обустраивать мир таким же бесконечно разнообразным образом. И мы постарались, опираясь на канонику, найти какое-то своеобразие в нашем храме. Во-первых, нам очень хотелось, чтобы наш храм стал отражением духовного богатства Тамбовщины. Это был один из главных векторов концепции будущих росписей. Во-вторых, наш храм Богородичный, и,

естественно, нам хотелось использовать как можно больше сюжетов, связанных с Божией Матерью, Её святыми иконами. И третье, что должно было придать нашему храму своеобразие, это то, что именно при Скорбященском храме подвизалась всеми нами почитаемая и любимая старица схимонахиня Серафима (Белоусова), здесь же её провожали «в путь всея земли», здесь же, рядом с нашим храмом, она нашла своё последнее пристанище. В наш храм приезжают тысячи людей почтить её память, помолиться об упокоении её святой души, попросить её святых молитв и помощи. В будущих росписях мы хотим использовать основные сюжеты из благочестивой жизни матушки Серафимы, явные чудеса, совершённые по её молитвам. Но поскольку старица ещё не прославлена, мы решили разместить эти сюжеты в притворе храма, её изображения будут без нимбов. Предвидя вопросы, хочу оговориться, что подобная практика не исключительная, мы не дерзаем здесь как-то отступать от канонов церковных. И в прежние времена бывало, что до прославления того или иного святого в каких-то частях храма или в притворе, как в нашем случае, размещались житийные сюжеты о жизни подвижника. За примерами далеко ходить не будем, упомянем кафедральный Спасо-Преображенский собор города Тамбова, который был расписан сюжетами о жизни и подвигах святителя Питирима, епископа Тамбовского, чудотворца, ещё задолго до канонизации покровителя тамбовской земли, уже горячо почитаемого в народе. А уже, вероятно, после прославления на некоторых сюжетах были дописаны нимбы.

Никакой информации об историческом убранстве церкви не сохранилось. Перед войной, в 1938 году, наш храм одним из последних в Тамбовской области был закрыт, его начали ломать, сломали колокольню. Но, слава Богу, одумались и решили остальное оставить. Устроили в храме тракторную мастерскую. Всё убранство уничтожили. И то, что мы видели в храме до ремонта, – не старинные росписи и иконостас, а то, что сделали приснопамятный архиепископ Филарет, тогда ещё протоиерей Александр Лебедев, с боголюбивыми прихо-

жанами, когда в 1943 году, во время так называемой сталинской оттепели, им позволили вновь открыть храм. Но нам очень хотелось сохранить в храме общую молитвенную атмосферу и духовную преемственность, поэтому мы решили сделать новый иконостас в стиле и приблизительных размерах прежнего, сохранить в храме все почитаемые иконы, которые будут размещены в новых напольных киотах, использовать в росписях большинство тех сюжетов, которые были до ремонта.

Стены в храме будут расписаны полностью. Мы стараемся, чтобы орнаменты и декоративные элементы не стали доминирующими. Нам очень хочется, чтобы храм создавал эффект присутствия в Царстве Божием. Этого мы попытаемся достичь за счёт того, что все основные площади будут занимать иконы и евангельские сюжеты. А сами образы, написанные в палехском стиле, будут объёмные и богатые цветом. Мы очень надеемся, что люди, входящие в наш храм, будут чувствовать чтото подобное тому, что ощутили посланники равноапостольного великого князя Владимира, войдя в величественный Софийский собор в Царьграде. Увидев православное богослужение, они вернулись на родину убеждёнными, что именно православная вера – единственная истинная и спасительная, ведь, стоя в храме, они не знали, на земле ли они или на Небе. Будем верить, что у нас получится. Мы очень стараемся.

Ещё очень важен нравоучительный аспект. Известно, что без нравственного изменения вера наша тщетна. Очень важно, чтобы вера Христова помогала человеку избавляться от страстей и изменяться в лучшую сторону. Мы должны приуготовить себя к Жизни Вечной, чтобы войти в Царство Божие. Эту мысль мы хотим донести до каждого христианина, а до молодёжи особенно. В этом нам поможет то, что весь свод трапезной части храма будет расписан сюжетами евангельских притч, каждая из которых являет собой кладезь нравственной и духовной мудрости. Каждая история – это драгоценнейший евангельский урок для нас.

– Батюшка, вот вы говорите, что хотите в росписях показать богатство тамбовской ду-

ховной традиции. А какими средствами это должно быть достигнуто?

О. А.: - Совершенно очевидными. Среди икон мы планируем отразить сонм святых, в земле Тамбовской просиявших и входящих в Собор Тамбовских святых. Это и святители – Питирим Тамбовский, Феофан, затворник Вышенский, Тихон Задонский, Митрофан Воронежский; и преподобные - Серафим Саровский, Марфа Тамбовская, Силуан Афонский, Амвросий Оптинский; и прочие чтимые святые, так или иначе связанные с тамбовской землёй. Особенное отношение у православных к новомученикам Церкви Русской, первым из которых стал уроженец Тамбовской губернии, прошедший путь духовного становления в пределах Козловского уезда, священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. И его святой образ запланирован к написанию в нашем храме. Также очень значим для нашего храма образ бывшего настоятеля Скорбященского храма священномученика Михаила Богородицкого, которого, к огромному сожалению, далеко не все наши земляки знают и почитают. И какому же храму, как не нашему, популяризировать его святое имя. Будем прилагать усилия, чтобы мичуринцы знали и помнили святых, подвизавшихся в наших краях. Уже написаны два образа Богородицы, тесно связанные с историей Тамбовщины. Это иконы Божией Матери «Тамбовская» и «Вышенская». Одну из них принёс с собой святитель Питирим, просвещавший светом евангельским живущих здесь людей, впоследствии она была названа «Тамбовской». А вторая – «Вышенская» – спасала град Тамбов в самые трудные годы, когда свирепствовала эпидемия чумы. Летописи оставили нам воспоминания, что, когда икону проносили крестным ходом по улицам города, то болезни отступали, и уже буквально с того дня на улицах, по которым пронесли икону, люди не умирали.

- Какие средства и материалы используются во время росписей что-то инновационное или стараетесь держаться традиции?
- А. О.: Раньше мы старались держаться традиции. Мы сами творили краски. Примерно в начале 2000-х годов был поиск материалов. Сейчас мы используем готовые акриловые

краски. Можно сказать, что это современные технологии. Прежняя фресковая живопись подразумевала работу по сырой штукатурке, когда краски соединялись с известью, которая, высыхая, кристаллизовалась и выходила наружу, над краской, образуя защитный слой. А сейчас никто не пишет по сырой штукатурке. Соответственно, нужно искать новые материалы. Плюсы акриловых красок в том, что они дышащие, очень крепкие и долговечные. У них большая палитра цветов. Учитывая, что мы работаем в храмах, где постоянная копоть от горящих свечей, немаловажным является то, что покрытую этими красками поверхность можно помыть. Так что они устраивают нас и наших заказчиков.

- Кроме настенных росписей в Скорбященском храме полностью заменён иконостас, представший в этом году в полной красоте накануне престольного праздника. Кто трудился над этим?
- О. А.: Нам очень хотелось благоукрасить наш храм и при этом не потерять его своеобразие и особенность. К сожалению, мы не знаем, каким был наш храм до революции или хотя бы до тридцатых годов прошлого века, когда его закрыли и начали разрушать. Не осталось ни фотографий, ни подробного описания. Нет даже достоверных сведений о разрушенной колокольне, а уж о внутреннем убранстве и говорить не приходится. Поэтому мы можем принять во внимание лишь то, каким храм стал после возрождения в 1943 году при настоятельстве протоиерея Александра Лебедева, подъявшего на себя подвиг восстановления святыни.

Благодаря нашему меценату Борису Александровичу Невзорову мы смогли выбрать лучшую, на мой взгляд, мастерскую в России по производству иконостасов – «Щигры». Мы очень довольны сотрудничеством с ними и сердечно благодарим их за замечательную работу.

Эта же мастерская изготовила иконостас для крестильного храма в честь святого равноапостольного князя Владимира в недавно построенном здании духовно-просветительского центра.

Для того чтобы храм смотрелся целостно в художественном и композиционном плане, мы договорились, чтобы Палехская мастерская «Преображение» не только расписала храм, но

ПРАВОСЛАВИЕ

и написала иконы для нового иконостаса. Иконы выполняются на золоте с чеканкой. А доски для будущих икон готовит мастерская «Щигры», чтобы они идеально подходили на свои места в иконостасе.

– Все мы прекрасно знаем, что одна и та же работа, выполняемая теми же людьми, но в разных условиях, идёт по-разному. Андрей Анатольевич, поделитесь, как вам работается на мичуринской земле?

А. О.: – На самом деле очень многие факторы влияют на рабочий процесс. Но отец-настоятель принимает нас очень радушно. Откликается на каждую нашу просьбу. И, наверное, самое важное для работы художника – это леса. Здесь нам не приходится ни достраивать, ни доделывать, как это очень часто бывает. Здесь леса сделаны как надо, без риска для жизни, так сказать. С отцом Алексеем у нас с первого дня завязался конструктивный диалог, что также очень помогает работе.

– Батюшка, вы вскользь упомянули о благотворителях. Можете подробнее рассказать о тех людях, которые помогают храму обрести величественный и торжественный вид?

О. А.: - Всё, что мы видим сегодня в нашем храме, стало возможно по нескольким причинам. Во-первых, мы видим в этом благодатный покров Матери Божией, которая печётся о нашем храме и помогает нам всячески. Также мы верим, что молитвенной ходатаицей за нас является любимая нами матушка Серафима, которая покоится возле нашего храма. Капитальный ремонт назревал давно. Более двухсот лет храм был утешением верующим, однако практически не ремонтировался. Мы несколько лет вели работы исключительно на пожертвования наших дорогих благочестивых прихожан. Город у нас небольшой и не очень богатый. Мы делали что могли, на что набирали средств. До тех пор пока по молитвам матушки Серафимы Матерь Божия не послала нам нашего мецената, члена Совета Федерации Бориса Александровича Невзорова. Прежде мы долгие годы ходили, обивали многие пороги, просили о помощи. А Борис Александрович приехал к нам сам, по велению своего сердца, и предложил помощь в восстановлении нашего храма.

В нашей жизни крайне мало происходит случайностей. Поэтому, наверное, и не случайно, что день рождения Бориса Александровича приходится на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. И мне видится явное покровительство и водительство Божией Матери в его жизни.

Борис Александрович с детства был приучен почитать Бога, почитать родителей и старших. И это он пронёс через всю свою жизнь. Он ещё юношей покинул наш город, но сохранил любовь к Мичуринску, регулярно приезжал навещать могилы предков. И, как выяснилось, прежде уже предлагал свою помощь храму, но, к сожалению, не нашёл отклика в этом вопросе от прежнего настоятеля. Но идеи помочь храму он не оставил. И, увидев, что работы в храме ведутся, снова предложил помощь, которая пришлась очень кстати.

Мы от всей души благодарим Бориса Александровича, наших дорогих боголюбивых прихожан, которые вносят свою регулярную посильную лепту в дело восстановления любимой святыни, директора гостиницы «Мичуринск» Михаила Вячеславовича Кольцова, также принимающего активное участие в этом благом деле. И мы искренне верим, что и Матерь Божия, и матушка Серафима возносят о них свои святые молитвы ко престолу Божию, видя заботу о нашем старинном храме. И мы всегда будем молиться о них!

Беседу вёл Роман ЛЕОНОВ, председатель информационноиздательского отдела Мичуринской епархии, член Союза журналистов России

ЗАБЫТЫЙ В ВЕКАХ ПЕВЕЦ

1.

Велик и славен Боян, могучий певец столетий. Сила его струн была так велика, что он, худого рода-племени, достиг небывалых высот. Его струнам внимали не только дружинники да бояре, но сами князья, задумчиво повесив голову, отставляли золочёные ковши. Трижды славен Боян, не возмущавший гнева всесильных. Струны его недаром прозвали вещими. Слава гремела в них, но не народу русскому, а избранным волею небес предержателям общирного государства, которое впоследствии оставит огромный след в истории.

Боярин Олекша никогда не видел легендарного певца, но мнение о нём составил самое

невыгодное. Лукавый простолюдин, вознёсшийся волею небес высоко-высоко, под княжеское крыло, – вот кем был для него Боян. Впрочем, совсем не это занимало мысли мудрого боярина. Дела государственные, дела семейные... Князь Игорь Святославич не поддержал общерусского похода на половцев в прошлом году, поддавшись неумным советам боярина Михаила. Дескать, мы почти каждую весну мечами машем, а другие в хороводах пляшут, пусть теперь попробуют с наше – увидим, что будет. В словах боярина Михаила была и доля горькой истины. Северская многострадальная земля не раз пылала пожарами. Не раз хищный, сухой, как обожжённый немилосердным солнцем ковыль, половчанин угонял в полон

пахарей и кузнецов, плотников и каменщиков. Не одна красная девица рвала волосы на своей голове от позора. И не было помощи ниоткуда. Безучастно глухи соседи к чужому горю...

Но просчитался хитрый советчик: не униженным, не сгорбленным вернулся из похода киевский князь Святослав, а с большой победой. Не военная добыча объединённого русского войска смущала - смущала молва: северский князь, не раз выступавший за борьбу с половцами, уклонился от похода. Трусость или предательство? Третьего не дано. Так думали в Киеве, так думал оплошавший боярин Михаил, так думал и взбешённый князь Игорь, который, скрестив руки на груди, слушал донесения гонцов. Вот тогда-то и созрело отчаянное решение о собственном походе на отведавших уже русского меча поганых. И тут уж не только боярин Олекша, говоривший подчас без прикрас тяжёлую, как камень, правду, но и боярин Михаил не мог отговорить Игоря Святославича от безумного шага. Какие цели преследовал князь? Добиться славы, уважения? Доказать Киеву, другим, себе?.. На этот вопрос не ответил бы и он сам. Год словно пленник в собственном княжестве. А вокруг молва, жестокая, как удар кнута.

Мирская молва что морская волна. Не задушишь, не подкупишь, не спрячешься. Боярину Олекше тоже было чего опасаться. Его сын Никита с большей охотой брал в руки гусли, нежели меч. Тихо перебирая струны, он задумчиво смотрел в какую-то неясную, только ему ведомую даль. Радостно встречал Никита песельников, коих на его дворе всегда находилось в избытке. А они шли и шли к нему отовсюду, неизменно получая тепло и ласку, пищу и кров... Променять бранное поле на занятие, недостойное высокого рода! Боярский сын - скоморох. Срам! Чело сурового отца смело бороздили морщины, сталкиваясь в яростной схватке. Густые посеребрённые брови задумчиво хмурились, а серые, привыкшие повелевать глаза будто искали что-то вокруг себя, но не находили.

С четырёх лет Никиту стали обучать ратному делу. Вороной конь Славко был отдан в его полное распоряжение. Не один раз мальчик оказывался на земле, прежде чем гордое животное признало в нём хозяина. Меч и копьё, лук и стрелы, нож и булава не таили для боярского сына никаких секретов. Всё познал, всё постиг. Гордый отец видел в будущем Никиту не иначе, как главным советчиком князя. А для этого нужно не только бряцать оружием, но и обладать гибким, изворотливым умом, способным найти верное решение даже в самый трудный час. Чтение фолиантов внушительных размеров, «взрослые» беседы боярина с сыном, наставничество умного священника Иллариона, казалось, приближали к заветной цели. Не беда, что мальчика больше прельщали духовные, чем ратные подвиги. Жития святых, основание городов, культура Руси...

Всё перевернулось с ног на голову в один из апрельских дней. Сырой, пронзительный, совсем не весенний ветер пригнал к хоромам боярина Олекши троих гусляров. Старший – глубокий старик с густой белой бородой, с изборождённым морщинами лицом – на милостивое повеление остаться при челяди едва заметно усмехнулся. Когда любопытный толстощёкий поварёнок Митька спросил «дедушку», откуда у него столько морщин, тот, задумчиво погладив бороду, не торопясь ответил: «Ходил много, видел много. Велика Русь, много в ней разного. Вот по правой щеке моей течёт могучий когда-то Днепр, а по левой – набирающая силу Волга. А на лбу леса, да поля, да овраги... Много всякого...» Второй – здоровенный чернявый мужик Фёдор. Его скорее можно было принять за сбежавшего с господской нивы смерда, который ищет только случая примкнуть к какой-нибудь разгульной ватаге. Третий - безусый юнец с васильковыми глазами и русыми кудрями – робко улыбался и поглядывал всё время на Фёдора, словно отыскивая в его значительной степенности уверенность и для себя.

Именно его, самого младшего из гусляров, и увидел боярский сын, когда подъехал на коне к заднему двору, где размещалась челядь. Незнакомец стоял рядом с Машенькой, дочерью кузнеца Давыда. Про того говорили: русская кровь с половецкой сошлась да и растворилась в ней. Непривычно смугл для русича был кузнец, суховат, жилист, широк в плечах, силён и

ловок. Глаза сверкали странными огоньками, то весёлыми, бесшабашными, то угрюмыми и настороженными. Под стать ему была и дочь, гибкая, тонкая, как тростиночка, с чёрными вьющимися волосами и такими же чёрными, с затаёнными искорками глазами. «Петь и плясать мастерица», – говорили про неё. Тайком от отца тринадцатилетний Никита постоянно искал с ней встреч. Машеньке льстило подобное внимание, но не больше того. Он был одним из многих. Она же, как яркая звёздочка, светила для всех одинаково.

Первое, что почувствовал боярский сын, – гнев. Гнев уязвлённого юношеского самолюбия. Какой-то оборванец запросто держит её за руки! О чём-то говорит с ней, и она смеётся! Нет, не тем дурашливым смехом, какой он привык слышать. Другим, радостным, полным настоящего беззаботного веселья.

Незнакомец был на несколько лет старше Никиты, и всё же тот без раздумья проучил бы незваного гостя в бою на мечах, если бы не одно но... Биться на мечах с холопом? Из-за кого? Не из-за прекрасной царевны, не из-за милой княжны, не из-за нежной боярской дочери – из-за Машеньки, дочери кузнеца. Но что делать, если она, именно она стала воплощением красоты?.. Еле сдерживая себя, Никита передал Славка конюшему Пахому, а затем подошёл к Машеньке и незнакомцу. Оба вспыхнули, заметив боярского сына, и разъединили руки.

- Кто ты такой? сурово спросил Никита незнакомца.
- Архип, божий человек, робко ответил юноша.
- Ты знаешь, как он играет? вмешалась Машенька.
- Тебя никто не спрашивал, отрезал Никита и, повернувшись к гусляру, уточнил: Это правда?

Тот ничего не успел ответить, потому что Машенька взяла их за руки и беззаботно сказала:

– Пойдём. Сам увидишь.

Небольшая горница дышала приветливой тишиной. Чернобородый Фёдор починял гусли. Когда юноши с Машенькой вошли, он только бросил едва заметный взгляд на них и продолжал своё занятие. Старик, прикрыв

ладонями лицо, сидел на деревянном сундуке. Он, казалось, и не слышал, что кто-то вошёл.

Машенька всеми силами пыталась затушить готовую разгореться ссору между Никитой и Архипом.

Боярский сын, раздражённый ранее увиденным, хотел совершенно уничтожить безропотного Архипа. Нужно было во что бы то ни стало показать ей, чего стоит жалкий гусляришка!

- Да все вы тут из милости! упивался молчанием соперника Никита.
 - Не надо, шептала испуганная Машенька.
- По чьей земле ходите? гневно вопрошал Никита.

Архип молчал, виновато переминаясь с ноги на ногу. Фёдор, отложив гусли в сторону, недобро глядел на расходившегося юношу. Старик опустил руки вниз, посмотрел пристально в сторону боярского сына и негромко спросил:

- А чья земля?
- Князя, хмуро отрезал Никита.
- Какого князя? Много их нынче, всех не упомнишь.
 - Игоря Святославича.
 - А какого он роду-племени?
- Русского, сказал, недоумённо посмотрев на старика, Никита.
- А киевский князь, а черниговский, а владимирский какого роду-племени?
- Русского, осёкся Никита. Теперь он не наступал, а оборонялся, да так слабо, будто и сил у него никаких не осталось.
- Да, задумчиво сказал старик, русская земля богата, но нет в ней порядка. Каждый норовит её в свой ларь запрятать. Он постучал по сундуку, на котором сидел.
- Нам всё едино, кто князь, отозвался из своего угла Фёдор, мы по русской земле ходим, потому как русские люди мы.

Русокудрый Архип кротко глядел на Никиту. Машенька правую руку положила на плечо юному гусляру, а левой схватила руку боярского сына и обратилась к Фёдору:

Фёдор, сыграй нам.

Чернобородый гусляр не испытывал большой охоты играть, но старик кивнул ему, и тот потянулся за гуслями. Дальше всё было как в тумане, в котором слышались разные голоса под важный, задумчивый перебор струн. Старик пел сухо, строго, но выразительно. Фёдор разливал по всей горнице небрежно затаённый задор, удаль молодецкую, посвист богатырский. Архип поразил кротостью и смирением, его голос скользил легко, плавно, но в то же время тихо, так что нужно было вслушиваться, чтобы понять, о чём он поёт.

С того дня всё перевернулось в боярском доме с ног на голову. Никита слушал гусляров, стал перенимать их игру. Старик головою только покачивал, видя, как быстро тот учится. Особенно привлекла юношу былина о Сухмане, Одихмантьеве сыне. Богатырь, отстоявший Русь с врагом внешним, пал жертвой дворцовых интриг. Выпущенный на волю по милости князя Владимира, он срывает с себя повязки на ранах и приговаривает: «Ты теки, Сухман-река, широко, далеко, вволюшку. Не ценил тебя князь, не берёг тебя князь стольнокиевский». Сухман почему-то представлялся Никите в образе отца Машеньки, Давыда. И так тоскливо становилось на сердце, что дочь кузнеца останется круглой сиротой. Слёзы закипали в горле, но юноша держался, не показывал другим свою слабость.

Меньше месяца прожили гусляры на боярском подворье. Но что это были за дни! Солнце ли, дождь ли купались в чёрных волосах Машеньки, дразнящей розовым язычком саму красавицу весну, в воздухе словно застыл гуслярный перезвон. Земля ходила под ногами от невиданного волнения, а в голове отзывался чуть слышный проникновенный голос Архипа:

Уж и есть где мне разгулятися, Добру молодцу, славну витязю: По Руси святой скачут вороги, Тучи чёрные ходят по небу.

Казалось, из далёкого, всеми забытого подземелья на какие-то мгновения вышла правда. Русь, истекающая кровью, подобно Сухману-богатырю, предстала перед глазами Никиты. Слово «моё» тонуло в едином кличе: «Наше!» И народ распрямился, разогнулся, встал в полный рост, каким его давно уже не

видели. И хотелось стать частью большого, отбросить мелкое и корыстное, хотелось петь о Руси и для Руси. Но образы были слишком неопределёнными, чтобы их увидеть точно, ярко, осязаемо. Должно пройти время. Только оно даст ответы на многие вопросы. Об этом и сказал на прощанье старый гусляр боярскому сыну. Многие слова утонули в суете полетевших, как птицы, лет, но самое главное, невыразимое пока, затаилось на дне души, готовое в нужный миг вырваться сильным весенним дождём, после которого ласково пригревает солнышко.

2.

Когда приходит вдохновение? Тогда ли, когда метель шалая распоясалась за окном, свистит на разные голоса, бьёт в лицо колючим снегом, оплакивая самую страшную на свете потерю? Убелённые сединами старцы говорят, что в эту пору хищные до поживы ворожеи варят в адском котле человечьи головы. Глубокой ли осенью, когда вместо привычных морозов клокочет под ногами жирная грязь, разнося повсюду запах протухшей гнили, от которого душу выворачивает наизнанку? В эти мгновения щемящая изнутри тоска и отчаянное презрение правят миром. С апрельской ли капелью, звонко выбивающей в пыли чью-нибудь радость?..

Нет, вдохновение – вольная птица: захотела и села вам на плечо и льёт в уши небывалые звуки, а захотела – улетела в тридевятое царство к жадному, завистливому старику-чародею, спрятавшему собственную смерть на конце иглы. И сидит она в золочёной клетке с серебряными колокольчиками, клюёт жемчужные зёрнышки и, как ни старайтесь, не вернётся уж обратно: дверца закрыта, а ключ под огромным камнем на дне морском. Так-то оно.

Не открылись небесные звуки Никите чёрным днём. Мрачная пелена накрыла трижды светлое солнце, тень пала на немногочисленное Игорево войско. Услышав суеверный ропот, князь молвил: «Либо с победой вернёмся, либо сложим головы за землю Русскую». Призыв был услышан. За Игорем Святославичем последова-

ли все. Боярский сын глядел на начинающего полнеть, но всё такого же изумительно ловкого в седле князя и поражался его безрассудной храбрости. Такие, как Игорь Святославич, умели чем-то незримым привлекать к себе людей даже тогда, когда совершали поступки, последствия которых были ужасными.

А степь жила своей обыденной жизнью. Только отчего-то от каждого крика вороньего и далёкого волчьего воя сжималось сердце не у одного боярского сына. Русская земля давным-давно скрылась за многочисленными холмами. Степные балки, словно кривыми половецкими мечами, разрубили скорбный путь русичей.

Не открылись небесные звуки Никите после лёгкой победы над погаными. Успех вскружил головы даже седым воеводам, служившим ещё отцу князя Игоря, Святославу. Один лишь тысяцкий Иона советовал вернуться обратно. Но то был глас вопиющего в пустыне. Отважный Всеволод бросил на скаку старому воину неприятные, как удар хлыста, слова: «Видать, отвоевался Иона: тени собственной боится». Горячий Владимир, сын Игоря, поддержал дядю: «Пора ему на покой». Дружный хохот воинов, сгорбленная спина Ионы и резкие складки на его высоком светлом челе резкими вспышками промелькнули перед глазами боярского сына. Сколько горечи было в глазах осмеянного тысяцкого! На миг они выразили всё то, что творилось долгие-долгие годы на Руси. Крамола, как подкова, ковалась здесь и там, из конца в конец когда-то мощного государства. Громкие слова Игоря о защите земли Русской были не более чем широкий жест. Где она, эта земля? Четыре маломощных князька ведут свои дружины добыть паволоки и оксамиты, ортмы и япончицы. Насыщение уязвлённой гордости, попытка умилостивить воинов, не участвовавших в удачном общерусском походе годичной давности. Такие опасные мысли мелькали в голове боярского сына. Их высказывал ещё его отец, но Никита не прислушивался к ним. Теперь же эти мысли появились внезапно, сами собой, помимо его воли.

Не открылись небесные звуки Никите и тогда, когда чёрные тучи полков половецких

встали против храбрых русичей. Каким же маленьким казался полк Игорев в огромной степи, стороне незнакомой, стороне неприветливой! Померкли четыре солнца русского воинства, не пробиться их свету сквозь толщу ужасающей тьмы. Напрасно яр-тур Всеволод кидался из стороны в сторону, как яростный бог: его меч не знал отдыха, на место поверженного врага вставали два новых. Где теперь стольный Чернигов-град? Где весёлый колокольный звон церквей? Где ты, ласковая Глебовна? Думаешь ли о своём суженом?.. Боярский сын видел, как юный Владимир, стараясь ни в чём не уступать дяде, врубался в самую гущу врагов. Молодой отважный сокол!..

Князь Игорь сражался отчаянно храбро. Он понял, какую ошибку совершил, но каяться было не время и не место. Две суровые морщины изрезали чело, кудри растрепались на ветру, а шлем уж давным-давно слетел с головы русского витязя.

Никита держался неподалёку от князя, стараясь отвести от него любую опасность. «Береги жизнь своего господина пуще глаз, – учил перед походом старый Олекша сына. – Великий позор для воина увидеть собственного князя убитым врагами». Бедный отец!.. Он не мог и представить себе куда большего позора, чем смерть полководца. Золотое седло превратилось в невольничье. Раздавленный, униженный князь Игорь едва сдерживал себя. Что уж говорить о юном Владимире, в глазах которого блестели так и не выкатившиеся слёзы!.. Буйтур Всеволод, поверженный герой! Как странно было видеть его без меча, связанного по рукам и ногам!..

Страшная чёрная тень накрыла, словно плащом, всё русское войско. Никита смотрел на смеющегося хана Кончака и неожиданно подумал: «Вот она, чёрная тень, погубившая многих и оставившая избранных для дикого торжества кочевников». Тонкие чёрные усы мышиными хвостиками спускались к подбородку, заросшему редкой щетиной. Брови поминутно изламывались, а глаза излучали полное превосходство над поверженным врагом.

Потянулись томительные дни плена. Никите грех было жаловаться на плохое обращение.

По просьбе Игоря Святославича Кончак разрешил боярскому сыну находиться возле князя. Хан, к удивлению многих, благосклонно отнёсся к высокородному пленнику. Игорю позволили иметь при себе слуг, священника. Он даже мог заниматься ястребиной охотой. Но все эти вольности находились под полным контролем Кончака, который знал каждый шаг князя.

Где ты есть, Русская земля? Бездонная степь поглотила твоих неразумных сыновей. Клянут они судьбу, неверную и жестокую, но что толку. Кругом ковыль, от которого рябит в глазах, тёмные фигурки сухощавых наездников, похожих друг на друга, и стада, стада, стада...

Боярский сын быстро понял, чего добивается Кончак. Русские князья были разъединены со дня пленения. Игорю предоставлена относительная свобода; Всеволод, непокорный и резкий, находится под усиленной охраной, а Владимир слишком часто бывает у хана. Вскоре поползли, как весенняя трава, осторожные слухи: Кончак опутал молодого князя девичьим станом. Айла, одна из дочерей половецкого хана, заставила забыть сына Игоря о горечи поражения. «Породниться хотят, княже», - сообщил Никита Игорю тревожную новость. Тот лишь передёрнул плечами от бессилия, руки его повисли плетьми. Созданные для битвы, они не годились для плена. «Через нас хотят на Руси прочно осесть, - задумчиво молвил князь и покачал головой, в которой мелькнули седые пряди, – мало им грабежей да пожаров».

Именно в эти дни, дни унижения и скорби, открылись для Никиты небесные звуки. Они ворвались к нему звёздной ночью, сначала тихие, неясные, затем сильные, мощные. И в центре – не князь Игорь, не его малочисленное войско, не сам поход, а вся Русская земля, весь народ русский, разделённый княжескими усобицами. Пришло время потягаться с тобой, Боян – певец минувших веков. И гусли нашлись, и звуки пришли, и слова отыскались. Боярский сын не считал свой замысел завершённым. Концовка мыслилась жизнеутверждающей. Но где занять радости, когда горе горькое обступает кругом?.. А пока струны звучали недаром: вокруг Никиты собирались слушатели. Их было немного: священник Илларион, большеголо-

вые братья Мирон и Васята и половец Овлур. На последнего боярский сын смотрел с явным предубеждением: поганый он и есть поганый, чего от него хорошего ждать. Но Илларион думал иначе. Священник имел куда большую свободу, нежели остальные русичи. Он вёл продолжительные беседы не только со своими, но и с половцами. Овлур не отходил от него ни на шаг. Однажды, оставшись с глазу на глаз с Никитой, Овлур показал крест. «Вот, – сказал он на ломаном русском, - я тоже крещёный. Ты можешь мне доверять». Ответом ему стало негромкое пение под гуслярный перебор. Овлур так и застыл с крестом в протянутой руке. Странные мысли мелькнули в голове Никиты. Когда меч слаб, вера придёт на помощь. Если в каждую руку кочевника вложить крест... Но не этим ли занят Илларион?.. Боярский сын, не прекращая пения, пригляделся к половцу: невысок, сухощав, широкоплеч, тёмен лицом такой же, как и его соплеменники. А священник увидел в нём человека, готового взять крест в руки и нести его с собой. Священник мыслил не часом - он мыслил веками.

Илларион высоко оценил песню-сказание, его не смутило наличие языческих образов:

– Это наше прошлое, негоже его забывать.– И тут же предупредил: – Князь ни за что не должен услышать.

Видя недоумение и смятение на лице боярского сына, он кротко улыбнулся:

- Ты и сам не понял, что создал, сын мой. Ты не славу поёшь Игорю-князю, нет. Хула, осуждение слышится за славой. Ворота Руси открыты настежь, ханы бесчинствуют на нашей земле... Князь ни за что не должен услышать...
 - Но Овлур? смутился Никита.
- Не выдаст, ответствовал священник. А даст Бог и...

Что «и», открылось позже. Овлур перестал к тому времени восприниматься Никитой в качестве врага. Половец страстно хотел научиться игре на гуслях, но получалось у него плохо. Илларион утешал: «Не каждому дан дар небесный. Но тебе даны зрение и слух – увидь и услышь, и исполнится Божья воля».

Божья воля тем временем исполнялась в земле Русской. Застонали Ромен и Путивль под натиском многочисленных орд кочевников. Сотни пленников оказались на невольничьих рынках Причерноморья. Русич, булгарин, грек здесь не считались за людей. Короткое лающее слово «раб» заменило имя, род и племя. И глаза невольно опускались вниз, спина предательски сжималась, каждый миг ожидая удара, ноги наливались непомерной тяжестью.

Князь Игорь приуныл: мнимая свобода отравляла для него всё вокруг. Кто он? Русский князь или раб, наделённый по воле капризного хозяина некоторыми вольностями?.. Но нрав господина переменчив (это Игорь знал по себе), в любое мгновение на ногах могли появиться колодки, а на руках – цепи. А что говорят о нём там, дома? Дома... У него нет теперь дома. Его клянут по всей Руси за самонадеянность, за беду, которая пришла по его милости из дышащей раскалённой грудью степи. Никита предлагал побег: нашёлся якобы половец, готовый помочь. Но что Игорь скажет там, дома? Что скажут ему вытоптанные поля, сожжённые сёла, неубранные трупы, проплакавшие глаза люди? Как бросить в плену сына, брата Всеволода и других? Что будет с ними?.. Эти вопросы, как волны, стучали в ушах, не давая ни спать, ни есть. Игорь потемнел лицом, глаза провалились, резче обозначились скулы. Степное солнце сделало князя похожим на половца: жидкая борода висела клочками, как у хана Кончака. Только чудо могло спасти Игоря, только чудо. И такое чудо явилось.

В тёмную беззвёздную ночь, когда над Русью трепетали беззвучные змеящиеся молнии, в шатёр князя бесшумно скользнула тень. Игорь не спал. «Вот и всё», – тоскливо подумалось ему. И всё же руки помимо воли схватили меч. Жажда жизни жила в отчаявшейся душе пленника.

- Тише, князь, это я, сказала тень. Игорь опустил меч Никита сел возле него.
 - Пора, князь, пора!
- Куда? слабо отозвался тот, чувствуя, как по спине пробирается озноб.
 - К себе.
 - К себе?
- Не время, княже, гадать: утром будет поздно. Овлур...

– Овлур? – перебил Игорь и тут же вспомнил странного половца, который ещё месяц назад обещал помочь.

Никита тихонько свистнул. Ещё одна тень проскользнула в шатёр и опустилась на колени перед князем, склонив голову до пола. Боярский сын метнул быстрый взгляд на князя. Тот посмотрел на Никиту, потом на согнутую спину вошедшего и сказал:

– Говори.

Одно это слово означало очень много, намного больше, чем всё сказанное за несколько месяцев плена. Твёрдые, уверенные нотки появились в голосе. Привыкший повелевать никогда до конца не забудет сладость приказного тона, который неотделим от него, как неотделима от человека его собственная тень.

Медленно приподнявшись, Овлур залопотал, мешая половецкие и русские слова. Вначале Игорь ровным счётом ничего не понял: в ушах стоял страшный шум, в голове звучал огромный колокол. Но длилось это недолго. Всё стихло, слышалась только сбивчивая речь Овлура:

- Кумыс пьют, много пьют, все пьют. Хвастают, что русских много побили, в плен взяли. Грозятся тебя, князь, убить, потому как завидуют тебе: пленник, а много воли взял. У половцев нет такой воли. Говорят, Кончак хочет тебя сделать младшим ханом, а они не хотят подчиняться русскому.
 - Решайся, княже, сказал Никита.
 - A сын, брат?
- Им ничего не грозит. Князь Владимир не сегодня завтра ханский зять, за себя постоит, да и Всеволода Святославича в обиду не даст.

Князь колебался. Никита шепнул Овлуру седлать коней, и тот исчез. Потекли томительные минуты бездействия, которые могли погубить всё. Князь ходил взад-вперёд, погружённый в одному ему ведомую думу. Он не сразу заметил большеголовых братьев Мирона и Васяту.

- Половцы скоро будут у твоего шатра, князь, – глухо молвил Мирон.
 - Кони осёдланы, пробасил Васята.
- Будет поздно, княже, зашептал в самое ухо Никита.

Из темноты возник Овлур, отчаянно размахивавший руками. Васята бросился к нему, за ним – Мирон. Боярский сын сделал несколько шагов вперёд и с радостью увидел, что Игорь быстро идёт за ним.

3.

Прощаясь с родиной, человек берёт с собой горсть земли, чтобы она в чужой стороне придавала ему сил, спасала от беды и тёплым своим дыханием напоминала: не без роду, без племени, а от великого древнего корня произошёл. Когда за спиной сто тысяч «я», вставших в полный рост, неистовая буря кажется слабым ветерком, который бережно ласкает серёжки клёна и прислушивается к негромкой песни влюблённой девушки.

Никита не прощался с родиной. Поход Игоря в степь не был чем-то необычным. Ходили и раньше, удачно и неудачно. Но о полном разгроме русского войска никто и не слыхивал. Смущала, правда, малочисленность дружин Игоря Святославича, но не более того. А на дворе стояла весна в самом разгаре: буйно цвели белыми шапками вишни, сливы, яблони; неутомимые пчёлы без устали сновали тут и там, кузнецы гулко стучали огромными молотами по наковальням; смерды, перекрестившись да подпоясавшись, выходили в поле, где вместе с вечной труженицей сивкой пропадали от зари и до зари. Воздух, перемешавший в себе запахи цветения, гари и пота, словно хмелем, бил в голову. Подкатывавшая временами весенняя слабость быстро проходила от какой-то необузданной радости, беспричинной и светлой.

«Вернёмся – встретят нас яблоками», – улыбаясь, говорил перед походом безусый дружинник Тихон. Не вернулся, как и многие другие, лёг на поле неравной бессмысленной битвы. Нет, не яблоками встретила Русь Никиту – страшным разорением. Сожжённые деревни, неубранные трупы, раздавленные половецким конём иконы... Одичавшие собаки стаями бродили по пепелищу в поисках пропитания. Смрад и копоть застыли в глазах боярского сына. Пронзительно скорбно зазвучали

струны его гуслей, рождая знаменитый плач Ярославны. Сама Русь заговорила в нём о своих детях, неразумных и кичливых, неприкаянных и бесшабашных, но беззаветно любимых. Голос всепрощения и примирения, голос единения плакал о погибших! Плакал он и о князе Игоре, радовался его возвращению на родину.

Скачка жизни и смерти завершилась. Васята с Мироном сложили головы, Никита отдал коня князю, который с Овлуром наверняка уже в Новгород-Северском. Илларион остался в степи, чтобы дальше вершить предначертанное ему свыше. Сотни русичей нуждаются в слове Божьем там, где неволя терзает мятущуюся душу. И, может быть, кто-то из половцев возьмёт в руки крест, подобно Овлуру, не побоится тяжести нового пути. А Никите спешить было некуда: перед ним простиралась его любимая Русь. Много ещё нужно увидеть и запомнить, а потом донести людям, всем русским людям без разделения на княжества и положение в обществе. Песня-сказание была завершена. Её звуки понесли не только гусли Никиты, но и других певцов. В одном монастыре составили даже запись творения боярского сына с пометками, как исполнять. Дошла песня-сказание и до ушей Игоря Святославича. Страшный гнев обрушился на исполнявших крамольную, по мнению князя, былину. Гуслярам надели цепи на руки и ноги и бросили в поруб. Имя певца оставалось неизвестным для Игоря. Овлур промолчал о том, что знал. Половец занял высокое положение при князе, женился на русской девушке из боярского рода, и пошла степная кровь бродить из поколения в поколение, встречаясь иногда с родственной кровью (на юге Руси оседали и половцы, и торки, и ковуи).

А вот встреча с Игорем Святославичем не сулила ничего хорошего для Никиты. Один взгляд, один жест, одно слово – и князь поймёт, кто перед ним. Нет, он не простит, не сможет простить позора, который яростно сжигал в себе и который разлился по всем городам и весям не ехидным шепотком, а звонкой песней, заставляющей даже седых воевод плакать. Впереди Никиту ждала важная встреча, которая заставила повернуть домой, но не для того, чтобы встретиться с князем.

На опушке леса, где боярский сын решил передохнуть от долгого пути, стояла удивительная тишина. Только неподалёку дятел звонко стучал молоточком, по временам прислушиваясь к собственной работе. Солнце клонилось к западу, играя с разноцветными листьями. Осень давно стала полноправной хозяйкой этих мест, от нарядных одежд рябило в глазах. Но вскоре праздник должен был закончиться, и ржавые обноски полетят на землю, которая равнодушно примет их, как принимают хорошо знакомого и уже неинтересного гостя. В воздухе несколько раз мелькнула паутина, предвещавшая тёплые дни.

Никите почему-то вспомнилось детство, когда он, устав от упражнений с мечом и копьём, шёл к отцу Иллариону. Тот быстрым взглядом серых умных глаз сразу же определял настроение мальчика. После небольшого молчания рассказывал о ратных подвигах Искандера Двурогого, Олега, Святослава, Владимира Мономаха. А затем как-то незаметно переходил к строительству городов и церквей, к письменности. И странное дело: юный сын боярский слушал с не меньшим интересом, задавал много вопросов и почему-то иногда вздыхал. Что таилось в этом вздохе? Мальчик и сам не знал. А потом появилась Машенька, гусляры и... Мысли о дочери кузнеца заставили Никиту вздрогнуть и выйти из полудрёмы. Она предпочла ему Архипа, с которым ушла из дома на пороге семнадцатой весны. Высокая, гибкая, гордая, она и сейчас ясно представилась боярскому сыну, хотя минуло уже с тех пор шесть лет. Именно тогда пришло ясное понимание, что богатство, власть, умение храбро сражаться на мечах не самое главное. Архип не имел даже жалкой лачуги. Его дом – вольный ветер, гуляющий по бескрайним просторам. Он никогда не держал в руках меча, и Никита, конечно же, победил бы его, если бы проводилось состязание между ними. Но состязание было не на мечах, не на копьях – его вроде бы и не было, но в то же время боярский сын понимал, что проиграл.

Невесёлые воспоминания настолько захватили Никиту, что он и не заметил, как его окружила небольшая ватага пёстро одетых людей.

Среди них выделялся здоровенный чернявый мужик лет пятидесяти в простой домотканой рубахе. Несмотря на то что одет он был скромнее остальных, не составило большого труда определить: его слово среди них решающее.

«От половцев не погиб – погибну в лесах родных от рук татей-разбойничков», – подумал Никита. Но страха не испытал, наоборот, внутри поднималось какое-то непонятное чувство любви к лесу, к постукивающей музыке дятла, к уставшему за день солнцу, к нахлынувшим воспоминаниям.

- Что это за птичка нам попалась? прервал мысли боярского сына невысокий щуплый цыган с серебряной серьгой в левом ухе и полез в дорожную суму Никиты. Кривой седенький старичок с любопытством смотрел на суму, ожидая, вероятно, поживы. К его великому разочарованию, поживиться было нечем: горбушка хлеба, головка лука и кусочек козьего сыра.
- Бери себе, Ипат, протянул цыган суму старичку, уступаю.
- Какой щедрый! ухмыльнулся Ипат. Сам бери, Тютя.

Голос его мелко дрожал и на слове «щедрый» откровенно проблеял.

- Не хотите брать я возьму, вмешался третий, рыжий конопатый увалень в красных сапогах, и протянул руку к суме.
- Ручонку убери, пропел ему в самое ухо тонкий кудрявый жидовин, не ровён час проткну ножом.
- А с чего это вы взяли, хорошие мои, что он, заговорил внезапно здоровенный чернявый мужик, указывая на Никиту, вам отдаст суму? Верно я говорю, Прошка? обратился он к ещё одному участнику их разношёрстного товарищества. Прошка, юноша лет семнадцати, русокудрый, синеглазый, только кивнул головой и неловко улыбнулся.
- Да что он скажет, немтырь! съязвил жидовин. А этот, указал на Никиту, пусть только слово скажет.

Чернявый мужик внимательно посмотрел на боярского сына, тот, скрестив руки на груди, бесстрашно глядел на него.

– Ух ты! – вскрикнул цыган, заметив гусли под поваленным деревом. Но не успел их

взять, как полетел в сторону от сильного толчка. Жидовин, вынув из-за пояса нож, бросился к Никите, но чья-то сильная рука схватила его за шиворот, тряхнула два раза (нож выпал из рук) и бросила на землю.

– Кто тронет его, – громогласно провозгласил чернявый богатырь, указывая на Никиту, – пожалеет, что на свет народился.

Разом всё смолкло. Цыган угрюмо потирал ушибленный бок, а жидовин – спину.

- Ну, здравствуй, Никита Олексич! Признал аль нет? обратился к боярскому сыну богатырь.
 - Давненько не виделись, Фёдор.
 - Почитай тринадцать лет, подтвердил тот.
 - Где же дедушка?
- Эва вспомнил! Нет уж его, много воды утекло с тех пор.

Да, много, много воды утекло с тех пор. Не было больше тринадцатилетнего мальчика – перед Фёдором стоял русоволосый мужчина, высокий, широкоплечий, сильный. Во взгляде его чувствовалась тихая, ясная уверенность. Юношеские тщеславие и заносчивость перебродили молодым вином в голове, от них не осталось и следа. Да и сам Фёдор изменился, и не только внешне - изменилась вся его жизнь. После встречи с Никитой три года бродил он со старым гусляром и Архипом по городам и весям Руси. А потом пришло время выбирать новую дорогу: «дедушка» тяжело заболел. Перед смертью он сказал Фёдору и Архипу: «Похороните меня у старого дуба, у того самого, что корявыми пальцами тянется к молодой берёзке. Человек живёт и живёт себе и не думает умирать, а смерть терпелива, ждёт и посмеивается. Вот и меня дождалась. Да и то сказать, что это была бы за жизнь, кабы мы постоянно думали о смерти! Живи, пока живётся... Пути ваши расходятся, но помните друг о друге».

Затем он попросил Фёдора оставить его наедине с Архипом. Говорили они недолго. Когда Фёдор подошёл, старик уже умер. В глазах Архипа стоял туман. Закусив губу, юноша сидел возле покойника и беззвучно шевелил губами. Фёдор выдернул несколько волосков из ноздрей, несколько раз громогласно чихнул, крепко выругался и отвернулся.

Никита будто бы перед собой видел эту картину и тщетно пытался угадать, что говорил Архип.

Фёдор достаточно быстро собрал вокруг себя ватагу отчаянных людей, и вот уже который год про него гремела слава неуловимого разбойника. Слухи приписывали ему три головы, умение обращаться в любого зверя и птицу, неуязвимость от стрелы, меча и копья. О прошлой жизни напоминали лишь гусли, висевшие на стене воровского домика, который, словно по волшебству, вырос в одной из чащ леса. Но теперь они молчали: никто к ним не прикасался, даже их хозяин. Сердце его огрубело, непослушные пальцы, уверенно державшие нож и топор, вряд ли бы сумели извлечь чудесные звуки. Голос оставался таким же громким, но потерял лихую песенность. Он походил на огромный булыжник, брошенный в колодец: быстро падает, издаёт сильный, но глухой всплеск.

Ещё одним напоминанием о прошлой жизни была могила старого гусляра. К ней Фёдор пришёл с Никитой через несколько дней после их встречи. Полуденное солнце жарко светило в макушку старого дуба, покрытого множеством трещин-морщин. Неподалёку расположилась хрупкая берёзка. Она закрывалась тоненькими веточками с пожелтевшими листочками от дуба, чтобы не видеть его страшные шрамы. Напрасно он тянул к ней корявые пальцы, приглашая посмотреть, как в зеркало, на грядущую старость. Кто из нас хотя бы раз не смеялся вслед ковыляющей по улице с клюкой горбатой старушке!..

Дуб напомнил Никите о старом гусляре, открывшем для него новый мир чудных звуков и слов. Чем больше боярский сын глядел на огромное дерево, тем больше ему казалось, что вот сейчас оно исчезнет и появится глубокий старик с умными, уже давно выцветшими глазами. Он так же, как дуб-великан, тянет к нему руки и хочет что-то сказать. Что-то очень важное... Только ему, больше никому. На Никиту вдруг повеяло чем-то родным и до боли знакомым. «Отец... Где ты есть? Что с тобой?»

Старый суровый боярин Олекша, облечённый большой властью, могучий и несчастный

одновременно. После смерти жены (Никите едва исполнился год) он наглухо закрыл своё сердце для внешнего мира. Перед ним стояла одна цель: оставить после себя при князе надёжного человека, помощника и советчика. Увы, чаяниям старого боярина не суждено было сбыться. Единственный сын не стал ни воином, ни хитрым царедворцем. Он бродит по земле, поёт песни и совсем позабыл отчий дом.

4.

Стояла та осенняя ночь, которую принято называть выморочной. Ни неба, ни земли не было. Глухая тишина закрыла рот всему живому. И только безликая пустота, неслышно шаркая дряхлыми ногами, осматривала свои владения. Овраги и колодцы, в которых она пряталась при ослепительном солнечном свете, теперь казались ненужными. Сплошная пелена распласталась вокруг, стирая какие бы то ни было различия. И князя Игоря Святославича, и самого последнего его холопа уравняла тёмная осенняя ночь. И пышный дворец, и жалкая лачуга исчезли из глаз. Остались настороженное молчание и слабый в страстях и немощный в болезнях человек. И человек этот молился перед образом Спаса Нерукотворного. Одна свеча освещала небольшую горницу. Слабый её свет падал на лицо молившегося. Старик с пустым взглядом. Казалось, сам Спаситель удивлённо приподнял брови и говорил: «Знаешь ли, что ищешь?»

Человек не знал. Он читал молитву, как заклинание. Он не искал успокоения: покой был чужд его деятельной натуре. Он ждал чуда, надеялся на чудо. В самом ожидании виделось не христианское смирение, а языческое нетерпение человека, принесшего ужасную жертву злому, но могучему богу грома и молнии. Сивка-бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой!.. Но те века безвозвратно ушли, канули в небытие. Деревянные идолы сокрушены, нет их больше. Они вызывали священный ужас, когда в них верили. А без веры нет силы...

Человек понял это и перестал молиться. Тени от внезапно вздрогнувшей свечи пробе-

жали по лицу. Старик повернулся к двери, он не видел её, но чувствовал, что она открыта:

– Что, уже пришли? И такой я боярину Михаилу страшен?.. Что ж, в самый раз убить слепого старика, который потерял всё: власть, почёт, уважение, сына... Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

Высокая тень шагнула было вперёд, но передумала и отступила назад.

– Ах да, убийцы не говорят! Но всё же скажи мне перед смертью, как погиб мой сын. Кем он убит: диким половцем или своим по приказанию князя?

Высокая тень еле слышно вздохнула.

– Молчишь? Ну, так рази скорей, пока я не позвал слуг!.. Или... и они предали меня?

Что-то выскользнуло из рук тени и ударилось о пол. Старик явственно различил звук струн.

- Гусли? Так ты не...

Тень подобрала гусли и застыла в ожидании.

– Никита, ты жив? – сдавленно спросил старик. – Да, жив, жив, – бормотал он задумчиво, – но это уже не важно. Я лишился милости князя. Боярин Михаил, чёрный Овлур... они... Я слеп, я одинок... А ты... ты предал меня. Ты променял меч на гусли.

Тень сделала шаг вперёд, но старик, отступив назад, закричал:

– Уходи, ты больше мне не сын! Уходи! Уходи! Уходи!..

Эти слова стучали в висках Никиты, пока он бежал от бывшего своего дома, от навеки теперь чужого отца к лошадям, которых дал Фёдор с наставлением: «Конь о четырёх ногах и тот спотыкается. Бери двух: с двумя не пропадёшь».

Вот она, роща. Здесь он любил в юности бродить с какой-то безотчётной грустью, сладкой, приятной, греющей душу. Таинственное «завтра» казалось прекрасным. Оно будет таким, что... И вот оно наступило. А новое «завтра» не сулило золочёных пряников – тусклым, мрачным выглядело новое «завтра»... А кони... с ними, конечно, не пропадёшь. Но и от себя не уедешь, не ускачешь, не умчишься. Ветер услужливо принесёт на блюдечке вчерашнюю

разлуку, тоску и боль. Никита остановился в раздумье. Совсем рядом раздалось тихое ржание. «Рыжий заждался, – определил по голосу боярский сын. – А Серый молчит, не выдаёт себя».

Уж и есть где мне разгулятися, Добру молодцу, славну витязю: По Руси святой скачут вороги, Тучи чёрные ходят по небу, –

вдруг запел негромко возле коней красивый женский голос. «Песня Архипа!» – как молния, сверкнуло в голове Никиты. Но не это поразило его. Никита узнал голос, хотя не слышал его много лет. Он бы узнал его и глубоким стариком, и на том свете. Это была она, Машенька. Рыжий положил ей голову на плечо, а она гладила его, гладила и тихонько пела. Серый, поводя ушами, прислушивался к звукам ночи. Он первый почуял присутствие Никиты и проявил беспокойство. Машенька обернулась:

– Ты... – И замолчала, не находя больше слов.

А он смотрел на неё, изменившуюся, но столь же прекрасную, как тогда, в далёкой юности. Чёрные волосы её слились с непролазной ночью, да и сама она казалась воплощением дикой ночи, невероятно тихой и в тишине своей затаившей свирепую бурю невиданных страстей.

– Сбылось предсказание, – наконец сказала она.

Никита вопросительно посмотрел на неё.

- Перед смертью «дедушка» говорил с Архипом и сказал, что будет, – пояснила Машенька.
 - Где Архип? хрипло спросил Никита.

Машенька погладила Рыжего и посмотрела в сторону. Серый подошёл к Никите и посмотрел так, будто спрашивал: «Что дальше?» Но кто мог теперь ответить на этот вопрос? Быть может, ветер, который проснулся от тяжкого сна и бережно покачивал разноцветную листву на деревьях?

- Его больше нет, сказала Машенька и поспешно прибавила: – но есть его сын... Мирослав.
- Миро-слав, задумчиво повторил Ни-кита.
- Архип не был воином, но погиб, как воин. Умирая, он сказал: «Стрела половца настигла меня, но не настигнет сына».

Боярский сын опустил голову: половцы хлынули на Русь после Игорева похода, в котором участвовал и он. Сколько горя принесла безрассудная княжеская удаль!..

- Что ещё сказал Архип? с трудом спросил он.
 - Он сказал, что мы встретимся...

Ветер подул сильнее – роща запела, раскачиваясь в такт и бросая на землю обременявшую её листву. В воздухе запахло приближающейся грозой. Далеко-далеко, в половецкой степи, блистали редкие молнии. Тоненькие, заострённые, они спешили на Русь, чтобы показать здесь свою силу. Начавшийся листопад, словно боясь встречи с грозой, спешил спрятать накопленные сокровища. Неистовый ветер и ночь в чёрном плаще помогали ему. Охваченные непомерной жадностью, они и не заметили, как кони стрелою унесли в темноту мужчину, женщину и мальчика, сжимающего в руках гусли.

Виталий АПЕВАЛОВ

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

Родился в селе Рохманово Брянской области в 1953 году. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западную академию государственной службы и управления, Брянский сельхозинститут. Печатается с пятнадцати лет. Почти полвека отработал в прессе. Автор книг стихотворений и поэм «Светозар», «Посконные холсты», «Зажинки», «Тарас и Прасковья» (роман в стихах, за который стал лауреатом литературной национальной премии «Щит и меч Отечества»). Член Союза писателей и Союза журналистов России. Печатался в ведущих литературных журналах и газетах России, включая «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век», «Подъём», «Берега», «Нижний Новгород», «Дон новый», «Воин России», в журнале «Днепр» (Украина), «Новая Немига литературная» (Белоруссия), альманахе «Глаголъ» (Париж), в «Литературной России», «Дне литературы» и «Российском писателе». Подборки вошли в «Антологию русской поэзии. XXI век» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре.

CHOHCEMbe

СХИМА

Памяти Николая Мельникова

Его нашли держащимся за сердце На утренней автобусной скамейке. Приходят к людям, чтобы обогреться В последний час поэты, как калеки.

Святые люди со старинным духом, Не нужные ни власти, ни прохожим. Жизнь обухом их била и обухом. За то, что промыслом владели божьим.

Они всё те же древние калики, Бредущие неслышно за стадами И проявляющиеся, как лики, Потом уже, с посмертными годами. В жестоких приступах мужской печали, Всё чаще за душою без полушки, Они для женщин песни сочиняли, Позолотивших в жизни их опушки.

Народ другой уподоблялся рою, Был обуян работой и мошною, Что молнией шипела шаровою Над будущей его же тишиною.

Как ни крути, стихи не караваи, А тяжкий груз, к планете гнущий спину. Вот почему поэты умирают, Приняв на век поэзию, как схиму.

Никто при жизни не увидит рая; Туда и книги наши – не билеты. Живут кой-как и, ярко умирая, Становятся народными поэты.

СЮЖЕТЫ

Ещё не все глаголы-самоцветы Огранены мной в скобки и тире. К чему в ударе сочинять сюжеты, Когда они толкутся во дворе.

Я выхожу, просушиваю куртку И голубем к ноге слетевший текст. Желает снова муза не на шутку Отправить стихотворца под арест.

Приходится с собой таскать колодки, Похожие на ручку и блокнот. Как в зеркале, в лиричном околотке Слова читаются наоборот.

Соседям фокус сей неинтересен, Им плюнуть раз слух запустить и сглаз. Уж на меня в одном журнале плесень Пародии зелёной завелась.

Играть все первую желают скрипку, Смычком касаясь струн и пирога. Прыть вызывает лёгкую улыбку, Как брыль в очках, скупающий рога.

Я вслед ему чуть не воскликнул: «Бендер!» Да каждый третий ныне тут Остап, Россию пропустивший через блендер Своих мохнатых загребущих лап.

Ещё не все глаголы-самоцветы Сотворены из магмы и солей. Я выхожу, слетаются сюжеты Для книги голубиной и моей.

моя исповедь

Была весёлой тёща, пьяным тесть. Жена, с какой забудешь про гарем. Воспеть ту жизнь иль всё же не воспеть – Вот самая мужская из дилемм.

Светлее ум, темнее быт мирской От огородов и раскрытых крыш. Мечтавший я о жизни городской, В крестьянской бултыхался, как слепыш.

Да и в любви не очень-то был зряч, У русских женщин нет простых имён. Такие есть красавы, что хоть плачь, Стоять до гроба будут на своём.

Не думаю, что их смущает блажь Иль мучает ночами домовой. Любой, семейственный имея стаж, Желает шеей быть и головой.

А скажут, сразу не отыщешь слов, Опасные сорвутся с языка. Вы удивитесь, русская любовь Сильнее женщины и мужика.

Стихийная, как молния и гром, Под стать ошеломляющей красе. Бегут друг к другу оба напролом По временной нейтральной полосе.

Признаться, не был я к тому готов, Придя в весёлый деревенский дом. Как не хватало мне моих годов, Чтоб разбираться в грешном и святом.

вишни

Сегодня так уже никто не дышит; А я вот с детства, не боясь обуз, Грустил, что за плетнём, где уйма вишен, Не водится ни персик, ни арбуз.

В саду не приживаются узбеки И прочих стран пахучие плоды. На них глазеть бежал в библиотеки, Без коих я не мог, как без воды.

Не знал тогда, что персик стал бы горьким, Попав под сладкий для рябин мороз. В селе любили пуще самогонки Вишнёвую наливку или морс.

Родному часто принижаем цену, Забив им чердаки и погреба. Как совместить науку и измену Себе, уйдя на вольные хлеба?

Мечтал насытиться я райским персом, Что солнышком катился за бугор. Всю жизнь на плод запретный с интересом Глядим, не чуя родины укор.

Теперь вокруг, куда ни глянь, экзоты, Разрушившие русские сады. Лишь вишни до последнего, как дзоты, Хранят уклад крестьянский от беды.

БЕЛАЯ ИГЛА

Беловодье, Белогорье, Рыба с царского стола. Как святое богомолье, Русь старинная светла.

Тут снега и то льняные; Покрывалом юных дев. Кручи кроют меловые Под берёзовый припев. Я седой, и ты седая; Я хорош, ты хороша, Как Россия молодая, Оглашенная душа.

Белогорье, Беловодье, Белорыбица к столу. Одолжил Господь угодья, Будто белую иглу.

АНТИЧАСТИЦЫ

Проносятся эпохи колесницами Со стоптанными добрыми осями, Усеивая мир античастицами, Которые и породили сами.

Обычная гулящая материя, Как некая бездомная собака. Не процветает ни одна империя Без увяданья собственного знака.

Распад даёт энергию продления На жалкие державные минуты. До самого последнего падения В кипящие бездонные сосуды.

Подтачивают признаки вторичные Столично-государственные сферы. Любые императоры привычные К идеям, полным ладана и серы.

Все истины, как огурцы прокисшие, В сколоченной нам не по росту бочке. Скорей всего, жалеют силы высшие О данной человечеству отсрочке.

Уходят прочь Нероны и Тиберии С космическими красными глазами. Рождаются подземные империи Со тканными из лавы поясами.

Когда-нибудь уж с новыми денницами Их выбросят безумные вулканы. Засеют вновь они античастицами Соседние божественные страны.

OXOTA

Всё дальше молодость и лето, Всё ближе осень по летам. И грохот первого дуплета Охот утиных по утрам.

Когда в малиновые глотки И в малахитовый покров Вопьётся дробь, перегородки Взорвав меж скрученных миров.

Убийство дичи ненавижу, Поскольку с детства не стрелок. И уж давно заброшен в нишу Мой восхитительный манок.

Зато с успехом созерцаю С ловитвой видеоряды. В забавах тех вприглядку к чаю Большой не чувствую беды.

Чужие были и былички Роднее собственной вины. Всё чаще мирные привычки Зову на кислые блины.

Мне ближе всякая сердечность, Чем ружья, утки, камыши. Охота – древняя погрешность Нечеловеческой души.

СЕВЕРНЫЕ КОЛДУНЬИ

Старухи пармы под скороговорку Трещат лихие вести по-сорочьи. И помогают оборотню-волку Очередную жертву осурочить.

Колдуньи дня не проживут без сура Напитка, что подкашивает пимы. С утра потом, позыркивая хмуро, Глотают воду, как в тазу налимы.

Буреет туша лося от ловитвы, От соли с белой рыбой пухнет бочка. А за душою чёрной ни молитвы, Ни белого церковного платочка. Не зря народ тут злобен и остужен И часто напивается в дымину. Зато старухи шамкают на ужин Холодную, как сердце, строганину.

Тут я подумал с горечью намедни, Что если повод выдался малейший, Не стоит петь и повторять их бредни, Которые подбрасывает леший.

В тайге старухи под скороговорку, Трещат и воют на пургу по-волчьи, Втыкая в куклу без лица иголку, Чтоб в мире вновь кого-то осурочить.

ЛЕСНАЯ ДЕРЕВНЯ

Берёза домашняя. Старая верба. Стон яблонь и груш благородных кровей. Какая тебя удушила потреба, Деревня лесная, среди купырей.

Мечтала страна, что поднимется в гору, Повесив селенья на шею осин. Иду по скрипящему я коридору Меж призраков спелых хатён и домин.

Вздохнёшь, перекрестишься, молвишь словечко При родичах светлых себе самому. Конечно, всё в мире весёлом не вечно, Но жалко убившую сёла страну.

Сентябрь золотится, за праздником праздник, Любой календарный листок как жених. Деревня лесная – приют и заказник Для птицы, и зверя, и русских святых.

Не хочется плакать, и петь уж тем боле, И даже стихами своими играть. Ещё обожжётся о русское поле, Вокруг зародившись, болотная гать.

Берёза домашняя. Старая верба. Мне видеть ушедшее невмоготу. Мужик до второго пришествия Хлеба Деревню лесную имеет в виду.

ВЕРЕТЕНО

Николаю Иванову

В моей деревне переплетена История и предков, и потомства Кружением борозд веретена От родового ложа до погоста.

Из липы палочка, мазки, резьба И куполом часовенки головка. Таится в ней такая ворожба, Что видится грядущая помолвка.

Чудной на стыке двух миров узор Любая понимает с детства пряха. И выбирает меньшее из зол, Цветастое, как новая рубаха.

Вся жизнь, как нам известно, целина, Не паханная до поры до срока. И нить судьбы вокруг веретена Вращается, как на колу сорока.

Как много в этом мире естества Вещей, вошедших в горницы и в сени. И счастье тут от степени родства Зависит света белого и тени.

С младых ногтей пленила старина Меня от ступы и до маслобойки. Прочувствовал я мир веретена, Быть может, с самой колыбельной койки.

Пряла на нём прабабушка и мать Моей судьбы святые рукавицы. Не зря я начинаю понимать, Где волшебство, а где простые спицы.

БЛИНЫ

Лопаты тракта чувствуют пружинность, Ручьи в канаву – полная труба. Вновь приплелась с утра на трудповинность Урчащая крестьянская толпа.

Конечно, власть теперь вовсю родная, Уж Бога нет и царского штыка. Пришла на шлях деревня коренная По воле непонятного ЦК.

И думает – за что она боролась; Коль разобраться, то сама с собой. По-прежнему сидит на шее волость, Командуя всё той же голытьбой.

Сказали, что повинность для прогресса, Ей при коммуне тоже нет житья. В окно учительница из ликбеза Глядит в слезах, поскольку попадья.

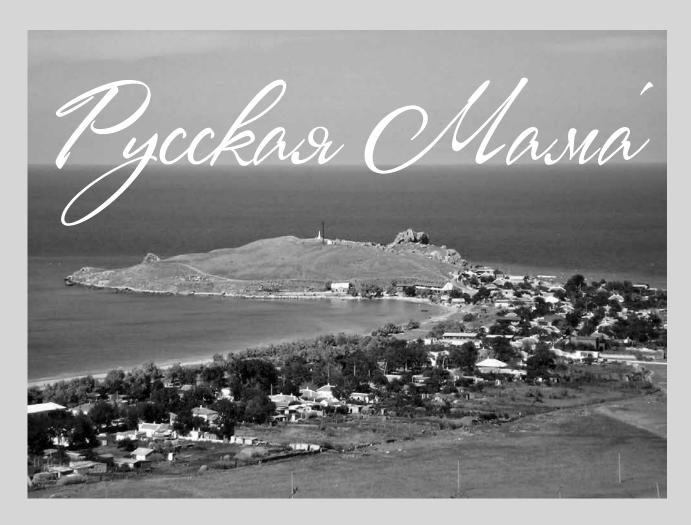
Её священник смирно носит робу И роет к морю Беломорканал. Он проповедь про красную хворобу Не вовремя с амвона прочитал.

Несёт муку пайковую и сито, Кидает в печку яблоневый сук. Пока придёт обещанная сытость, Деревня окочурится от мук.

Работа угасает понемногу, Толпа изнемогает от слюны. И попадья выносит на дорогу Голодной трудповинности блины.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Отчего этот посёлок на берегу моря назывался Русская Мама́, с ударением на последний слог, а не на первый, что было бы естественным, он не знал. Но необычное название ему очень понравилось.

Он много чего тогда ещё не знал в той жизни, куда пришёл семь лет назад. Не понимал он до конца и почему родители уезжали из этой удивительной бухты такими грустными. Но был уверен, что они сердятся друг на друга. А мама так, скорее всего, даже не могла простить за что-то папу. Который откровенно злился, как и всегда при размолвках, когда не мог пробиться к маме, которая становилась как-то меньше, но твёрже, слегка сутулилась и на несколько дней замолкала.

Не знал он и того, что рядом с Русской когда-то была и Татарская Мама́. И хотя маминых родных в конце войны, послушных неумолимой воле, указующей вдаль согнутым крючком пер-

ста, выселили не отсюда, а из Джанкоя, гораздо позже он подумал, что, наверное, ей больно было смотреть на пустое пространство, где смех и голоса детства звучали только в её памяти. Мама мамы и сестра умерли, не доехав до Казахстана. Их похоронили где-то неподалёку от рельсов, в тупике неизвестной маленькой станции. А мама только переболела сильно и выжила, её выходили в детском доме. Где она и получила русское имя. Папа же мамы, вернувшись из немецкого плена, куда попал после окружения в начале войны, отправился уже в советский лагерь. Но умер не там, а когда вышел и не смог найти родных. Сердце не выдержало. Так мама и осталась одна. Пока не встретила его папу. Оттого она больше всего на свете боялась потерять близких. Его с папой.

Даже сейчас, несмотря на хмурые лица, родители оставались молодыми и самыми красивыми. Он и сам это видел, и об этом не-

однократно говорили разные люди, знакомые и незнакомые. Многие из них ещё удивлялись, что он совсем не похож на маму. Все отчего-то считали это странным и нехарактерным. Ведь мама такая чернявая и черноглазая, а он уродился в светловолосого и голубоглазого папу. Словно бы приготовился всю жизнь провести на севере, никогда не возвращаясь на мамину родину, в Крым.

Это было первое их столь далёкое путешествие после покупки папой машины. Они добирались несколько дней, дважды ночуя в пути у знакомых.

Здесь, на долгожданном, отпускном для родителей, жарком юге, всё было просто замечательно.

В чудесный мир они переправились в полутёмном чреве неповоротливого кита, в пропахшем запахами моторного масла и мазута гулком железном пароме, где огромные грузовики и маленькие легковушки спрессовались в единую неделимую массу. Выпустили их к новому свету уже в Керчи, где на окраине, в каком-то Аршинцево, к ним в машину подсели добродушный остряк дядя Юра и его жена тётя Лида, отвечающая заливчатым хохотом на все шутки мужа. Эта пара была живым олицетворением этой солнечной земли – такие заразительно весёлые, что втроем на заднем сиденье было даже лучше, чем одному. Хорошей компанией поехали в заводской пансионат, который всю дорогу расхваливал балагур дядя Юра, если не травил анекдоты и не комментировал езду попутных и встречных водителей. Деление производилось на ездунов, куда входила большая часть, ездоков и редких ездецов.

База отдыха располагалась неподалёку, в Героевке, на Чёрном море, что особо подчёркивал дядя Юра, явно ставя его выше жалкой пресной лужи – Азовского.

Действительность несколько поколебала напор и настрой дяди Юры. Видимо, он сам не ожидал увидеть расположенные на необжитом и продуваемом голом берегу домики, напоминающие снятые с колёс вагончики, душные, без каких-либо удобств, с раскалёнными стальными крышами, похожими на стиральные доски. Но дарёному коню в зубы смотреть со-

всем необязательно, так что оставалось только радоваться. Солнце в выси и синее, а совсем не чёрное море у самых ног никто отменить не мог. Он тоже не понимал, какие ещё нужны удобства, если есть где спать – жаль только, что не на раскладушке, – и главное, совсем рядом бесконечно шумит и зовёт тёплое море, в котором, он надеялся, папа научит плавать.

Однако и тут вышла незадача. Недавний шторм перебаламутил воду и пригнал к пляжу такое количество мелких, как оладьи, белёсых медуз, что мягко вспухающие спинами исполинских рыб волны серебрились склизкой чешуёй. Этим гигантским рыбинам вполне достало бы жадности, чтобы проглотить любого взрослого. Даже такого высокого, как папа. Загорелые мальчишки, гасая по берегу и разбрызгивая ступнями беспрестанно набегающую пену прибоя, бросались медузами друг в дружку. И совершенно не боялись окаменеть под их ужасающим взглядом. В ладонь маленькие студенистые тельца можно брать, они обжигали только менее защищённое грубой кожей тело, когда с липким шлепком попадали в тебя. И глаза нужно беречь. Безбашенные игры недорослей женщины не одобрили, так что после полдника на расстеленной на песке скатерти, несколько раз раненной брызгами смешанного с семенами сока огромных красных помидоров – даже нарезанные ломтями, те были опасны, – мужчины пошли прогуляться к окопам.

В войну здесь с моря высаживался советский десант. Линия обороны захваченного бойцами плацдарма сглаживалась временем, заросшие травой окопы и воронки осыпались, исчезая, как затягивающиеся рубцы, но всё ещё были видны, хотя с войны прошло уже тридцать лет. Цепь земляных укреплений красноармейцев тянулась вдоль побережья всего в сотне метров от воды. На эту узкую полоску тверди сверху, из слепящего зенита, распластав чёрные крыла и затеняя светило, заходили и падали в пике безжалостные железные птицы, и клевали жёсткими клювами землю, стремясь попасть в горстку людей, и теряли свои железные перья, желая их больнее ужалить. Дядя Юра с папой помогли, и, не имея лопаты и вообще каких-либо подручных средств, одними палками, подобранными на земле, они за полчаса отрыли дюжину разнокалиберных гильз, от больших, вроде из самолётных пулемётов, до обычных пулемётных и винтовочных. Дядя Юра даже нашёл пару немецких автоматных. Бои шли и врукопашную, прямо в окопах. Оттого по этим холмам так много бессмертников. Эти росшие отдельными купами ярко-жёлтые цветы на высоких серых ножках при обилии соцветий всё равно производили впечатление одиноких. Судя по названию, они вырастали на месте гибели людей. Каждый цветок – умерший человек. Единственная память. А папин папа погиб подо Ржевом. Дядя Юра рассказал, как его сын с другом нашли прямо на просёлочной дороге неподалёку отсюда торчащий почти на всю длину из земли гранёный острый штык. Ржавый металл так плотно сидел в многократно изъезженной колее, что ребята не смогли вырвать его без подручных средств. Возможно, он даже был на винтовке, потому и не поддавался. Взрослые отказались идти к находке – нужно было возвращаться в город, – как ошалевшие и возбуждённые пацаны ни упрашивали. Дядя Юра рассмеялся. Где точно находится штык, он указать не смог. Только поводил головой. Здесь всё перепахала война. Осколков вокруг вообще не счесть. Они даже не взяли их с собой. Кроме одного, зазубренного, с выбитыми на нём цифрами. Мама и так была недовольна и немного наругала за трофеи, но он упросил оставить патроны. Правда, выковыривать из них спичками землю и мыть пришлось самому. Мама наотрез отказалась прикасаться к оружию.

Не пошла мама и купаться, после того как дядя Юра сообщил, что по всему побережью до сих пор находят неразорвавшиеся бомбы и снаряды. Но редко, уточнил он, увидев испуг в её глазах.

Дядя Юра организовал лодку. И настоящие мужчины на вёслах вышли в море за провиантом, ловить рыбу. Если не встретится более крупной дичи. Акулы там или огромных черепах. Надо же было обеспечить пропитанием женщин. Тётя Лида с мамой остались на берегу, ждать и надеяться на улов. Мама строго-на-

строго наказала папе следить за сыном, тот обещал, потрепав его вихрастую белобрысую голову.

Первым делом дядя Юра, ныряя, голыми руками надрал чёрных мидий. Эти дары моря лепились к обросшим юбками мохнатых зелёных водорослей опорам далеко уходящего на глубину пирса. То ли снесённого бурей, то ли разрушенного в войну. Очень вкусные ракушки, убеждал всеядный дядя Юра, легко раскрывая, поддев ногтем, чёрные створки. Папа побрезговал есть моллюсков сырьём, но ему не стал запрещать. И они вдвоём с дядей Юрой, сидя на банке, а никак не на лавке, и в шлюпке, а не в лодке, на траверзе Героевки, в открытом море, что было очень по-рыбацки, съели по несколько штук, после того как дядя Юра выковырял выводящую отходы перерабатываемых водорослей часть овально-плоского тельца мидий. Даже солить их не нужно, они и так жили в рассоле.

Сначала на банке – уже на песчаной отмели – ловили обычных, песочного цвета бычков, используя для наживки всё те же трудно насаживающиеся на крючок недоеденные мидии. Ловля шла на закидушки, проще сказать, на смотанную на дощечку леску с несколькими крючками на конце. Снасть перекидывали за борт, стравливали и, держа натянутой через указательный палец, ждали поклёвки хитрой головастой рыбёшки. Пара мелких не удовлетворила азарт, посему снялись с якоря и ушли дальше от берега. На камнях водились бычки-кочегары, чёрные как уголь. Папе и дяде Юре везло, а ему, как неопытному салаге, никак не удавалось поймать даже хамсу, тюльку или кильку. Так что дяде Юре пришлось захотеть освежиться и насаживать под водой на крючки его закидушки предварительно взятых из улова бычков, сразу по два. Он заметил, хоть и не сразу, эту уловку дяди Юры, но тот сказал, что повинную голову меч не сечёт, и попросил прощения. Однако испытать возбуждение из-за вытащенной самолично, трепыхающейся в воздухе рыбы удалось. Тем более что дядя Юра убеждённо твердил, что подправил его рыбалку только после долгого перерыва в клёве.

На обратном ходу в гавань другое происшествие заслонило выходку папиного друга. Дядя Юра спас утопающего. Это произошло так быстро, что они с папой не успели даже понять, что случилось. Позже он только припоминал искажённые в беззвучном крике лица женщин в лодке неподалёку, странное молчаливое барахтанье взрослого мужчины, вздумавшего нелепо махать руками и плескаться в одиночку. Неожиданно дядя Юра прыгнул в волны, подхватил ускользающего в небытие захлёбывающегося мужчину, оказавшегося, что почему-то отметилось, в узких голубых плавках с нависающим на них животом,

перевалил с помощью папы через борт и, надавливая тому на спину, добился, что из его рта полилась вода. Когда пьяный толстый мужик очухался и его знакомые неумело, кругами подгребли вплотную, несостоявшегося утопленника пересадили к ним в лодку. Ни спасённый, ни его подруги, от скоротечности события или от испуга, даже не поблагодарили дядю Юру.

Женщинам решили не рассказывать о спасении на водах, чтобы не пугать. А то некоторых так в море вообще не затянешь. Папа, конечно, имел в виду трусиху маму.

У свай несуществующего пирса ещё раз задержались для придания добыче необходимого объёма, и дядя Юра, углубляясь подолгу под воду, набрал приличную гору мидий.

Ужаснувшись от героической истории с поеданием мидий сырыми, мама недоуменно посмотрела на дядю Юру, когда тот объявил, что приготовит из ракушек блюдо, достойное лучших ресторанов побережья. Причем без всякой помощи слабого пола. Тетя Лида шутливо отмахнулась.

Колдуя как заправский повар и действительно отстранив женщин от стряпни, дядя Юра приготовил мидий варенными в казане на костре, дополнительно начинив рисом, мор-

ковкой и специями. Мама отказалась есть эти раковины. Оказывается, те, пропуская через себя литры воды за день, питались мёртвыми остатками всех организмов, умирающих в море. Но и водорослями, ради справедливости уточнил дядя Юра. В общем, мама обошлась вкусными, похрустывающими на зубах бычками, которых с тётей Лидой вдвоём пожарила на сковороде.

Окончание праздника морских даров проходило при всё усиливающемся ветре. Погода портилась на глазах. С моря из наползающей одеялом чёрной тучи опять заходил шторм, так что решили уезжать, не

оставаясь ночевать.

чтоб не быть унесёнными в Турцию прямо в отведённом на ночлег домике. Папа с дядей Юрой по дороге в город захотели заехать по каким-то делам

на завод, так что удалось упросить отправиться в

Керчь на катере, который болтался на волнах у берега. С мостика матрос в рупор зазывал отдыхающих на борт, обещая через двадцать минут доставить в Керчь. Странно, как мама согласилась на это плавание. Когда крупные капли дождя уже косо резали воздух, впиваясь в незащищённую плоть, по зыбкому трапу с вантовыми висячими перилами он с женщинами взошёл на борт, чтобы тут же спуститься по лесенке внутрь, в салон.

Притихшие пассажиры сидели на низких лавках глубоко под водой друг против друга спинами к бортам, так что видеть происходящее снаружи можно было только в иллюминаторы напротив. Наверху быстро синело, почти до черноты. Временами казалось, катер, натужно ревя моторами, окончательно уходит на добычу могучему морскому царю. Посудина рыскала носом и валилась на стороны, проваливаясь в ямы. Однако льющиеся на стёкла потоки, вперемешку от ливня и разбиваемых

волн, говорили о том, что они ещё борются со стихией, не поддаваясь затягивающей на дно чудовищной силе. Этот шторм по пути в Керчь напугал всех пассажиров, бледные лица выдавали состояние людей. Однако никто не плакал, даже дети. От сильной качки и рывков катера, когда тот вырывался из цепких объятий толщи воды и падал с гребня волны в очередную жуткую пучину, его мутило.

Слабый отголосок этого состояния он чувствовал, когда пил воду в городе. Запах и привкус сероводорода чувствовался даже в сладком и ароматном газированном лимонаде.

По прибытии – они действительно добрались до Керчи, правда за полчаса, но живыми, хотя, честно сказать, едва, - уже дома у дяди Юры с тетей Лидой, выяснилось, что он, папа и дядя Юра отравились шпротами, одна банка которых, будучи вскрытой на перекусе в трюме парома, была подъедена бравыми мужчинами во время обеденного пиршества в Героевке. Правда, мама была уверена, что интоксикация организма произошла не от испортившихся на жаре консервов, а от поедания мидий. Даже приготовленных, не говоря о сырых. Нестыковка была явной, ведь тётя Лида, не говоря о самой маме, тоже не заболела. А она, как и папа, не ела мидий сырыми, а только варёными. Так что мама нехотя признала, что те, должно быть, ни при чём. Но чувствовалось, что она осталась при своём мнении. Тем более зная рацион этих ракушек.

Несколько дней прожили у дяди Юры с тётей Лидой. В трёхкомнатной квартире было достаточно места, их дети были в пионерском лагере. Непонятно только, зачем отправляться куда-то на отдых, когда море в десяти минутах ходьбы. Он обгорел, и в один из дней так сильно, что мама мазала плечи и спину сметаной, а он бегал по комнатам, создавая встречный ветерок, чтобы охладить разгорячённое тело. Мама даже градусник ставила, качала головой и вздыхала. Но всё обошлось, только через время

он стал терять кожу, лоскутами обдирая сухие белые лохмотья.

Дни они семьёй проводили на море. А в выходной к ним присоединились дядя Юра и тётя Лида. Неугомонный дядя Юра тут же порешил, что приготовит уху прямо на пляже. Это там, где лежат отдыхающие, костров разводить нельзя, а под самым забором они никому не помешают. Кстати, купаться здесь тоже запрещено – и ничего, вон сколько народу. Место они выбрали у самой бетонной стены, условно ограждавшей расположенный позади судоремонтный завод, на котором трудился электриком дядя Юра. В один из проломов дядя Юра и отправился с кастрюлей, набрать воды. Мама не пустила с бедовым ухарем – наверное, специалистом по ухе – дядей Юрой. Юшка же получилась знатной, пристёрбывалась смачно. Рыба, правда, была покупной, слегка язвила тётя Лида. Но ничего, главное, навар удался. Рыбки были такие вкусные, что обгладывались и обсасывались до белых скелетиков. Соседи ловили запахи расширенными ноздрями.

После того как дядя Юра сообщил, что младший сын часто находил на пляже деньги, однажды даже часы золотые и цепочку, он перевернул и перекопал руками кубометры, но никакого клада не попалось. За исключением всякого мусора. Люди теряли ценности, переодеваясь, и потом, если вовремя кидались за

пропажей, часто не могли отыскать их в песке. Валерка просеивал песчинки мелкой рыбацкой сетью, которую специально приносил из дому. Кстати, Ленка до сих пор носила часики – Валерка подарил сестре на день рожденья.

На следующий день, в воскресенье, в городе ожидался большой праздник – День Нептуна. Больше на потеху отдыхающих, местные чтили День рыбака.

Утром в предвкушении торжества прогулялись на рынок. Развалы рыбы зазывали, но его больше всего влекли варёные розовые креветки. В кульках, свёрнутых фунтиком из газет, бабки продавали по полтиннику на каждом углу и раньше, но лишь сегодня, по случаю ли праздника или при тёте Лиде, мама разрешила купить вкусных, легко очищающихся рачков.

День Нептуна разочаровал. Самого подводного царя олицетворял лохматый и бородатый старик в короне, плавках и водорослях. Под звуки маршей из репродукторов, разъезжая туда-сюда вдоль увешанной флагами набережной на моторке, поддерживаемый под руки матросами дед потрясал трезубцем, похожим на большой гарпун для подводной охоты, и разбрасывал извлекаемые из мешка ракушки и мишуру. Приличного размера раковина прилетела в плотную толпу и попала зазевавшейся женщине по соседству в голову, да так неудачно, что у неё из-под волос на лоб потекла кровь.

Ему не повезло, и раковина досталась тем, кто стоял ближе к происшествию. Уже в Русской Маме папа сплавал сажёнками к самой дальней отмели, где зарождались первые волны, и достал ему со дна большого рапана, в глубине которого всегда шумело море, даже когда они вернулись к себе домой, на север.

Тогда, на празднике, дядя Юра и предложил родителям ключи, по его словам, позыченные у знакомого, от дома в дачном посёлке, который, смакуя во рту звуки, называл Русская Мама При этом тётя Лида каждый раз уточ-

няла, что это теперь Курортное. А дядя Юра неизменно прибавлял, что там обязательно понравится, на что тётя Лида согласно кивала и улыбалась приятным воспоминаниям.

Последнюю летнюю неделю перед отъездом домой в Пермь можно было уединённо провести на море. Ничего не делая, ни с кем не общаясь, загорая и купаясь.

И вот теперь они уезжали после всего лишь одного-единственного дня восторга от пребывания в Русской Маме́

Действительно, совершенно непонятно, как можно было добровольно покинуть столь притягательное место. Как магнитный железняк, который случается в природе, по словам папы.

Нашли они с ним на склоне всего лишь бурый, но тот тоже очень полезен.

Из него извлекают железо. А с виду камень и камень, только рыжий, как дядя Юра. Но здесь вся почва такая, от обилия железа.

На первый взгляд, ничего, по сути, необыкновенного им не открылось. Солнце, степь, песок, жёсткая трава, пробивающаяся на поверхность, несмотря на сухую глинистую корку, тёплое море и тишина, шуршащая жёлтыми песчинками при каждом дунове-

нии лёгкого ветерка.

После голой, поросшей выжженной солнечными лучами травой земли разом появилось показавшееся издали голубым Азовское море. Машина выехала на гребень холма, папа притормозил, и они радостно затормошили так и не развеселившуюся до их возбуждения маму. Протяжная бухта со спокойной гладью, совершенно без барашков, пугающих маму, лежала перед ними, доступная к охвату одним взглядом. К вогнутому берегу долго катились пологие и невысокие валы волн, мягко зализывая песчаный берег, где лепились домики, теснясь к воде.

Плавать он не умел, пока так и не научился. И мама, опасаясь за него, настрого запрещала заходить далеко. А уж без папы и

вовсе нельзя купаться. Оттого он катался на мелководье на длинных, серых и тёплых волнах неглубокой бухты, вытягивая перед собой лыжами руки. И при каждом возвращении махая приветственно маме, оставшейся сидеть на полотенце и улыбающейся ему всякий раз, когда их глаза встречались. Он же прискоком отбегал в море, чтобы вновь поймать волну при начале зарождения и подольше проехаться на её вспухшем бледно-зелёном живом теле до самого песка. Папа страховал, барражируя разными стилями плавания и отсекая его от тёмной глыби.

Неподалёку худосочный парень гонялся за смеющейся взахлёб девушкой и, наконец догнав, попытался подкинуть в воздух. И папа, заскучав от однообразных перемещений в детском лягушатнике, включился в их игру, вызвался помочь парню выбросить девушку повыше к небу. Та начинала смеяться, ещё только забираясь на сплетённые в замок мужские руки, от предвкушения того, как, вытянувшись вперёд, вонзится узкой рыбкой в воду и вынырнет в десятке метров от восторгающихся её грацией мужчин.

Наблюдая за заразительно увлекающимся папой, он шагами сместился в море, к самому началу образования высокого гребня. Дождался девятого, и ему удалось оседлать медленно вспучивающийся горб. Его стремительно понесло к суше, однако вал волны, захлёстнутый отхлынувшей от берега подругой, опал вдалеке от пенистого уреза воды, и он не успел твёрдо встать на ноги, как его тряпичной куклой понесло обратно. Сбитый лавиной едва солёной жидкости, он захлебнулся, попытался неловко грести в водовороте, но не смог преодолеть напора буруна – его неотвратимо тащило на глубину, куда возвращалась живая вода, чтобы вновь обрести желание взять приступом такой далёкий берег. Отчаянно барахтаясь, он вытягивал шею, чтобы увидеть свет, а не мутную, пузыристую воду, которая затекла в рот и ноздри. Старался удержаться на мелководье, но тщетно, его неотвратимо тащило от не обращающих на него внимания, радостных в своих забавах людей. Наконец из последних сил выпрямился, и ему удалось зацепиться кончиками пальцев ног за дно, покрытое уже

мелкими камнями. И устоял при последнем втягивающем дыхании волны - теряя своё, полностью накрытый пологом воды, выгнутый дугой, стремясь всей душой к маме, - когда ноги, едва цепляющиеся за грунт, и руки, короткими толчками отбрасывающие воду, оставались уже позади тела. Почувствовав затишье во вдохе моря, он вырвался из затягивающейся петли и, теряя последние силы, погрёб к берегу, помогая ногами, зарывающимися в песок. Боясь показаться на глаза родителям, он, отплёвываясь, отдышался на мелководье. Волны били в дрожащие колени, бросая на песок, но он неизменно вставал, не давая подумать, что с ним что-то случилось, и поглядывал на маму с папой, которые стояли друг против друга, разделённые смятым полотенцем, и о чём-то возбуждённо разговаривали. Вернее, говорил папа, жестикулируя, как всегда, когда бывал чем-то недоволен, а мама стояла молча и смотрела в сторону, закусив верхнюю губу.

Он не знал, что переживал папа, когда отлучился помогать незнакомому парню подбрасывать девушку. Вспоминал ли своё детство, или первую любовь, или маму. Не знал он, и о чём думала мама. О том ли, что папа мог бросить её, или она огорчалась, что папа оставил его одного в непредсказуемом море.

Знал он только, что мама до паники боится того, что он может утонуть. Она ещё очень сильно переживала своё возвращение из роддома без сестрички, которую ему обещали. И потому, наверное, держала около себя и его, и папу, боясь тоже потерять.

Спрятав ключ в условленном месте под крыльцом, они покинули деревянную дачу, стоящую зарывшись прямо в песок.

В этом покинутом доме были скрипучие некрашеные дощатые половицы, много плетёных тканых белых занавесочек с вышитыми той же нитью, только плотнее, рисунками, накидок на кроватях, подушках, тумбочках, гнутых стульях. Соломка ковриком встречала желающего отдохнуть в плетёном кресле, суконные рогожки и рядна покрывали сундуки с неведомыми сокровищами, вывезенными с далёких островов. На стенах не висело фотографий, и оттого нельзя было представить людей, бывавших здесь. Но от-

чего-то казалось, что если бы фотографии были, то их было бы много, на всех стенах, чёрно-белых снимков в узких блестящих, похожих на начищенный алюминий рамках. Незнакомая семья, поодиночке, парами и группами, неизменно бы улыбалась. В этой застывшей жизни, непонятой и неведомой, но такой привлекательной, что это невозможно было выразить словами, хотелось, никогда её не оставляя, пребывать вместе со стрёкотом сверчка, жужжанием жука, скрипами и шорохами. Охватывало желание погрузиться в вечно текущее стоячей волной время, слиться с тёплыми, затхлыми запахами тлена и пыли, с присвистом ветра за маленькими окнами, со звяканьем стёкол, с покачиванием ветхих стен, словно бортов парусного судна, стоящего на якоре в кромешный шторм, выдерживая все удары и сполохи стихии.

Как приятно было бы лежать в постели и слушать наступающую ночь. Неизбывный шум набегающих волн, продолжающихся на суше сеющимися позёмкой жёлтыми песчаными разводами, такими глубокими, что утопают ступни, которые легко порезать о жёсткие стебли изредка пробивающейся из песка колючей травы.

Ему не хотелось отсюда уезжать. И не потому, что нужно будет идти в школу. В первый класс он как раз хотел.

Папа накрыл ладонью мамину руку, лежащую на колене, и она не отняла её. Папе пришлось убрать свою руку лишь на крутом повороте, когда он крепко и надёжно взялся за рулевое колесо.

Незаметно для родителей, наблюдая за ними с заднего сиденья автомашины, он грустил, продолжая всматриваться в океан бурой степи, неотвратимо съедающей синеву моря, так что скоро лишь бездонная голубизна безоблачного неба будет напоминать о водной глади. Как же хотелось слиться с ней, стать её частицей и скользить в толще этого единства.

Он надеялся, что когда-нибудь возвратится, чтобы снова пережить непередаваемое словами чувство сопричастности и проникновения в иной мир. Хотя уже и понимал, что это до конца невозможно. Ведь ничто не стоит на месте, и второго раза, повторяющего первый, не бывает. Всё меняется, и мы меняемся, только какие-то главные, глубинные связи в нас неизменны.

Вскоре впереди покажется паром с разверстой пастью, готовый неустанным проводником перевезти на другой берег, возвращая их на обратный путь – домой.

Николай ЖЕЛЕЗНЯК

ИЗВЕСТНЫЙ КОСМОНАВТ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По приглашению главного редактора литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолия Трубы Тамбовскую область посетил известный космонавт Олег Артемьев. Знакомство состоялось в январе текущего года в Звёздном городке на торжественной встрече 55/56-го экипажа МКС, командиром которого являлся Артемьев. В ходе беседы Анатолий Труба выяснил, что Тамбовщина является малой родиной космонавта, и пригласил посетить её, что и было осуществлено.

Первой точкой посещения стал Музейно-выставочный центр Тамбовской области. Космонавта-испытателя, Героя России Олега Артемьева встретили стоя, под громкие аплодисменты. 118-й космонавт СССР/России и 534-й космонавт мира, за его плечами два космических полёта и три выхода в открытый космос. Участник основных космических экспедиций МКС, а также 14- и 105-суточных подготовительных экспериментов по программе «МАРС-500». В общей сложности продолжительность полётов составила 365 суток 23 часа и 5 минут.

Ещё до начала официальных мероприятий руководитель Музейно-выставочного центра Игорь Николаев провёл небольшую экскурсию.

Похвалиться есть чем: всего полгода назад в военном музее открыли новый выставочный зал, посвящённый космической славе Тамбовской области. Здесь собраны материалы, переданные в дар музею Корпорацией «Роскосмос» и ЦПК имени Гагарина. Ещё одна удивительная экспозиция – полная коллекция космических эмблем, которые являются неотъемлемой частью космической атрибутики экипажей. Также в «космическом» зале представлены личные вещи и уникальные фотографии легендарных космонавтов.

Олег Артемьев тоже приехал не с пустыми руками. В дар музею переданы личные вещи, шевроны и комбинезон. Тем более что жизнь

космонавта тесно связана с Тамбовской областью. Здесь он проводил своё детство, здесь живут родственники и друзья.

После небольшой экскурсии – живое общение. Зал военного музея с трудом вместил всех желающих пообщаться с космонавтов. Небольшой рассказ о себе и ответы на многочисленные вопросы. Особенно их много у воспитанников кадетского корпуса, двое признались, что хотели бы так же, как и Олег Германович, стать космонавтами. Участников встречи интересовали десятки тонкостей космической жизни: как происходит подготовка космонавтов, как составлен распорядок дня, приходилось ли справляться с внештатными ситуациями – и, конечно, жизненный путь Героя. Олег Артемьев признался, что в отличие от других детей космонавтом он стать не мечтал. Это желание появилось позже, когда он был студентом МГТУ имени Н. Э. Баумана.

На орбитальной станции времени практически не остаётся. Исследования, ежедневная работа на корабле и обязательная спортивная подготовка. Но если всё-таки выдаётся свободная минутка, то её космонавты стараются посвятить разговору с родными и близкими.

Вторым пунктом назначения стал город Мичуринск, где космонавт посетил Ильинский храм, Дом-музей И. В. Мичурина и аэрофестиваль, на котором выступил с поздравлениями и подарил гостям мероприятия фотокарточки с автографами.

При расставании Олег Артемьев заверил Анатолия Трубу, что в ближайшее время обязательно посетит Тамбовскую область со своими родителями.

ПИСАТЕЛИ В ЗВЁЗДНОМ

24 АПРЕЛЯ РЕДАКЦИЕЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И СОТРУДНИКОВ ЦЕНТРА ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ.

Группа писателей во главе с первым секретарём правления СП России Геннадием Ивановым посетила Звёздный городок. В ходе визита писатели встретились с ведущими космонавтами Центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина, среди которых были Валерий Корзун, Сергей Ревин, Салижан Шарипов и другие.

Космонавты рассказали гостям о своей работе, традициях, о перспективах развития космонавтики, а также ответили на интересующие вопросы. Но сильными впечатления от встречи остались и потому, что на территории Звёздного городка каждый почувствовал себя будто попавшим во времена великого Советского Союза. Сразу складывается ощущение, что люди занимаются в этом месте конкретным

научно-практическим делом, а не коммерцией во имя личной наживы.

Они любят свою работу и одухотворены её значимостью для настоящего и будущего в жизни человека. И это отражается на их лицах – открытых, доброжелательных и с явной печатью интеллекта.

Писатели выступили перед «звёздной» аудиторией, поэты читали стихи, все дарили свои книги отряду космонавтов и библиотеке Звёздного городка.

После творческой встречи главный специалист Космоцентра Юрий Байков провёл для писателей экскурсию. Мероприятие получилось очень тёплым и душевным. Руководство отряда космонавтов выразило пожелание продолжить такие встречи.

